

Карельский научный центр
Российской академии наук
Институт языка, литературы и истории

Ковалева Светлана Викторовна
Родионова Александра Павловна

**ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ
В ЛЕКСИКЕ И ГРАММАТИКЕ
КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА**

(по данным социолингвистического исследования)

Петрозаводск
2011

УДК 811.511.112:81'27

ББК 81.2

К 56

Рецензенты:

Т. П. Бойко, научный сотрудник сектора языкознания ИЯЛИ КарНЦ РАН

Т. В. Паикова, ст. препод. каф. карельского и вепского языков
факультета ПФФик Петр ГУ, канд. филол. наук

К 56 Ковалева С. В., Родионова А. П. Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка (по данным социолингвистического исследования). Петрозаводск: Карельский научный центр РАН, 2011. 138 с.
ISBN 978-5-9274-0498-8

Монография посвящена исследованию процессов, происходящих в лексике и грамматике карельского языка в период ревитализации. Анализ современных процессов осуществляется с привлечением данных исторического развития карельского языка, тем самым выявляется преемственность формирования письменной традиции и происходящих в языке изменений. В работе освещены не только теоретические, но и практические аспекты языковой жизни с использованием материалов осуществленного социолингвистического исследования.

УДК 811.511.112:81'27

ББК 81.2

ISBN 978-5-9274-0498-8

© Ковалева С. В., Родионова А. П., 2011

© Карельский научный центр РАН, 2011

© Институт языка, литературы и истории КарНЦ РАН, 2011

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	4
1. История карельской письменности	8
1.1. Письменные памятники XIII – начала XX века	8
1.2. Языковое строительство в 1920–1940-е гг.	13
1.3. Ревитализация карельской письменности	24
2. Традиционный лексический фонд карельского языка и современные словообразовательные процессы	31
2.1. Источники создания новой лексики в карельском языке	33
2.2. Современные словообразовательные процессы	38
3. Традиционные и новые явления в грамматике карельского языка	73
3.1. Падежная система карельского языка.	73
3.2. Формирование новейших падежных формантов в карельском языке	79
3.3. Возникновение послеложных падежей в карельском языке	83
3.3.1. Элатив	83
3.3.2. Аблатив	84
3.3.3. Комитатив	85
3.3.4. Терминатив	86
3.3.5. Аппроксиматив	87
4. Уровень понимания новейшей лексики и использование новейших падежных формантов носителями карельского языка (по данным социолингвистического исследования)	91
4.1. Объект исследования	91
4.2. Социолингвистическое исследование лексики	93
4.3. Социолингвистическое исследование падежных форм	98
Заключение	106
Образцы карельской речи	110
Список литературы и использованных источников	118
Список принятых сокращений используемых источников и литературы	128
Список информантов	129
Список принятых сокращений	133
Приложение № 1	134
Приложение № 2	135

ВВЕДЕНИЕ

Карельский язык относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорской языковой семьи. На всей территории проживания карелов он разделяется на три основных наречия: собственно-карельское, ливвиковское и людиковское и более мелкие территориальные языковые единицы – диалекты и говоры.

На собственно-карельском наречии говорят в центральной и северной частях Республики Карелия, в Тверской, Ленинградской и Новгородской областях, данное наречие наиболее близко финскому языку. Ливвиковское наречие распространено на северо-восточном побережье Ладожского озера (в южных районах Карелии), оно включает в себя черты как собственно-карельского, так и ряд особенностей вепсского языка. Людиковское наречие представляет собой промежуточное звено между ливвиковским наречием и вепским языком и распространено территориально восточнее ливвиковского наречия (Макаров 1966: 78).

Согласно классификации языков, принятой в Красной книге ЮНЕСКО и характеризующей степень витальности и сохранности языков, карельский язык относится к группе так называемых «неблагополучных» (endangered), характеристиками которых является сокращение числа детей, говорящих на языке, а также наличие общего количества носителей языка менее 1 млн. (см. Ковалева, Родионова 2009: 104).

Существует также определенная иерархия языков, в основе которой лежит такой критерий как время зарождения письменных традиций, формирования письменной формы языков. В соответствии с этим критерием языки делятся на старописьменные, младописьменные и новописьменные (см. об этом: Письменные языки мира...2000). История формирования письменностей языков очень многообразна: одни языки имеют устойчивую письменную традицию, в судьбе других языков в силу ряда экстралингвистических факторов письменная традиция бывает прерванной. История развития карельской письменности позволяет отнести карельский язык к числу языков с прерванной письменной традицией. С точки зрения воссоздания карельской письменности в своей работе мы называем карельский язык новописьменным, но, на наш взгляд, между терминами *младо-* и *новописьменный язык* нет существен-

ного противоречия. В обоих случаях речь идет о недавно (в исторических временных масштабах) созданной или создаваемой письменной традиции, имеющей свои исторические предпосылки.

Карельский язык длительное время функционировал в основном в устной диалектной форме, поэтому одной из главных проблем исследования является анализ того, каким образом диалекты вливаются в литературный язык и каково соотношение диалектов и говоров внутри одной литературной нормы. В настоящее время развиваются различные уровни структуры карельского языка, чему способствует возрождение письменности и становление литературной формы, которая наблюдается в новых художественных произведениях, как в прозаических, так и в поэтических. Формирование нормированного языка обусловлено его востребованностью в образовании, культуре, медиа, науке.

В монографии мы попытались дать интегрированное описание развития структуры новописьменного карельского языка, произведенное в синхронном контексте формирования письменной традиции и унификации нормы. Унификация нормы, в свою очередь, предполагает выработку стандартов для языковой системы в целом. В связи с этим изучение установок носителей карельского языка о формирующихся стандартах и их использовании в современной коммуникации представляется исключительно актуальным. Перед исследователями неизбежно встает задача выяснения того, в какой мере новые явления в языке соответствуют традиции и какова их перспектива с точки зрения жизнеспособности.

Монография включает следующие разделы:

1. Первая глава представляет собой историческую справку о формировании письменной традиции карельского языка и охватывает периоды, начиная с первых фиксаций письменных памятников на карельском языке (XII–XIII вв.) и заканчивая этапом 1940-х гг., когда зародившаяся письменная традиция была прервана в первую очередь по ряду исторических, политических, отчасти лингвистических причин.

Период 1920–1940-х гг. в историческом плане был в значительной мере политизированным, поэтому события, влиявшие на формирование письменной традиции, представлены в большей степени именно в политическом аспекте. События, оказавшие влияние на судьбу карельского языка в этот недолгий период языкового

строительства, менялись зачастую слишком быстро и радикально. Язык же, предполагающий, как и любая другая «живая» система, наличие определенного пространства и времени для своего более или менее полноценного функционирования в соответствии с реформами эпохи, не «поспевал» за стремительными переменами курсов национальной и языковой политики (порой абсолютно противоположных друг другу). Однако мы не ставили задачи давать оценку этим событиям, анализировать их с точки зрения политики и лингвистики. Мы попытались представить события в качестве исторического фона, который, несомненно, имел преимущественное влияние на формирование судьбы карельской письменности.

Глава завершается кратким обзором современного периода ревитализации.

2. Вторая глава, подготовленная С. В. Ковалевой, посвящена анализу формирования новой лексики и терминологии карельского языка с учетом некоторых исторических фактов и общей характеристики лексического фонда. В главе рассмотрены основные способы образования новых слов и выявлены наиболее продуктивные модели, используемые в процессе создания современного тезауруса карельского языка.

3. В третьей главе, подготовленной А. П. Родионовой, рассматривается современное состояние падежной системы карельского языка, ее диалектные различия в авторских грамматиках, формирование в отдельных наречиях падежей новейшего образования - аппроксиматива и терминатива, исторические предпосылки их возникновения и современное функционирование падежей в литературной и разговорной формах языка.

4. В четвертой главе представлены результаты социолингвистического исследования, касающиеся уровня понимания новой лексики носителями языка, степени «вживаемости» в язык новых слов на основе анализа мнений информантов, а также употребления послеложных падежей в речи карелов. Материал был собран в ходе четырех экспедиций в Пряжинский, Кондопожский и Лоухский районы Республики Карелия. Нами было опрошено около ста информантов, носителей всех трех наречий карельского языка разных возрастных и гендерных групп. Подобные синхронные исследования, на наш взгляд, важны и актуальны именно на этапе формирования языковой нормы, поскольку они дают возможность

«отфильтровать» некоторые языковые явления по степени их «пригодности» и использования в языке с учетом мнения самих носителей карельского языка. Материалы исследований позволяют отобрать или, по крайней мере, учитывать наиболее приемлемые варианты лексической, грамматической и других норм для дальнейшего их закрепления в языке.

5. В качестве приложения мы включили некоторые расшифрованные материалы образцов карельской речи, собранные в ходе экспедиций в районы Республики Карелия. Данные образцы речи наглядно демонстрируют сочетание традиционных элементов лексики и грамматики и некоторых новаций в речи, обусловленных современной языковой ситуацией. Из этических соображений некоторые личные данные информанта не указаны.

Выбор языкового материала объясняется тем, что во второй главе, посвященной новой лексике карельского языка, представлены лексические единицы в основном новописьменного языка, который получает развитие на двух наречиях – ливвиковском и собственно-карельском. В третьей главе, рассматривающей более статичную систему языка – грамматику, языковой материал базируется в основном на диалектных примерах из ливвиковского и людиковского наречий. Это объясняется тем, что в собственно-карельском наречии послеложные падежи не получили развития. Языковой материал четвертой главы, где представлены результаты социолингвистического исследования, собран на отдельных территориях проживания карелов-людиков и собственно-карелов. Выбор этих ареалов был обусловлен тем, что: 1) по особенностям современного состояния людиковского наречия карельского языка в настоящее время материалы практически отсутствуют, поэтому нам представлялось важным изучить языковые явления данных территорий; 2) наши собственные предыдущие исследования карельского языка касались главным образом ливвиковского наречия, поэтому ареал проживания собственно-карелов также попал в поле нашего научного интереса. В четвертой главе есть примеры и из ливвиковского наречия, поскольку, например, на территории проживания людиков встречаются представители и других групп карелов, в том числе ливвиков.

1. ИСТОРИЯ КАРЕЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

1.1. ПИСЬМЕННЫЕ ПАМЯТНИКИ XIII – НАЧАЛА XX ВЕКА

Несмотря на то, что письменная форма карельского языка официально начала свою историю с 1930-х годов, развитие письменной традиции началось значительно раньше.

В 1957 году в Новгороде профессором А. В. Арциховским была найдена берестяная грамота с записью заклинания от молнии. Впервые данный текст был опубликован и прокомментирован Ю. С. Елисеевым:

юмалануоли 10 нимижи
ноули съ хан оли омо боу
юмола соудьни иохови

В переводе это звучит как:

Божья стрела (молния),
Десять имен твоих.
Стрела та она принадлежит богу,
Бог судный направляет (Елисеев 1959: 66).

Текст данной берестяной грамоты (N 292), датируемой XII–XIII веками, принято считать первым письменным текстом на карельском языке. Впоследствии появились и другие интерпретации данного текста (см. напр. Е. А. Хелимский 1986; J. Laakso 1999).

Всего в Новгороде было найдено восемь берестяных грамот XIII–XIV веков, содержащих карельские собственные личные имена и топонимы. Первые карельские слова в письменных источниках известны с начала XIV века. Географические названия карельского происхождения встречаются в тексте Ореховецкого мирного договора (1323 г.), например, Кореломкошки, Сергилакши, Пуноярви. Карельские географические названия и личные имена встречаются в «Переписной окладной книге по Новгороду Вотцкой пятины 7008 года» (1500 год по новому летоисчислению), а также в «Писцовых книгах Обонежской пятины 1496 и 1563 гг.».

Первая попытка создания карельской письменности была связана с миссионерской деятельностью православной церкви в Карелии и относится к середине XVI века, когда монах Федор Чудинов

«рискнул изобресть письмена для карельского языка, на котором никогда раньше не писал ни один человек». Чудинов разработал азбуку для карелов и перевел некоторые молитвы на карельский язык (Баранцев 1967: 91–92).

К ранним письменным памятникам карельского языка исследователи относят русско-карельские словарные записи XVII – начала XVIII веков (Керт 2000: 19) и тексты заговоров из рукописного сборника (Баранцев 1984). Заговоры помещены в сборник, относящийся к Обонежью, и записаны кириллицей. По мнению С. А. Мызникова, в заговорах можно найти людиковские, ливвиковские, собственно-карельские и вепские черты, неоднородные по своим фонетико-морфологическим признакам (Мызников 2009: 99). Среди языковых особенностей данных заговоров С. А. Мызников отмечает следующие: 1) грамматические особенности: наличие 12 падежей (инессив, адессив, транслатив, иллатив, элатив, элатив в значении инессива, терминатив, аллатив, партитив, генитив единственного и генитив множественного числа; 2) графические особенности: использование ь (ерь) на конце слова после твердых согласных, использование я вместо ä: тидяи (tiedäi) и др., 3) фонетические особенности: апокопа, отсутствие чередования ступеней согласных, употребление кратких гласных в первом слоге вместо восходящих дифтонгов и др. (см. там же: 99–101). Таким образом, уже в ранних рукописных памятниках были зафиксированы некоторые структурные особенности карельского языка.

В 1787–1789 гг. вышел в свет словарь П. С. Палласа «Сравнительные словари всех языков и наречий», в который вошел первый наиболее значительный в то время список карельских слов (273 слова и числительные 1–10, 100 и 1000).

Печатные же тексты на карельском языке появились только в первой половине XIX века. Это в основном были тексты духовного содержания. В начале XIX века с целью укрепить православную веру среди карелов «церковь стала публиковать духовную литературу на языке паствы» (ПФНР 2003: 194). В 1804 году Синод опубликовал в переводе на ливвиковское наречие карельского языка («олонецкий язык») «Перевод некоторых молитв и сокращенного катехизиса на карельский язык».

В 1820 году на основе русского алфавита священником Вышневолоцкого уезда Тверской губернии Г. Е. Введенским и учителем

Новоторжского училища М. А. Золотинским был сделан перевод Евангелия от Матфея (Герран ми́ань Шюндю-руохтынан святой ювангели Матвѣйшта карьялан кӱелелля. Печатойду Святъйшого-Правительствующаго Синоданъ кяшшенняшта, Веніяген Библейскойнъ канжакуннан элолла. Пийтери 1820). Графическая система перевода Евангелия состояла из 43 букв: *a, ä, b, v, z, ç, d, é, ê, ƒ, ж, з, и, ï, î, k, л, м, н, o, õ, ö, ô, n, p, c, t, y, ú, ф, x, ш, ь, ы, ь, э, ю, ю, ю, я, ѡ*. В этой системе обозначения карельских звуков имели смешанный фонетико-фонематический характер. Наибольшие затруднения встречались при передаче гласных звуков карельского языка. Обозначение гласных букв не было упорядочено. Для передачи карельских фонем *ä, ö* и *ï* использовались знаки *õ, ѡ* и *ю* (Баранцев 1967: 92–93). Появление печатного карельского перевода имело большой резонанс в финно-угроведении. Часть финских ученых отнеслась к переводу критически, другие, напротив, отмечали высокий уровень перевода. Позже учениками богословия Новгородской семинарии Василием Сердцовым и Иваном Дейхорнаским были переведены на «олонецкое наречие карельского языка» две главы Евангелия от Матвея, при переводе которого также использовалась русская графика (Рягоев 2003: 24). По мнению В. Д. Рягоева, перевод представляет собой смешение трех диалектов с преобладанием лядиковских особенностей, «... он далек от ливвиковской основы и лишь территориально примыкает к олонецкому наречию» (там же: 27).

В дальнейшем появилась рукопись карельского перевода Евангелия от Марка – Маркешта святой Ювангели (Макаров 1964: 176). Полтора века эта рукопись хранилась в архивах. Рукопись содержит 37,5 страниц и текст ее написан с использованием русского алфавита того времени. К некоторым буквам добавлены значки для более точной передачи звуков карельского языка.

В 1870 году в Петербурге на русском и карельском языках был издан «Карело-русский молитвенник для православных карелов», составленный Е. И. Тихоновым. Немного позднее, в 1882 году вышла в свет работа А. Логиновского «Начало христианского учения на карельском и русском языках». Карельская часть брошюры отражает языковые особенности ливвиковских говоров, а именно – говор сямозерских карелов. Логиновскому удалось точнее передать обозначение гласных фонем карельского языка: фонемы *a, ä,*

o, ö, u, ü, i, e передавались знаками *a, ä, o, ö, u, ü, i, e*, а фонемы *ё, я, ю* передавались сочетаниями *j* с *o, ä, ü* (Баранцев 1967: 93). Оба эти издания считаются лучшими по орфографии печатными изданиями на сямозерском говоре ливвиковского наречия карельского языка.

В течение 1895–1897 гг. для карелов Кемского уезда Архангельский епархиальный комитет издал несколько духовных книг. Среди них: «Краткая священная история ветхого и нового завета на русском языке с переводом на карельский язык» (Архангельск 1895), «Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея на карельском языке – Господань Миань Иисусань Христань Пюгя Евангели Матфейшта Карьялань кielелля» (Архангельск 1896), «Господа нашего Иисуса Христа святого Евангелие от Марка на карельском языке – Господань Миань Иисусань Христань Пюгя Евангели Маркешта карьялан кielелля» (Архангельск 1896), «Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Иоанна на карельском языке – Господань Миань Иисусань Христань Пюгя Евангели Ийванашта карьялан кielелля» (Архангельск 1897). На карельский язык их переводили М. А. Усердов, Н. К. Дьячков, К. К. Дьячков, П. Преображенский.

В XIX веке в связи с открытием в некоторых волостях школ для карелов появились первые учебные пособия и словари, являющиеся, безусловно, письменными памятниками карельского языка. Так, при Олонецкой духовной семинарии в 1829 году был открыт класс карельского языка. «Длительное существование карельского класса стало заметным стимулом в изучении местного наречия» (Пулькин 2010: 126). Для занятий в карельском классе преподавателем Петрозаводского духовного училища П. Шуйским была подготовлена хрестоматия на карельском языке.

В 1887 году был издан на основе кириллицы карельско-русский словарь «Родное карельское». В предисловии к словарю автор, учительница начальной народной школы Бежецкого уезда, Анастасия Толмачевская излагает характерные особенности карельского языка, касающиеся звукового строя, некоторых грамматических особенностей и морфологии (Громова 2006: 31). По мнению Л. Г. Громовой, тексты букваря представляют скорее говоры собственно-карельского наречия, лишь в некоторых словах присутствуют особенности ливвиковского наречия.

В 1894 году в Архангельске была опубликована «Азбука для кареловъ, живущихъ въ Кемском уездѣ Архангельской губернии». Азбука содержала упражнения для чтения и тексты молитв на карельском и русском языках.

В начале XX века, в 1908 и 1913 гг. были изданы два русско-карельских словаря: «Русско-карельский словарь» (СПб 1908), «Викторъ Королевъ. Русско-карельский словарь» (Выборг 1913). Словари были изданы для учителей, работающих в карельских деревнях Олонецкой губернии.

Поскольку письменных источников на карельском языке не так много, лингвистические описания с привлечением карельских текстов представляют несомненную историческую ценность. Большая работа по исследованию карельского языка была проделана финскими лингвистами. Диалекты карельского языка изучал А. Генетц. В течение 1871 и 1872 годов «...он собирал лингвистический и фольклорный материал на территории Карелии, в результате чего им было опубликовано три дескриптивных исследования по основным наречиям карельского языка» (Зайков 2000: 8). Собственно-карельскому наречию посвящена работа «Исследование о языке Русской Карелии» (Genetz A. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä. 1880). Описание ливвиковского наречия карельского языка содержится в «Исследовании языка олонецких карел» (Genetz A. Tutkimus Aunuksen kielestä. 1885). Наиболее характерные особенности фонетики и морфологии людиковского наречия определяются в работе «Северные авангарды вепсов» (Genetz A. Wepsän rohjoiset etujoukot. 1872). «Своими трудами А. Генетц заложил основы научного кареловедения, которое впоследствии развивалось финскими и отечественными лингвистами» (Зайков 1999: 4). Многие взгляды А. Генетца на карельский язык актуальны для современного языкознания. В дальнейшем исследовании и описании карельского языка занимались Х. Оянсуу, Ю. Куела, Ю. Калима, Э. Лескинен, Л. Кеттунен и др.

Наиболее известным фольклорным памятником карельского языка являются руны калевальского размера, на основе которых Элиас Леннрот составил эпос «Калевала».

В целом к началу XX века складывалось впечатление о том, что на фоне значительных диалектных различий у карелов не было своего письменного языка. Письменные опыты карельского языка

имели свое строгое функциональное назначение и ограниченный круг пользователей. Издания переводов на карельский язык религиозных текстов и подготовка словарей для учителей публиковались с целью распространения карельского письменного языка не среди карелов, а для тех (часто представителей духовенства и учительства, которые не являлись карелами), кому предстояло вести просветительскую работу, направленную на приобщение карелов к православию и лучшее освоение карелами русского языка. Наличие религиозной литературы и словарей на разных диалектах карельского языка позволяет говорить о зарождении в этот период письменной традиции. Кроме того, благодаря деятельности Православной Церкви преодолевался «существующий в сознании многих российских граждан барьер бытового статуса языков восточно-финских народов», а также формировалась прослойка «религиозной интеллигенции из числа инородцев» (Пулькин 2010: 130).

1.2. ЯЗЫКОВОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО В 1920–1940-е гг.

К началу XX века языковую ситуацию в Карелии определяли три идиома: функционально развитый старописьменный русский язык и два бесписьменных языка с ограниченным объемом общественных функций – карельский и вепский.

Родной язык был главным средством общения карелов, большинство из них жили в сельской местности. Примерно лишь 10% сельских карелов умели сравнительно свободно говорить, читать и писать по-русски (ПФНР 2003: 197). Карелы говорили на трех основных наречиях: собственно-карельском (около 22 тысяч человек), людиковском и ливвиковском (около 64 тысяч человек) (там же).

Систематическая работа в области языкового строительства в Карелии началась с созданием национальной государственности карельского народа в июне 1920 года в форме автономной области в составе РСФСР, получившей название Карельской трудовой коммуны – КТК (Афанасьева 1989: 49). Образование КТК было провозглашено Декретом ВЦИК. Что касается численности и этнического состава КТК в 1920 году, то все население составляло 143 тысячи человек, из которых карелы – 59,8%, русские – 38,3%, финны – 0,6%.

За два года существования КТК в связи с присоединением смежных районов изменилась этническая картина: на 200,8 тысяч человек русские составляли уже 55,7%, карелы – 42,7%, финны – 0,5%. В 1923 году КТК была преобразована в Автономную Карельскую Советскую Социалистическую Республику (далее АКССР) и уже в 1924 году ее территория была снова увеличена за счет присоединения волостей с русским и вепским населением, что повлекло изменение ее демографического состава: русские составили 54% населения, карелы – 40,6%, финны – 0,5%, вепсы – 3,8%.

В резолюции Всекарельского съезда представителей трудящихся Карелии (июль 1920 г.) признавалась «свобода и национальное развитие малых народностей» и одновременно подчеркивалась необходимость открытия возможно большего числа народных школ, где бы преподавание велось на родном языке. Но «родным» языком был назван русский и финский языки, что объяснялось идеологическими соображениями (Клементьев 2009: 150).

Национальный вопрос в Советской России в период 20–30-х гг. XX столетия решался путем осуществления так называемой «коренизации». В исторической литературе под «коренизацией» понимается политика стимулирования национальных языков и элит, предусматривавшая расширение образования и подготовку кадров управленцев, хозяйственников и интеллигенции среди «коренных национальностей» в республиках. Под коренизацией в Карелии подразумевалось введение финского языка и выдвижение на руководящие посты как карелов, так и финнов. Период языкового строительства 1920–1930-х гг. получил название «первой финнизации» Карелии (Килян 1999: 140–141). Бытование карельского и вепского языков на территории Карелии осложнялось «...постоянной конкурентной борьбой с полифункциональным иностранным языком – финским, который в течение всего послеоктябрьского периода играл весьма существенную роль в Карелии» (Крючкова 2000: 172). Финский исследователь Т. Вихавайнен пишет: «В действительности же в 1920-годы финны в Карелии были весьма маленькой и явно иностранной группой» (В семье единой 1998: 20).

В феврале 1921 года на I Всекарельском съезде Советов было пересмотрено решение Всекарельского съезда в области языковой политики и принята следующая резолюция: «Возрождение карель-

ской грамоты является ненужным и невыполнимым делом, основной частью работы отдела должно быть поднятие духовного, культурного уровня населения коммуны на тех культурных языках, посредством которых это наиболее легко достижимо, такими языками в коммуне для русских является русский язык, для карелов – русский и финский, в зависимости от того, на каком языке карелы тех или иных мест хотят обучаться» (I Всекарельский съезд 1990).

На втором съезде Советов в октябре 1921 года было уже принято более жесткое постановление о языках: «При отсутствии карельской письменности, многообразии наречий и невозможности создания специального литературного карельского языка, ведение культурно-просветительной работы среди карельского населения возможно лишь на русском и финском языках». В 1923 году руководители КТК докладывали о наличии 36 финских школ с общим охватом 1326 учащихся (В семье единой 1998: 90). К 1927/28 учебном году в 129 школах дети учились на русском, а в 95 школах – на финском языке (Клементьев 2009: 152).

В АКССР, в соответствии с постановлением о преобразовании КТК в республику, равноправными признавались карело-финский и русский языки (Постановление ВЦИК и СНК СССР от 25 июля 1923 г., см. Советы...1993: 100). Это признание, видимо, демонстрировало желание властей Карелии «прикрыть» перед Центром, где в то время проводилась жесткая линия по использованию местных языков, функционирование в Карелии финского языка вместо карельского. Основываясь на данном решении, в подготовленный в 1926 году Э. Гюллингом проект Конституции АКССР была включена отдельная глава, в которой равноправными государственными языками признавались карело-финский и русский языки (Строгальщикова 2000: 163). Однако данный проект конституции одобрен не был.

Руководство Карелии не могло «полностью игнорировать обязательное условие Центра о том, что при проведении «коренизации» следует использовать местные диалекты» (Клементьев 2009: 154). В отчете отдела социального воспитания Наркомпросу КАССР от 1 октября 1925 года в качестве путей проведения «карелизации» наряду с расширением сети школ с преподаванием на финском языке было представлено также «применение для обучения в карельских школах разговорного карельского языка» (Из от-

чета отдела социального... 1979: 256–157). КарЦИК подтвердил постановление СНК о ведении «судоговорения на карельском языке в карельских волостях» (Клементьев 2009: 154).

В начале 1930-х годов в различные отрасли промышленности прибыло несколько тысяч квалифицированных рабочих-иммигрантов, финнов по национальности, из США, Канады и Финляндии. Достаточно сравнить данные переписей 1926 и 1933 годов, чтобы убедиться в том, как быстро менялась демографическая структура:

	1926 год (%)	1933 год (%)
Русские	57,1	60,2
Карелы	37,4	29,3
Вепсы	3,2	2,2
Финны	0,9	3,2

Согласно данным переписи 1926 года, родным языком своей национальности признавали 97,6% карелов, 98% вепсов и 79,9% финнов (Вопросы экономического, социального ... 1976: 61).

В августе 1929 года на пленуме Карельского обкома ВКП(б) был сделан вывод о возможности использования финского литературного языка в качестве объединяющего карельские говоры. Письменным и литературным языком карелов был признан финский. В постановлении пленума было признано необходимым ускоренное введение финского языка и превращение его в основной язык культуры и даже бытового общения карельского населения. На основании постановления пленума во всех районах республики с преобладанием карельского населения началось ускоренное введение финского языка в школах, использование его в деятельности просветительных учреждений, государственных и партийных органов. В 1929–1930-х годах из 448 школ первой ступени в 198 школах преподавание шло на русском языке, в 250 школах – на финском.

Значительно расширилось использование финского языка в работе центральных органов, в местной периодической печати и книгоиздательстве. В начале 1930-х годов наряду с республиканской газетой «Punainen Karjala» («Красная Карелия») на финском языке началось издание шести районных газет. Была развернута сеть курсов финского языка. Во всех русских школах в качестве обязательного было введено преподавание финского языка. Если в

1925/1926 учебном году только 30% карельских школ работали на финском языке, то с 1931/1932 учебного года все карельские школы перешли на финский язык (Культурное строительство... 1986: 54). От всех, кто закончил среднюю или высшую школу, требовалось знание русского и финского языков.

Примерно в это же время (в 1930 году) для карельского населения Тверского округа началась разработка и введение карельской письменности. Ситуация для карельского языка в Тверской области оказалась более благоприятной, что было обусловлено отсутствием на этой территории близкородственно финского языка, а также тем, что здесь было представлено собственно-карельское наречие, поэтому в процессе создания письменности не вставал вопрос о преодолении дифференциаций разных наречий. Языком официальной деятельности оставался русский язык. Молодая карельская письменность стала употребляться в тех функциях, которые она была способна выполнять: началось школьное обучение на карельском языке, среди взрослого населения обучение карельской грамоте происходило в вечерних школах и на курсах.

Переход на латинскую графику наметился в графической системе карельского языка в начале 1930-х годов. Уже в марте 1930 года на совещании Наркомпроса РСФСР было одобрено предложение Д. В. Бубриха о создании для тверских карелов собственного литературного языка на основе говора села Толмачи и письменности на основе латинского алфавита (Баранцев 1967: 99; Анттикоски 1998: 208). В 1931 году разработкой алфавита на латинской графике для тверских карелов занимался Московский институт этнической культуры народов Востока, в результате чего Всесоюзная центральная комиссия Нового алфавита (ВЦК НА) одобрила проект нового алфавита для карелов и рекомендовала его для использования на практике (Баранцев 1967: 99). Алфавит состоял из 31 символа (см. таблицу, Приложение № 1).

В этом алфавите знак *ʒ* предназначался для «отодвинутого назад» *i*: *ʒoittʃ* [ʒoittʃ]. В данном случае, очевидно, принимался во внимание непалатализованный характер согласных звуков перед *-i*, что отличало карельский язык от русского, где перед *-и* согласный звук произносится всегда мягко. Отметим, что на сегодняшний день палатализация согласных звуков – это одна из главных особенностей языка тверских карелов, и в настоящее время знак *ʒ*

просто не был бы востребован. Для передачи специфических карельских консонантов и их сочетаний рекомендовались знаки *c* (*ts*), *ç* (*t'sš*), *ş* (*š*), *z* (*z*), *ž* (*ž*), *z* (*d'ž*), для обозначения палатальных гласных в конце слова использовался «йот без точки». Данный алфавит был более экономным и удобным по своему составу символов в сравнении, например, с графической системой перевода евангелия (Баранцев 1967: 99).

В 1931 году был издан букварь для взрослых на карельском языке (P. P. Smirnov. *Kolhozoin puoleh. Bukvari suurilla varoin*), а в скором времени на карельский язык перешла и начальная школа. Чуть позднее появились также пособия и учебники на карельском языке, созданные группой авторов, в которую входили А. А. Беляков, П. Г. Грибков, В. И. Иванов и другие. С 1931 по 1937 год было издано свыше пятидесяти книг, большую часть из которых составляли буквари и школьные учебники. С началом осуществления проекта единого карельского языка издание книг на тверском диалекте прекратилось, однако, обучение продолжалось вплоть до 1939 года (Баранцев 1967: 100).

Президиум Совета национальностей 25 апреля 1931 года на заседании одобрил опыт создания письменности для тверских карелов и рекомендовал правительству Карельской АССР приступить к работе по созданию карельского литературного языка. В целом по стране в 1920–1930-х годах были созданы письменные языки для 48 народов. В мае 1931 года Совет по делам национальностей принял общее постановление, согласно которому в национальных районах в качестве административного языка должен был быть принят преимущественно местный диалект. В этот период «...прогрессивным считалось развитие литературных языков на основе бытовых диалектов» (Алпатов 2000: 48).

В мае того же года на заседании Ленинградского обкома С. М. Киров указывал, что при осуществлении национальной политики в Карелии было допущено отклонение от ленинско-сталинской линии. Финское руководство Карелии во главе с Э. Гюллингом обвинялось в ориентации на Финляндию и в 1935 году было снято.

В докладной записке Карельского обкома партии в ЦК ВКП(б) от 22 июля 1936 года указывалось, что запрещение проведения обучения в национальных карельских районах на русском языке и

перевод обучения на финский язык явились нарушением национальной политики. С 1935 года обучение неграмотных карелов во всех районах стало проводиться на том языке, на каком этого хотели сами обучаемые.

В начале 1936 года началась работа по созданию карельского литературного языка. В прессе появилось несколько публикаций на карельском языке, в какой-то степени он использовался в культурной работе. Однако вскоре в языковой политике Москвы произошли изменения. После 1937 года осуществился переход с латинского алфавита на кириллический.

В августе 1937 года в Петрозаводске состоялась республиканская лингвистическая конференция, участники которой высказались за создание единого литературного языка для всего карельского населения. На конференции были намечены практические меры в этой области: разработка и издание грамматики, составление русско-карельского словаря, единой терминологии, издание периодики и книг на карельском языке.

В октябре 1937 года Наркомпрос Карелии опубликовал проект единого карельского алфавита, в основу которого был взят русский алфавит, а в конце этого же года максимально приближенный к русскому карельский алфавит был одобрен Наркомпросом РСФСР (Анттикоски 1998: 215). Фонетическая система единого карельского языка, включающая в себя особенности звуковых явлений собственно-карельских и тверских говоров, состояла из 8 гласных букв и 28 согласных. В письменном обозначении карельских звуков Д. В. Бубрих пользовался новым алфавитом (см. таблицу, Приложение № 1), созданным на основе русской графики. Проект нового алфавита карельского языка, опубликованный в газете «Красная Карелия» для обсуждения в 1937 году, состоял из 39 символов: *а, ä, б, в, г, д, е, ё, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, ö, п, р, с, т, у, ү, ф, х, ц, ч, ш, щ, э, ю, ю́, я, я́, ь, ы, ь, дж*. Окончательный вариант алфавита, утвержденный Наркомпросом РСФСР, состоял из 36 букв, 3 буквы: *ю́, я́, дж* были исключены (см. таблицу, Приложение № 1) (Баранцев 1967: 102–103).

На основе русской графики была издана разработанная профессором Д. В. Бубрихом «Грамматика карельского языка» (1937). В предисловии Бубрих отмечал, что им связаны в единую систему все имеющиеся диалекты карельского языка, и что построенный

таким образом литературный язык немногим отличается от литературного языка тверских карелов (Бубрих 2005: 240). В это время учеными-лингвистами были написаны учебные пособия для школ: по карельскому языку учебники готовились Д. В. Бубрихом, Н. А. Анисимовым, А. А. Беляковым и др. (Анисимов 1938, Beljakov 1934, Бубрих 1937).

При ЦИК создается терминологическая комиссия. Комиссией были опубликованы списки терминов общественно-политической жизни, грамматики, математики, естественных наук, предназначенные для переводчиков и учителей. В феврале 1938 года Наркомпросом РСФСР были утверждены основные правила правописания карельского языка. В 1937–1938 годах осуществился перевод преподавания карельских школ на карельский язык в начальной школе. Старшие классы школ были переведены на русский язык обучения, карельский преподавался как предмет. Каргосиздат приступил к выпуску литературы на карельском языке.

Литературные нормы базировались в основном на собственно-карельских говорах центральной части Карелии и Калининской области. В принятой в 1937 году Конституции Карелии было указано, что «законы, принятые Верховным Советом Карельской АССР, публикуются на карельском, финском и русском языках» (Строгальщикова 2000: 163).

Однако столь быстрые темпы перехода на карельский язык сразу же вызвали громадные трудности: обнаружилась острая нехватка кадров, способных квалифицированно вести работу на карельском языке, выявились трудности несовершенно разработанных для него грамматических норм, трудности перевода при отсутствии словаря и единой терминологии. Ощущалась нехватка переводчиков, журналистов, типографских работников. В 1938 году отмечалась «азбучная неграмотность» ряда вновь пришедших сотрудников редакции.

В данный период, как следует из изложенных фактов, на развитие карельской письменности сильно влияла политическая ситуация в Карелии и в стране в целом. Политические взгляды диктовали не только общий национальный курс, но, в частности, имели влияние даже на выбор графической основы языка.

Осенью 1938 года начался новый этап развития карельской письменности, связанный с разработкой литературного языка для всех

карелов на основе ливвиковского наречия (Клементьев 2009: 158). Новый литературный язык был освобожден от тверских говоров (Карельский национальный округ в Тверской области был ликвидирован в феврале 1939 года, тогда же там было прекращено употребление карельской письменности), элементов финского языка, от архаизмов, искусственных терминов и грамматических форм. При этом предусматривалось его приближение к русскому языку.

Попытка создания единого, «междиалектного» литературного карельского языка успехом не увенчалась. В работах современных исследователей по освещению языковой ситуации второй половины тридцатых годов довольно часто встречается точка зрения о том, что народ не принял созданный за два года язык. Однако, как показывает новейший опыт создания карельской письменности и любой исторический опыт формирования письменности и языковой литературной нормы, процесс создания письменного и национального литературного языка (тем более при отсутствии письменных традиций и при наличии в языке множества диалектных различий) – достаточно длительное и порой противоречивое явление, требующее, прежде всего, многих лет кропотливой работы. Родственный финский литературный язык в своем становлении как с точки зрения языковых норм, так и в развитии художественных и эстетических особенностей прошел путь продолжительностью в несколько веков, он развивается и по сей день (что вообще естественно для существования любого языка). Основной причиной неудачной попытки создания карельской письменности в 1930-е годы, на наш взгляд, можно считать явно малый временной исторический период, в рамках которого литературная форма не только не могла устояться, но не могла быть соответствующим образом даже и сформирована. Опыт создания единого карельского языка 1930-х гг. еще не оценен в должной мере с точки зрения его лингвистического значения. Это был беспрецедентный для своего времени эксперимент в языковом строительстве, который требует глубокого осмысления не только в политическом, но, прежде всего, в лингвистическом аспекте, с тем, чтобы учесть его в современных условиях. Можно констатировать, что была заложена определенная двойственность с точки зрения выбора графической основы; при этом на такой выбор чаще влияли далеко не лингвистические факторы.

После советско-финляндской войны Карельская АССР была преобразована в Карело-Финскую ССР. С завершением «зимней войны» 1939–1940 гг. запрещенный финский язык вновь приобрел легитимность, преподавание карельского языка повсеместно отменялось, а финский язык был возвращен в школы с карельским составом учащихся (Клементьев 2009: 160). Начался период так называемой «второй финнизации» Карелии (см. Килин 1999).

Таким образом, в достаточно короткий срок, а именно в 1920–30-е годы, карельский язык прошел все этапы советского языкового строительства: в 1920-х гг. в связи с отсутствием карельской письменности и многообразием наречий культурно-просветительская работа осуществлялась на русском и финском языках (Баранцев 1967: 96; Анттикоски 1998: 207), первая пятилетка 1930-х годов характеризуется переходом карельского языка на латинскую графику, а затем, спустя достаточно короткий отрезок времени, происходит делатинизация карельского языка вследствие распространения русского языка (Анттикоски 1998: 207).

Что касается изучения карельского языка лингвистами в указанный период, то основные усилия, как указывалось, были направлены на составление учебных пособий. С другой стороны, с середины 1930-х годов началось научное изучение и систематизирование материала по отдельным диалектам карельского и вепсского языков. Первый опыт создания карельской письменности был связан, прежде всего, с именем известного ученого-лингвиста Д. В. Бубриха. По выражению Г. М. Керта, «...исследования Бубриха по карельской проблеме сводились к синхронному рассмотрению карельского языка в целях создания карельской письменности и карельского литературного языка и к сравнительно-историческому изучению диалектов карельского языка и в этой связи выяснению вопросов этногенеза карельского народа» (Керт 1977: 93). Еще в 1927 году Д. В. Бубрихом была подготовлена «Инструкция к собиранию материалов по финско-карельским говорам». В 1930 году Д. В. Бубрих организует первую диалектологическую экспедицию в Карелию. В комиссию по карелизации он направляет подробный «План работы карельской лингвистической экспедиции». С середины 1930-х годов началось научное изучение и систематизация материала по отдельным наречиям карельского и вепсского языков. К 1937 году была опубликована подготовленная Д. В. Бубрихом обширная «Программа по со-

биранию материалов для диалектологического атласа карельского языка», в которой содержалось более 2000 вопросов. По «Программе» было проведено обследование около 150 населенных пунктов. Почти вся Карелия была охвачена диалектологическими исследованиями. В экспедициях участвовали сотрудники Карельского научно-исследовательского института культуры (Н. А. Анисимов, А. А. Беляков, Н. И. Богданов, О. П. Бородкин, М. М. Хмяляйнен и др.), студенты Ленинградского университета и Карельского педагогического института, школьные учителя. Как утверждал Д. В. Бубрих, ни один язык не подвергался такому тщательному диалектологическому обследованию (Керт 1975; 1990). К 1938 году Д. В. Бубрих составил около 200 диалектологических карт, отражавших языковые явления карельских наречий и диалектов. Интенсивная работа по атласу была прервана по независящим от Д. В. Бубриха обстоятельствам в начале 1938 года и возобновилась только после войны. Здесь же следует упомянуть, что к 1937 году было в основном выяснено диалектное членение карельского языка. Выступая на I Всекарельской лингвистической конференции по карельскому языку, Д. В. Бубрих сообщал: «Приходится говорить о пяти наречиях карельского языка: 1) паданско-кемском (на основе племенного языка карьяла); 2) калининском (на основе племенного языка карьяла, на иной территории, чем паданско-кемское); 3) ухтинском (на основе племенного языка карьяла в скрещении с финским языком); 4) ливвиковском (на основе языка лиуги); 5) людиковском (на основе племенного языка лиуги в скрещении с вепским)» (Керт 1975; 1990). Впоследствии эта диалектная схема была уточнена.

В послевоенные годы продолжилась работа лингвистов над созданием «Диалектологического атласа карельского языка». В сентябре 1944 года Д. В. Бубрих составил для правительства Карело-Финской республики Докладную записку о восстановлении лингвистического сектора в Карело-Финском научно-исследовательском институте культуры. Работы по составлению атласа начались в 1947 году. В соответствии с программой атлас должен был содержать 250–300 карт по фонетике, морфологии, дифференцированной по диалектам лексике. В 1946 году Бубрих предложил приступить к составлению вопросника по диалектологическому атласу вепского языка, который впоследствии был подготовлен

М. М. Хмяляйненым и Н. И. Богдановым. В 1956 году работа была завершена и представлена в Издательство АН СССР, но напечатана не была. И только в 1990 году НИЦ языков Финляндии обратился в Институт ЯЛИ КНЦ РАН с предложением издать атлас. В 1997 году в Хельсинки в издании Финно-угорского общества «Диалектологический атлас карельского языка» (составители Д. В. Бубрих, А. А. Беляков, А. В. Пунжина) вышел в свет.

1.3. РЕВИТАЛИЗАЦИЯ КАРЕЛЬСКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ

Письменная традиция карельского языка была прервана на почти полувековой период. Новые возможности по созданию письменности на основе латинской графики появились лишь в конце 1980-х годов. К этому времени в Институте языка, литературы и истории КарНЦ РАН была сформирована серьезная исследовательская база по прибалтийско-финским языкам Карелии (Зайцева 2006: 125). В мае 1989 года в г. Петрозаводске по инициативе ИЯЛИ КарНЦ РАН была проведена конференция «Карелы: этнос, язык, культура, экономика, проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР» (Карелы 2005: 10). В ходе конференции активно обсуждался вопрос о возрождении карельской письменности и возможностях обучения карельскому языку в школах Республики Карелия (Карелы 1989: 6–1).

После проведения конференции в рекомендации от 25 мая 1989 года в области языкового строительства было принято решение безотлагательно приступить к воссозданию карельской письменности. Было решено, что карельская письменность будет создаваться на основе латинской графики с опорой на собственно-карельское и ливвиковское наречия. Институту языка, литературы и истории Карельского научного центра РАН было поручено составить на основе латинской графики буквари карельского языка (на ливвиковском наречии – в 1989 г., собственно-карельском – 1990 г.), словари (на ливвиковском – в 1992, собственно-карельском – 1993), учебные пособия по истории и культуре карельского народа, приступить к изданию различных жанров карельского фольклора и т. д. (Карельское национальное движение 2009: 22–23).

В 1989 году на двух наречиях стала выпускаться газета «Omatia» («Родная земля»), которая впоследствии разделилась на две:

«Oma tuis» издавалась на ливвиковском наречии карельского языка, и «Vienan Karjala» («Беломорская Карелия») на собственно-карельском наречии. Кроме выпуска газет на наречиях карельского языка, в республике стали транслироваться передачи национального радио- и телевидения, а также началось активное преподавание карельского языка в школах республики. После того, как были написаны и опубликованы буквари (L. Markianova, Z. Dubrovina Aberi 1991, P. Zaikov Vienan aapini 1992), а также стали выходить в свет книги для чтения на карельском языке (L. Markianova Kirjuniekku 1992, T. Boiko Oma sana 1995, P. Zaikov Kaunista Karjalua 1993, Luvemma vienankarjalaksi 1994, R. Remšujeva Ihmehhete 1999), учителя смогли приступить к обучению школьников чтению и письму на карельском языке (Зайков 2002: 12). Позднее стали появляться словари (L. Markianova, T. Boiko Karjal-ven'alaine sanakniigu 1996, P. Zaikov, L. Rugojeva Karjalaisvenäläini sanakirja 1999) и грамматики (L. Markianova Karjalan kielioppi 2002, P. Zaikov Karjalan kielioppi 2002) на двух наречиях карельского языка.

В 1989 году постановлением Совета министров Карельской АССР был утвержден алфавит карельского языка ливвиковского наречия. Данный алфавит состоял из 27 символов (см. таблицу, Приложение № 1). Немного позднее Л. Ф. Маркианова в букваре *Aberi* (1990) добавила в алфавит ливвиковского наречия букву *ž* (нижний элемент которой вносился на письме вручную) (см. таблицу, Приложение № 1). Вскоре был утвержден алфавит и собственно-карельского наречия. Оба алфавита – авторские: авторами являются Л. Ф. Маркианова (ливвиковское наречие) и П. М. Зайков (собственно-карельское наречие).

У близкородственного вепсского языка в 1989 году были утверждены 2 алфавита, один на кириллице, другой на основе латинской графики. Один из них – созданный в Санкт-Петербурге в 1992 году при финансовой поддержке Государственного комитета Российской Федерации по социально-экономическому развитию Севера алфавит, основанный на кириллице, включавший в себя 37 букв, был дополнен буквами Ää, Öö, Yu. Однако данный алфавит не был принят вепским населением и не использовался в дальнейшем при создании учебников и словарей. Активно используется по настоящее время лишь утвержденный Советом министров КАССР

в апреле 1989 года алфавит на основе латинской графики, состоящий из 29 символов: *a, b, c, č, d, e, f, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, š, z, ž, t, u, v, ü, ä, ö, ’* (Зайцева 2006: 126–127).

Одной из проблем при создании карельских букварей стало обозначение палатализации согласных фонем. Автор букваря собственно-карельского наречия *Vienan aapini* (1992) П. М. Зайков посчитал возможным создать специальные буквенные обозначения для мягких согласных фонем. Он использует для этого знак смягчения в сочетаниях с согласной буквой и ставит буквы на особое место в алфавите. Таким образом, в алфавит собственно-карельского наречия вошла 31 буква (см. таблицу) (Zaikov 1992, 80). В текстах букваря собственно-карельского наречия встречаются сочетания согласного звука со знаком смягчения: *Veikko opastuu nel’l’ännellä luokalla* «Старший брат учится в четвертом классе»; *Kikki n’aukkuu* «Котенок мяукает»; *Kun opastaja tulou luokkah, ni Ort’t’o jakau kaikilla vihkot* «Когда учитель входит в класс, Артем раздает всем тетрадки» (Zaikov 1992: 60, 38, 64). В алфавит ливвиковского наречия знак смягчения включен не был, хотя в текстах букварей встречаются сочетания *n’, l’, t’, r’, d’*: *lat’e, n’amu, muur’oi, vil’l’u, died’oi*: *Diman died’oi on voinuvet’eruanu* «Дедушка Димы – ветеран войны»; *Alahan ollah muur’oimättähät* «Внизу растет морошка»; *Kaikenjüttümiä kanfiettua, n’amuu, muudu magiestu luajitah kanfiettufabrikois* «Всевозможные конфеты, леденцы и другие сладости изготавливают на кондитерских фабриках»; *Vil’l’oi ei pie kastua vihmäl* «Нельзя, чтобы дождем намочило рожь» (Markianova 1990: 61, 87, 69).

Проблема обозначения мягкости согласных в карельском языке до определенного момента была оставлена без решения. В сборниках упражнений, учебниках и букварях отсутствовало единообразие относительно данной проблемы. Так, например, в сборнике упражнений по карельскому языку (ливвиковское наречие) в примерах встречаются сочетания согласных букв со знаком смягчения, хотя знак смягчения не включен в алфавит: *t’outa, died’oi* (Богданова 2004: 4). В то же время в алфавит ливвиковского наречия, представленный в сборнике по обучению карельскому языку (2006 год), соавтором которого является Л. Ф. Маркианова, знак смягчения уже включен: *t’outa, died’oi, vil’l’u, pun’u, or’hoi* и т. д. (Markianova 2006: 7). В данном случае возможны были два реше-

ния этой проблемы: или включить знак смягчения в алфавит, как это было принято в вепском языке (Зайцева 2006: 127; Kukojeva 2009), или придать всем мягким фонемам статус буквенных обозначений, что увеличило бы алфавит в целом. В 2006 году, при утверждении единого алфавита знак смягчения был включен в алфавит, и на наш взгляд, данное решение было правильным.

Нормирование карельского языка

В настоящее время в карельском языке развивается три письменные традиции, основанные на тверских говорах (в Тверской области), на собственно-карельском и ливвиковском наречиях (в Карелии). Наблюдаются также попытки создания письменности на людиковском наречии карельского языка. В 1990-е годы издавались духовные тексты и произведения художественной литературы. В 2003 году в г. Хельсинки был издан первый букварь на людиковском наречии (ABC- kird' 2003). В букваре был представлен алфавит, включавший 28 символов. Также при поддержке Людиковского общества г. Хельсинки (Luudiläinen seura) с 2008 года в Карелии стала выходить в свет газета «Lüüdilaine».

Письменные тексты на основных наречиях карельского языка содержат различия не только в области фонетики, лексики, грамматики, но и в алфавите. Правда, в последнее время в Карелии прилагаются усилия по сближению диалектов. Так, в конце декабря 2006 года Термино-орфографическая комиссия совместно с приглашенной карельской общественностью вновь обсуждала проблему алфавита (Ковалева, Родионова 2008: 242). В этом же году в Министерстве по вопросам национальной политики и связям с религиозными объединениями Республики Карелия состоялось заседание рабочей группы по разработке региональной программы, получившей название «Развитие карельского языка в Республике Карелия на 2007–2032 гг.». На заседании было принято решение о создании и введении в оборот единого алфавита карельского языка, состоящего из 27 знаков (см. таблицу, Приложение № 1).

Свои изменения внес и процесс компьютеризации. Появилась проблема с написанием буквы *ž* (произносится как *dž*), нижний элемент которой вносился на письме вручную. Также было принято решение унифицировать обозначение на письме гласного

переднего ряда верхнего подъема, который в возникших письменных традициях передавался по-разному: написание ливвиковской *ï* отличалась от собственно-карельской *y*. Статьи в газете «*Oma tuua*», тексты на ливвиковском наречии печатались в соответствии с обозначением этой гласной в финно-угорской транскрипции, рекомендованной к написанию диалектных текстов. После так называемой «войны букв» решение было принято в пользу собственно-карельской буквы *y*. Это в какой-то степени нанесло урон ливвиковским письменным текстам, количество которых в настоящее время превышает количество текстов, написанных на собственно-карельском наречии. Кроме того, из ливвиковской новописьменной традиции было предложено изъять букву *ž*, обозначив ее сочетанием *dž*. Несмотря на то, что в ливвиковском наречии *ž* используется в достаточной степени, как в существительных (*maňžoi* 'земляника', *räžy** 'шум, гам', *ložy* 'шум, галдеж'), так и в глаголах (*mäžistä* 'реветь, плакать', *yžistä* 'ворчать, стонать', *ložista* 'шуметь, галдеть' и мн. др.) (см. Markianova, Voiko 1996: 98, 101, 109, 118, 165, 219), фонемой *ž* не является, так как в языке невозможно найти минимальные пары, которые бы отличали друг от друга их значения. Безусловно, с изъятием *ž* из алфавита в какой-то степени теряется языковая экзотика, тем не менее, ее замена на сочетание согласных *dž* является оправданной. Само по себе стремление к сближению диалектов – явление прогрессивное, поскольку единый литературный язык может содействовать единению народа.

Также определенную сложность для изучающих собственно-карельское наречие карельского языка составляла дифференциация фонем *s* и *š* (звука, близкого к русскому *ш*), поскольку до конца 2007 года обе фонемы при письме обозначались с помощью звука *s*. Из предлагаемого фонетического правила, согласно которому после звука *i* может следовать только *s*, а в других фонетических вариантах выступает *š*, существует множество исключений (напр., в слове *kišša* выступает *š*, а не *s*; при суффиксаль-

* В работе примеры из карельского языка, в которых встречается гласная *y*, мы даем в соответствии с новым единым алфавитом, принятым в 2006 году, хотя некоторые из примеров взяты из источников, изданных еще до принятия данного алфавита, и в первоначальном виде данная гласная обозначалась как *ï*.

ном словообразовании *elokaš*, но *elosa*; в русских заимствованиях *skammi*, но *škuappi* и т. д.). Вопрос о дифференциации при письме фонем *s* и *š* был поднят в 2007 году Г. Е. Летгиевой, вступившей в то время в должность редактора газеты «Vienan Karjala». Вскоре в газете перешли на обозначение фонемы *š*; в вышедшей в дальнейшем литературе на собственно-карельском наречии «шапки» также стали проставляться (напр., О. Karlova 2008; Uuši Šana 2011 и др.).

После утверждения алфавита стала развиваться идея о нормировании карельского языка, о пополнении его лексического состава, образовании новейшей терминологии. Для более адекватного отражения реальной действительности становится необходимым разработка новейшей лексики. С этой целью в Республике Карелия в 1998 году при Главе Республики Карелия была создана Республиканская термино-орфографическая комиссия, в которую входят ученые, журналисты, учителя и другие представители карельской интеллигенции. В последние годы комиссия работает не на постоянной, а на общественной основе и является совещательным органом по вопросам терминологии, орфографии и топонимии карельского и вепского языков, распространенных на территории Республики Карелия. На заседания комиссии выносятся вопросы использования карельского и вепского языков в учебно-методических комплектах нового поколения, печатных и электронных средствах массовой информации. Кроме этого, члены комиссии оказывают консультационную и методическую помощь учителям, преподавателям, специалистам, занимающимся изучением карельского и вепского языков.

Основными задачами термино-орфографической комиссии являются: 1) развитие и упорядочение лексического запаса карельского и вепского языков; 2) совершенствование орфографических и орфоэпических правил карельского и вепского языков; 3) проведение анализа существующих орфографических правил и их применения в конкретных случаях, по необходимости изменение и корректировка правил правописания; 4) образование новой политической, экономической и другой тематической лексики на карельском и вепском языках с целью ее введения в повседневную речь; 5) грамматическая адаптация заимствований в систему карельского и вепского языков; 6) содействие внедре-

нию предложенной комиссией лексики в социальную практику (см. http://www.pravoteka.ru/docs/respublika_kareliya/15685.html).

В 1980-е годы в карельском языке ощущались пробелы в таких пластах лексики, как научная, техническая, урбанистическая, общественно-политическая. Благодаря богатому лексическому арсеналу, выразительным способностям, хорошо развитой словообразовательной системе карельского языка, результатом работы термино-орфографической комиссии стали бюллетени по лингвистической, школьной, общественно-политической терминологии, а также лексике флоры и фауны, которые вышли в свет в начале 2000-х годов. Отлаженная работа коллектива комиссии помогла значительно продвинуть процесс языкового строительства в Карелии.

В заключение отметим, что языковое строительство продолжается и в настоящее время. При составлении букварей, грамматик, учебников учитываются особенности карельской письменности. Существуют нерешенные проблемы, такие как обозначение смягчения согласных букв на письме, унификация графических символов карельского алфавита, которые отражаются на становлении карельской орфографии, и многие другие. Время покажет, как будет развиваться карельский алфавит, поскольку процесс стандартизации литературного карельского языка продолжается.

2. ТРАДИЦИОННЫЙ ЛЕКСИЧЕСКИЙ ФОНД КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА И СОВРЕМЕННЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Некоторые особенности современного социокультурного пространства функционирования карельского языка

Областью языка, наиболее точно отражающей разнообразные изменения общественной жизни, справедливо считается лексическая система. По сравнению с остальными системами языка (звуковой, морфологической, синтаксической) лексика наиболее пронцаема для внеязыковых воздействий, что обусловлено основной функцией лексических единиц – служить обозначениями предметов и явлений действительности. Воссоздание письменности является мощным экстралингвистическим фактором, воздействующим на развитие и совершенствование всей языковой системы в целом и на ее лексический уровень в частности.

Карельский язык – это язык с прерванной письменной традицией. В настоящее время, на этапе формирования литературных норм важнейшей задачей, прежде всего для лингвистов, а также для всех, кто в своей деятельности непосредственно имеет дело с языком, является доведение карельского лексического тезауруса до возможности адекватно отражать действительность.

Особенностью современного периода развития карельского языка является активное формирование городской языковой культуры. Карельский язык развивается на новом уровне, в новых сферах употребления. В частности, формируется деловой, официальный язык документов, примером чему является перевод законопроектов в газете «Oта тиа». Свою нишу карельский язык занимает и в сфере науки: студенты вузов защищают на карельском языке курсовые и дипломные работы, за счет чего получает развитие лингвистическая и общенаучная терминология. Преподаватели разрабатывают дистанционные курсы карельского языка, его можно услышать на конференциях и семинарах. Постепенно язык проникает в информационное пространство сети Интернет, где можно познакомиться с учебниками и грамматикой, он-лайн словарем карельского языка. В сети Интернет открыты форумы по вопросам изучения карельского языка, существуют группы, объединяющие

пользователей по этнической принадлежности и заинтересованности в овладении языком. Книги на карельском языке издаются не только в традиционном, но и в электронном виде (в течение 2009 года увидели свет 10 карельских изданий и два электронных диска). Одним из направлений деятельности молодого поколения карелов по сохранению языка является поддержка и организация «языковых гнезд».

Кроме воздействия сверху (в результате осуществления различных мер языковой политики, в частности, деятельности Республиканской термино-орфографической комиссии), на язык в настоящее время немалое влияние оказывает и формирующаяся национальная молодежная субкультура. С марта 2005 года работает молодежный кукольный театр «*Sičiliusku*» («Ящерка»), выступающий на ливвиковском и собственно-карельском наречиях карельского языка. Молодежная организация «*Nuori Karjala*» («Молодая Карелия») традиционно проводит этновечеринки «*Ropivo*» (Костер), «*Lembi*» («Славутность»), которые получили популярность не только среди молодого поколения карелов, но и среди представителей других этносов. Молодые люди приобщаются к карельской культуре и языку, слушая карельский фолк-рок. В творчестве популярных музыкальных коллективов «*Santtu Karhu*», «*Sattuma*», «*Anna tulla*» органично переплетаются карельские, финские, вепские и русские песни. «*Nuori Karjala*» перешла от сугубо сохранения культуры к ее созданию в новых формах. Формирование молодежной этнокультуры становится в своем роде модным течением. В современной ситуации важно, что такая мода конструктивна и плодотворна с точки зрения перспективы сохранения языка. Кроме того, современные формы национальной культуры формируют толерантность и заинтересованность языком и культурой карельского народа у молодых представителей других этносов.

Еще совсем недавно можно было с достаточной степенью уверенности говорить о процессах языкового сдвига, произошедших и происходящих в карельском языке под воздействием известных в науке трех критериев: мотивации прагматического удобства, мотивации ожидания окружающих и мотивации самоидентификации. Кроме того, для языкового сдвига наличествовали и необходимые факторы – принуждение (политика прошлых лет неглас-

ного запрещения карельского языка и формирования установок о его непристижности) и сознательный выбор в пользу доминантного языка.

В настоящее время наблюдаются процессы преодоления языкового нигилизма, в частности, в городской среде. Известны факты того, как выпускники вузов, изучавшие карельский язык, начинают общаться по-карельски со своими детьми, возрождая тем самым билингвизм в среде самых юных представителей карелов. При этом некоторые молодые родители отмечают, что их дети совершенно естественно общаются по-карельски, например, в общественных местах в городе, в условиях русскоязычного окружения. Гораздо больше трудностей психологического характера испытывают сами родители, воспитанные практически в одноязычной культуре. Основная проблема – преодоление ощущения чужеродности карельского языка в привычной русскоязычной среде.

Заметно изменилось коммуникативное ядро карельского лексикона. Активизировалась общественно-политическая лексика, лексика, связанная с процессом образования – школьная, общенаучная, лингвистическая. Тем не менее, как отмечают работники карельских средств массовой информации, в языке еще не хватает слов, обозначающих, в частности, профессии, должности, государственные структуры, общественные организации. Теле- и радиопередачи редакторы стараются не перегружать новыми словами и терминами. В то же время удачное с точки зрения этимологической ясности, традиционных способов и моделей словообразования способствует быстрому «вживлению» в язык новых слов.

2.1. ИСТОЧНИКИ СОЗДАНИЯ НОВОЙ ЛЕКСИКИ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Особенности функционирования карельского языка в домашне-бытовой сфере общения на протяжении многих десятилетий обусловили естественное развитие тех групп лексики, которые отражали в основном хозяйственный уклад жизни карелов. Тем не менее, говоря о неразвитости терминологии карельского языка в целом, следует указать на то, что некоторые тематические группы терминов существуют уже давно. В карельском языке функционируют богатейшие пласты лексики по флоре, фауне, различным

промыслам, обрядам, традициям и т. д. Блестящим доказательством тому являются эпические песни калевальского размера.

Система терминов родства, богато развитая у всех групп карелов, используется и в настоящее время: *ливв.*: *tuamo* 'мама', *tuatto* 'папа', *tytär* 'дочь', *poigu* 'сын', *velli* 'брат', *sevoitar*, *seukku* 'двоюродный брат, двоюродная сестра', *sizär* 'сестра', *buabo* 'бабушка', *died'oi* 'дедушка', *vahnembat* 'родители', *ukko* 'муж', *akku*, *mičoi* 'жена' и т. д., например:

Hänenke olemmo toižet *sevoittaret*. Мы с ним троюродные братья (СКЯ 1990: 332).

Ukol da akal on yksi *poigu*. У мужа с женой один сын (KKS 1993: 370).

Viärän koivun tagua leppän'e seukku. Совсем чужой (ФСКЯ 2000: 196).

Достаточно полной представляется система анатомических терминов: *ливв. и с.-кар.*: *piä, pää* 'голова', *bokka, bokku, kylki, kylgi* 'бок', *hammas, hammaš* 'зуб', *hibju, nahka, nahku, iho* 'кожа', *huuli* 'губа', *huogen, huogain* 'ноздря', *jalka, jalgu* 'нога', *kainalo* 'подмышка', *kakla, kagla, kaglu* 'шея', *kaluin, kaloveh* 'запястье', *kandu, kanda, kantapiä* 'пятка', *pohkie* 'икра ноги', *takša, maksu* 'печень', *keuhkot, keuhkoit* 'легкие' и т. д., например:

Kukoin jalgu poikki, *minun jalgu* tervehekse. Петушиная нога сломается, моя нога поправится (KKS 1968: 476).

Lapsel on *maidohine hibju*. У ребенка «молочная» кожа (KKS 1968: 276).

Mužikka kainalošša kanda samovaqua. Мужик под мышкой несет самовар (KKS 1974: 11).

Pityä hamrahan takana. Хранить в тайне (ФСКЯ 2000: 29).

Для передачи терминологического значения максимально приближена лексика в сфере:

рыболовного промысла: *suolis* 'улов', *kalastus* 'путина', *rahenuottu* 'невод для подводного лова', *sordim* 'прорубь для подводного лова', *us't'i* 'блесна', *potkuverko* 'ставная сеть', *ankuri* 'тройной крючок', *kives* 'грузило';

акваторий озер, рек: *lahti* 'залив', *lambi* 'лесное озеро без истоков', *salmi* 'пролив', *ristukare* 'перекрестная волна';

ландшафта: *lagevus* 'равнина', *selgy* 'кряж, гора', *kivilowhikko* 'морена';

лесного промысла: *peränajo* 'сплав', *suma* 'лес, сплаваемый модем', *peräniekku* 'сплавщик' (Пунжина 1991: 70).

В карельском языке широко представлены также следующие лексические группы:

- названия домашних животных: ливв. *hebo*, с.-кар. *heroni*, *heboni* 'лошадь'; ливв. *lehtu*, с.-кар. *lehtä* 'корова'; ливв. *bošši*, с.-кар. *bokko*, *rokko* 'баран'; ливв. *vuoni*, *vuani*, с.-кар. *vuonna* 'ягненок'; *lammas*, *lammas* 'овца'; *počči* 'свинья'; ливв. *koiru*, с.-кар. *koira* 'собака'; ливв. *kaži*, с.-кар. *kasi*, *kazi* 'кошка' и т. д., например:

Sygyzyl yö on ku mustu *kaži*, päivy ku harmai hiiri. Осенью ночь, словно черная кошка, день, словно серая мышь (СКЯ 1990: 128).

Hebozella mie lähen, en lähe astumalla. Я поеду на лошади, не пойду пешком (KKS 1968: 230);

- названия диких животных: ливв. *kondii*, с.-кар. *kontie* 'медведь'; ливв. *reboi*, с.-кар. *repo*, *rebo* 'лиса'; ливв. *hukku*, с.-кар. *hukka*, *hukk* 'волк'; ливв. *jänöi*, с.-кар. *jänis* 'заяц'; *hirvi* 'лось'; ливв. *oravi*, с.-кар. *orava* 'белка'; ливв. *sagarvo*, *sagarmo*, с.-кар. *šuarva*, *šaarva* 'выдра'; ливв. *mägru*, с.-кар. *mäkrä* 'барсук'; ливв. *rottu*, с.-кар. *rotta* 'крыса' и т. д., например:

Kauhie on karhu metšäššä, hirvi vielä hirviemi. Страшен медведь в лесу, лось еще ужаснее (KKS 1968: 281).

Pidää lähtii *oravih*. Надо идти за белками (*на охоту*) (KKS 1993: 56).

Olen n'äl'l'äs ku *hukku*, kerii vai murginua stolale. Я голодный как волк, соберай-ка обед на стол (ФСКЯ 2000: 43);

- названия птиц: ливв. *kottaraine*, с.-кар. *kottaraini* 'скворец'; *kiuru* 'жаворонок'; ливв. *sorzu*, с.-кар. *šorša*, *šorža* 'утка'; ливв. *kuikka*, с.-кар. *kuikka* 'гагара'; *joučen* 'лебедь'; *kurgi* 'журавль'; ливв. *varoi*, с.-кар. *varis* 'ворона'; ливв. *harakku*, с.-кар. *harakka* 'сорока'; ливв. *haukku*, с.-кар. *haukka* 'ястреб' и т. д., например: *Kiuru* rajattaa hyvin keväjel. Жаворонок поет хорошо весной (KKS 1974: 235).

Hebo kui *harakka*. Лошадь проворная (*дословно*: словно сорока) (KKS 1968: 170).

Olet *haukan* silmy, kai näid. Ты зоркий (= ястребиный глаз), все видишь (ФСКЯ 2000: 32);

- названия растений: ливв. *kanabro*, с.-кар. *kanarvo* 'вереск'; ливв. *čiiloi*, *čiiilahane*, *šiiloi*, с.-кар. *čiiлахaini* 'крапива'; ливв. *suoluheiny*, с.-кар. *šiuolaheinä* 'щавель'; ливв. *štanajalgu*, с.-кар. *stanajalka* 'папоротник' и т. д., например:

Rajakole jo gubei *kanabro* kazvamah. На старой пожоге уже начал расти вереск (СКЯ 1990: 123).

Kiškuo *šiiroidu* 'рвать крапиву' (РКС 2010: 172).

По происхождению карельская лексика подразделяется на исконную и заимствованную. Основной словарный фонд всех финно-угорских языков (в том числе и карельского) составляют слова уральского и финно-угорского происхождения. К более поздним слоям общего словарного состава финно-угорских языков относятся финно-пермский, угорский, финно-волжский, пермский, волжский и прибалтийский. Древнейший слой лексики образуют слова уральского происхождения. В карельском языке это: *jogi* 'река' (ср. вепс. *jogi*, *d'ög'i*; эст. *jõgi*) (SSA 2001: 240), *kala* 'рыба' (ср. фин. и вепс. *kala*) (SSA 2001: 282); *koda* 'дом' (ср. эст. *koda*, фин. *kota*) (SSA 2001: 411); *mua* 'земля' (ср. вепс. *ma*, фин. *maa*) (SSA 1995: 133); *repo* 'лиса' (ср. вепс. *reboi*, эст. *rebane*, *rebu*) (SSA 2000: 65) и т. д. К лексике финно-угорского происхождения относятся большинство слов, обозначающих:

- части тела (*korva* 'ухо', ср. вепс. *korv*, эст. *kõrv*) (SSA 2001: 408);
- природу (*kašše* 'роса', ср. фин. и вепс. *kaste*; *laineh* 'волна', ср. эст. и фин. *laine*) (SSA 2001: 325; 1995 37);
- растения (*garbalo* 'клюква', ср. фин. *karpalo*, вепс. *garbol*; *mändy* 'сосна', ср. фин. *mänty*, вепс. *mänd*) (SSA 2001: 315; 1995: 193);
- физическую деятельность (*aštuo* 'ступать', ср. фин. *astua*, эст. *astuda*; *noušša* 'вставать', ср. фин. *nousta*, вепс. *nousta*, *nūsta*) (SSA 2001: 87; 1995: 235);
- физиологические и психические явления (*nagrua* 'смеяться', ср. фин. *nauraa*, вепс. *nagrda*; *itkie* 'плакать', ср. фин. *itkeä*, эст. *itkeda*) (SSA 1995: 209; 2001: 229);
- наименования качеств (*avo* 'открытый', ср. эст. *ava*, вепс. *avoi*; *kova* 'твёрдый', ср. фин. *kova*, эст. *kõva*; *lyhyt* 'короткий', ср. фин. *lyhyt*, вепс. *l'ühüd*) (SSA 2001: 91, 415; 1995: 117);
- земледелие и скотоводство (*kyndä* 'пахать' ср. фин. *kyntää*, эст. *künda*; *nagris* 'репа', ср. фин. *nauris*, вепс. *nagriž*; *ozra* 'ячмень', ср. фин. *ohra*, вепс. *ozr*) (SSA 2001: 465; 1995: 210, 259);

- жилище и постройки (*katoš* 'крыша', ср. фин. *katto*, эст. *katus*; *lagi* 'потолок', ср. эст. *lagi*, вепс. *lagi*; *raja* 'кузница', ср. фин. и вепс. *paja*) (SSA 2001: 329; 1995: 40, 292);
- домоводство и рукоделие (*kovazin* 'оселок', ср. фин. *kovasin*; *ommella* 'шить', ср. фин. *ommella*, вепс. *ombelta*) (SSA 1995: 266);
- движение и средства транспорта (*jallaš* 'полоз', ср. вепс. *jaugaz*; *ohjaš* 'вожжа', ср. вепс. *ohjaz*) (SSA 2001: 234; 1995: 259);
- семью, родственников (*pereh* 'семья', ср. фин. *perhe*, эст. *pere*; *šugu* 'род', ср. фин. *suku*, вепс. *sugu*) (SSA 1995: 339; 2000: 210);
- а также общественную жизнь (*keräjä* 'собрание деревни' и т. д.).

В карельском языке присутствует также слой исконной лексики, данные которой свидетельствуют о самостоятельном развитии языка, например, *kyly* 'баня', *ruohka* 'сырой' и т. д. (Сопоставительно-ономасиологический словарь 2007: 7).

Заемствованную лексику в карельском языке составляют индоевропейские, балтийские, германские, славянские элементы. Из заимствований одними из наиболее древних принято считать балтийские заимствования: *lohi* 'лосось' (ср. лит. *lāšis*, латв. *lasis*) (SSA 1995: 85); *herneh* 'горох' (ср. латв. *zirnīs*) (SSA 2001: 158); *lauda* 'доска' (ср. латв. *plauts*) (SSA 1995: 55); *halla* 'заморозки' (ср. латв. *salna*) (SSA 2001: 133); *karva* 'волос' (ср. латв. *gauri*) (SSA 2001: 320) и т. д. К балтийским заимствованиям относят также общую для прибалтийско-финских языков лексему *järvi* 'озеро', которая соотносится с лексемами из современного литовского языка *jaura* 'болото' и *jaurus* 'болотистый', восходящими к индоевропейской основе **auer-* со значением 'вода, поток' (Nuutinen 1989: 497). Общих слов балтийского происхождения в прибалтийско-финских языках насчитывается более 200 (Häkkinen 1990: 243). Несколько позднее в прибалтийско-финские языки пришли германские заимствования. В карельском языке это: *peldo* 'поле' (<germ **felþo*), *kattila* 'котел' (<germ **kattila-z*), *niegla* 'игла' (<germ **nēpla*), *kulda* 'золото' (<germ **gulða*) и т. д. К старым славянским заимствованиям относятся, например, *azrain* 'острога', *ragana* 'язычник', *pappi* 'священник' и т. д.

Если рассматривать отдельные тематические группы лексики, то, например, доля заимствований в системе зоонимической лексики карельского языка составляет 16% от общего числа зоосемизмов. Представлены они в основном среди названий домашних жи-

вотных в связи с тем, что прибалтийско-финские народы переняли животноводство у индоиранских и индоевропейских племен. Древнейшие заимствования относятся к довольно длительному периоду соседства финно-угорских народов с индоевропейскими племенами (Жаринова 2006: 8–10). К данной группе заимствованных лексем относятся *sigá* 'свинья', *uuhi* 'овца', *rotta* 'крыса', *vilja* 'зверь, добыча', *tamma* 'кобыла' и др. В последующие периоды пополнение зоонимической лексики карельского языка происходит из балтийского праязыка – *vuohi* 'козел', *hirvi* 'лось', из германского языка – *lammas* 'овца', *pukki* 'козел', *hukku* 'волк', из праславянского языка – *zvieri* 'зверь', из шведского языка – *passi* 'баран', из саамского языка – *kosotus* 'олень' (там же). Примечательно, что именованья, например, *козы* в прибалтийско-финских языках восходит к восьми гнездам. Все названия являются заимствованиями: *keituri*, *kilV*, *kuttu* – из скандинавских, *vuohi* – из балтийских, *kitsi* – из немецкого, *tikaa* – из средненижненемецкого, *koza* – из русского, *čiba* – из русских диалектов (ALFE 3, 2010: 140).

Из народных названий болезней в карельском языке наибольшее число заимствований приходится на славянские, что связано с длительным контактированием карельского и русского этносов, например, *kila*, *kilo* 'грыжа', *nikoites*, *nikoitus* 'икота' и т. д. (Пашкова 2008: 17).

Современный карельский язык пополняется заимствованиями в основном из русского языка, как наиболее мощного сосуществующего идиома, и из финского языка, как близкородственного.

2.2. СОВРЕМЕННЫЕ СЛОВООБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ

Развитие словарного состава новописьменного карельского языка началось с первой половины 1990-х годов с выходом в свет карелоязычных газет, учебных изданий, художественной литературы, а также в связи с преподаванием карельского языка в системе образования. Лексика языка фиксируется, прежде всего, в словарях. За двадцатилетний период развития карельской письменности увидели свет многие лексикографические издания, содержащие как диалектную лексику, так и лексику новописьменного языка: Словарь карельского языка (ливвиковский диалект) (П., 1990; сост. Г. Н. Макаров); *Karjal-ven'alaine sanakniigu*. Карельско-русский

словарь (П., 1996; сост. Л. Ф. Маркианова, Т. П. Бойко); Карельско-русский словарь. Karjalais-venäläini sanakirja (П., 1999; сост. П. Зайков, Л. Ругоева); Словарь карельского языка: [тверские говоры] (П., 1994; сост. А. В. Пунжина); Фразеологический словарь карельского языка (П., 2000; сост. В. П. Федотова), Краткий фразеологический словарь карельского языка: (собственно-карельское и ливвиковское наречия) (П., 2001; сост. В. П. Федотова); Словарь собственно-карельских говоров Карелии (П., 2009; сост. В. П. Федотова, Т. П. Бойко); Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепского и саамского языков (П., 2007); Русско-карельский словарь (П., 2010; сост. Т. П. Бойко, Л. Ф. Маркианова). Новая лексика и терминология зафиксированы в изданиях Республиканской термино-орфографической комиссии, созданной при Главе Республики Карелия: Лингвистическая терминология: бюллетень № 1 (П., 2000); Школьная лексика: бюллетень № 2: (ливвиковское наречие карельского языка) (П., 2000; сост. Л. Ф. Маркианова); Школьная лексика: (собственно-карельское наречие) (П., 2001; сост. В. И. Каракина); Общественно-политическая лексика: А-О: (ливвиковское наречие карельского языка) (П., 2003; сост. Л. Ф. Маркианова); Общественно-политическая лексика: А-О: (собственно-карельское наречие) (П., 2003; сост. В. И. Каракина); Общественно-политическая лексика: П-Я: (ливвиковское наречие карельского языка) (П., 2004; сост. Л. Ф. Маркианова); Общественно-политическая лексика: П-Я: (собственно-карельское наречие) (П., 2005; сост. В. И. Каракина); Лексика по фауне и флоре: (ливвиковское наречие карельского языка) (П., 2005; сост. Л. Ф. Маркианова); Лексика по фауне и флоре: (собственно-карельское наречие) (П., 2005; сост. В. И. Каракина).

Источниками анализируемого в данной главе лексического материала явились газеты «Oma tuua» и «Vienap Karjala», бюллетени Республиканской термино-орфографической комиссии, грамматические учебные пособия по карельскому языку, а также личные беседы с представителями карельской национальности и записи используемой лексики из программ радио и телевидения.

Как известно, при номинации новых реалий в языке обычно используются как собственные лексические и морфологические средства, так и заимствованные из близкородственных и других языков. Из способов образования новых слов в языкознании выде-

ляются несколько. Наиболее распространенным является морфологический способ, включающий в себя суффиксальное словообразование и словосложение. Лексико-семантический способ образования новых слов представляет собой изменение семантики слова. К морфолого-синтаксическому способу относят случаи перехода слов в разряд других частей речи.

Карельский язык обладает достаточно развитой системой словообразования. Имена и наречия в карельском языке образуются в основном с помощью суффиксов и путем словосложения, для глагольного словообразования характерен суффиксальный способ.

2.2.1. Проанализированный лексический материал показывает, что при номинации нового понятия в новописьменном карельском языке предпочтение отдается **морфологическому способу словообразования**.

Большинство новых слов в карельском языке образовано по правилам карельской грамматики суффиксальным способом. Среди таких новообразований различаются как отглагольные и отыменные имена, так и отыменные и отглагольные глаголы.

Суффиксальная система карельского языка чрезвычайно богата, большинство продуктивных суффиксов, с помощью которых образуются производные слова, различаются в собственно-карельском и ливвиковском наречиях лишь огласовкой. Продуктивными, как известно, являются те суффиксы, с которыми создано большое количество слов и которые могут присоединяться в принципе к любой основе (Penttilä 1957: 274). Непродуктивные суффиксы, напротив, участвуют в образовании лишь отдельных слов. В лингвистике выделяется также категория полупродуктивных суффиксов (там же). Так как суффиксация – это одновременно и историческое, и «живущее» средство создания новых слов, продуктивность суффиксов может быть как диахронической, так и синхронной (Länsimäki 1987: 276).

При образовании **имен существительных** суффикс присоединяется либо к именной, либо к глагольной основе. Основной инвентарь суффиксов именного словообразования в карельском языке был описан еще в работах А. Генетца (Genetz A. 1880; 1885). Отыменные дериваты в карельском языке имеют семантическое значение деминутивности, коллективности, места, качест-

ва, свойства. Среди девербальных суффиксов существительных выделяются суффиксы со значением деятеля, названия действия или предмета.

Отыменные существительные в ливвиковском наречии обозначают:

1) место, а также принадлежность лица или предмета к определенному месту: *miehoilu* 'дом мужа', *linalaine* 'горожанин', *kyläläine* 'житель деревни', *petroskolaine* 'петрозаводчанин', *ojandeh* 'ложбина у ручья', *sulandeh* 'попынь', *ymbäristö* 'окрестность'; 2) собирательность или коллективность: *kuuzikko* 'ельник', *kadajikko* 'можжевельник', *muarjikko* 'ягодник', *akkalisto* 'женщины', *hyvälistö* 'состоятельные, богатые люди', *poigoveh* 'выводок', *linnovoh* 'горожане', *nuorižo* 'молодежь'; 3) абстрактные понятия, названия предметов, лиц, род занятий и т. д.: *muahine* 'земляной', *vedehiene* 'водяной', *suohine* 'болотистый', *kannas* 'перешеек', *kablas* 'копыл', *kives* 'грузило', *kaglus* 'воротник', *hyvys* 'добро', *pahus* 'зло', *piduhus* 'длина', *kebjehys* 'простота', *korgevus* 'высота', *levevus* 'ширина', *ruskičču* 'корь', *vaskičču* 'медянка', *sieniniekku* 'грибник'; 4) качественные признаки, а также деминутивность: *piäsköi* 'ласточка', *kägöi* 'кукушка', *järvikköine* 'озерцо'; 5) меру: *kobralline* 'горсть, горсточка' (Markianova 1993: 56–58).

В с.-кар. наречии арсенал отыменных суффиксов не менее богатый, суффиксальным способом образуются имена существительные с аналогичными значениями:

1) коллективности (суффиксы -kkO, -stO, -listO, -veh); 2) качества или свойства (суффиксы -hUs, -vUs, -Us); 3) меры или объема (суффикс -lini); 4) живых и мифических существ, субъектов, принадлежащих какому-либо роду деятельности, национальности или месту жительства (суффиксы -lAini, -hini, -kkA); 5) отрицательного или презрительного свойства, качества (суффиксы -skO); 6) рода занятий, профессии, положения (суффикс -niekka); 7) деминутивности (суффиксы -ni, -hUt, -Ut, -kkAini) (Зайков 1999: 102–103).

В современном словообразовании наиболее продуктивными суффиксами стали:

-(U)Us, -hUs, -vUs:

ливв.: *tolkuttomus* 'абсурд' < *tolkutoi* 'бестолковый'; *ozattomus* 'авария' < *ozatoi* 'несчастный'; *iänizys* 'громкость' < *iänilline*

’громкий’; *kunnottomus* ’непорядочность’ < *kunnotoi* ’непорядочный’; *vellallizus* ’обязанность’ < *velalline* ’обязанный’; *suurellizus* ’величавость’ < *suurelline* ’величавый’;

с.-кар.: *ahnehus* ’жадность’ < *ahneh* ’жадный’; *puhtahus* ’чистота’ < *puhas* ’чистый’; *kaunehus* ’красота’ < *kaunis* ’красивый’; *korkevus* ’высота’ < *korkie* ’высокий’; *pahus* ’зло’ < *paha* ’плохой’; *tärkeys* ’насущность’ < *tärkie* ’важный’; *mukavus* ’комфорт’ < *mukava* ’красивый’.

Данные словообразовательные суффиксы были исторически достаточно широко распространены при образовании слов в наречиях карельского языка (например, в карело-финский перечень слов «Грамматики карельского языка» 1936 года Э. Ахтия включены *küllüs, kulematus* – Ахтия 1936). В «Грамматике карельского языка» Д. В. Бубриха также встречаются примеры такой аффиксации: *vägevъс, тервехъс* (Бубрих 1937: 33).

Эти суффиксы достаточно продуктивны и в других родственных языках: *kagluž* ’перешеек’ (вепс.); *rikkus* ’богатство’ (эст.). Словообразовательные форманты весьма актуальны в словообразовании близкородственного финского языка: в современном словаре финского языка дериватов, образованных с помощью формантов -(U)Us, около двух тысяч (ISK 2010: 199). Морфемы являются продуктивными в процессах словообразования, поскольку имена существительные со значением свойства можно образовать в принципе от любого прилагательного или причастия (там же).

Чаще всего дериваты представляют собой отадъективные имена существительные с семантикой отвлеченности, абстрактности, а морфологический формант, таким образом, присоединяется к производящей основе имени прилагательного, обозначающего некоторое свойство или качество. При этом образованное существительное «наследует» семантику производящего слова: *ливв.*: *muigevus* ’кислотность’ < *muigei* ’кислый’; *lihavus* ’тучность’ < *lihavu* ’полный, упитанный’; *julgevus* ’смелость’ < *julgei* ’дерзкий, смелый’; *с.-кар.*: *viärys* ’несправедливость’ < *viära* ’неправильный, неверный’; *tyhjuus* ’опустошенность’ < *tyhjä* ’пустой, порожний’; *vähyus* ’ограниченность’ < *vähä* ’небольшой, скудный’. В данном типе деривации можно говорить о наличии так называемого транспозиционного словообразовательного значения новообразований, по-

скольку семантика производных слов не отличается от семантики производящих слов (см. напр. Грязнова 2010).

Конечная гласная производящей основы -а, -ä при присоединении этих словообразовательных суффиксов на морфемном шве выпадает, например, *tahtottomus* 'апатия' < *tahtotoi* (tahtottoma-) + *us*. «Здесь можно предположить влияние фонетического закона карельского языка, в соответствии с которым два находящихся рядом гласных звука всегда превращаются в дифтонг и относятся к одному слогу, что нарушило бы словообразовательную структуру слова» (Маркианова 2003: 67).

Высокий уровень синхронической активности этих суффиксов объясняется тем, что с их помощью создается абстрактная лексика, востребованная современным использованием языка в сферах СМИ, образования, науки. Длительное функционирование карельского языка в ограниченном семейно-бытовом коммуникативном пространстве, в свою очередь, явилось причиной «нехватки», нередко и полного отсутствия лексики абстрактного, отвлеченного значения. «Если какой-то концепт в языке представлен лакуной, это свидетельствует не о его отсутствии в национальном сознании носителей языка, а именно о его коммуникативной нерелевантности» (Быкова 2003: 12).

На примере использования данных суффиксов в современной практике языкового планирования можно проследить преемственность письменной традиции и исторического опыта создания литературного карельского языка 1930-х годов. Выступая на 1-й Всекарельской лингвистической конференции по карельскому языку 1937 года, М. М. Хямяляйнен в своем докладе «О терминологическом строительстве и унификации лексики карельского языка» призывал в деле создания новых слов шире использовать суффиксальное словообразование. «Например, от слов *суури* 'большой, великий', *питкя* 'длинный', *на́биз* 'ловкий', *куйву* 'сухой' можно образовать слова и термины, которые очень нужны, но в карельском языке еще не выступают или выступают сравнительно редко». М.М. Хямяляйнен от этих прилагательных предложил образовать абстрактные имена существительные *суурус* 'величина', *пидус* 'длина', *на́бевус* 'ловкость', *куйвус* 'сухость, засуха'. От отыменного прилагательного *руавотойн* 'безработный' было предложено образовать *руавоттомус* 'безработица' (Хямяляйнен 1937: 10).

-kkO, -ikkO, -likkO:

Эти суффиксы, исторически достаточно хорошо известные в карельском языке, придают дериватам, как правило, собирательное, коллективное значение: *louhikko*, *lowhikko* 'каменистое место' < *louhi* 'большой камень'; *koivikko* 'березняк' < *koivu* 'береза'. Суффикс очень продуктивен в близкородственном финском языке: *kivikko* 'каменистое место', *kuusikko* 'ельник', *lepikko* 'ольшаник' и т. д. По источнику деривации собирательные новообразования представляют собой чаще всего отсубстантивные имена существительные. Словарных лексем, образованных при помощи форманта **-(i)kkO**, в финском языке около двухсот (ISK 2010: 206). Суффикс встречается также и в других прибалтийско-финских языках: *hävikko* (иж.), *koivik* (вепс.), *kaasik* (эст.).

Данные суффиксы являются активно используемыми в современном слово- и формообразовании в карельском языке. Помимо собирательного значения, например, *ливв.*: *vezakko* 'поросль' < *veza* 'побер'; *savikko* 'суглинок' < *savi* 'глина'; *с.-кар.*: *meččärivikkö* 'лесополоса' < *rivi* 'ряд, полоса'; *honkikko* 'сосновый бор' < *honka* 'сосна'; *jäkälikkö* 'ягельник' < *jäkälä* 'ягель', словообразовательные форманты могут придавать дериватам и вполне конкретное значение, например, *urhakko* 'герой' < *urhu* 'смелый'. Лексему *urhakko* можно рассматривать также как результат морфолого-синтаксического способа образования новых слов, поскольку наряду с *urhu* 'смелый' в карельском языке с таким же значением в форме имени прилагательного встречается *urhakko*.

При участии данных словообразовательных формантов пополнился арсенал школьной лексики карельского языка, например, *kuuzikulmikko* 'шестиугольник' < *kuuzi* 'шесть', *kulmu* 'угол'; *vinonellikkö* 'ромб' < *vino* 'косой', *nelli* 'четыре'; *päivikkö* 'дневник' < *päivu* 'день'; *kolmikko* 'треугольник' < *kolme* 'три'; *kirjaimikko* 'алфавит' < *kirjain* 'буква', а также лингвистической терминологии: *yksikkö* 'единица языка' или 'единственное число' < *yksi* 'один'; *monikko* 'множественное число' < *moni* 'многие'. Слова *yksikkö* и *monikko*, образованные при помощи суффикса **-kkO**, появились в карельском языке под явным влиянием финского языка (ср. фин. *yksikkö* и *monikko*). Эти новообразования можно отнести к разряду словообразовательных калек, поскольку они созданы по правилам карельской грамматики из собственных языковых

средств. Аналогичным образом создано *taulukko* 'таблица' < *taulu* 'доска' (ср. фин. *taulukko*). Вместе с тем названные лексемы вполне можно рассматривать и как прямые заимствования из финского языка. Неологизм же *säveilikkö* 'гамма' совершенно однозначно представляется заимствованием (ср. фин. *sävelasteikko*), поскольку в карельском языке отсутствует и сама исходная основа *sävel*.

В отличие от суффиксов -(U)Us, -hUs, -vUs, формант -(i)kkO образует дериваты с мутационными словообразовательными значениями, поскольку в семантике производных слов обнаруживаются существенные смысловые приращения (например, *päivikkö*, *yksikkö*).

-(i)stO:

Суффикс является широкоупотребительным во многих прибалтийско-финских языках: *kuusisto* 'ельник', *laivasto* 'флот' (фин.), *koivišt* 'березняк' (вепс.), *koivisto* 'березняк', *kalmisto* 'кладбище' (с.-кар.). Формант придает дериватам значение коллективности, нередко обозначает природные объекты (локусы). В финском языке данный суффикс довольно часто используется при деривации понятий, обозначающих коллективы людей, например: *soittajisto* 'музыканты', *tuomaristo* 'судейская коллегия; жюри' (ISK 2010: 205). Локативная семантика форманта реализуется в дериватах со значением места, ставшего результатом человеческой деятельности, например: *kirjasto* 'библиотека', *varasto* 'склад' (там же).

Суффикс -(i)stO продуктивен в современных словообразовательных процессах в карельском языке: *ливв.*: *kartasto* 'атлас' < *kartu* 'карта'; *pertistö* 'апартаменты' < *perti* 'комната'; *miehistö* 'экипаж' < *mies* 'мужчина'; *eläjistö* 'население' < *eläi* 'житель'; с.-кар.: *sisävesistö* 'внутренние воды' < *vesi* 'вода'; *valdamiehistö* 'власть имущие' < *valta* 'власть, воля', *mies* 'человек'; *kortisto* 'картотека' < *kortti* 'карта, карточка'. Дериваты обладают традиционным значением коллективности и локативности, при этом их словообразовательные значения являются мутационными, так же, как и новообразования, созданные при помощи форманта -(i)kkO, -likkO.

Новообразования могут выступать частями сложных слов: *lehtistöpalvelu* 'пресс-служба'; *kyläymbäristö* 'сельский пейзаж', *sähköverkosto* 'электросеть'. При этом с точки зрения механизма словообразования части сложных слов *lehtistö-*, *ymbäristö-*,

verkosto- являются дериватами, созданными при помощи суффиксального форманта *-(i)stO*. Сами же сложные лексемы представляются, в свою очередь, заимствованиями из финского языка (ср. фин. *lehdistöpalvelu, kyläympäristö, sähköverkosto* с теми же значениями).

Формант *-(i)stO* продуцирует появление цепочек языковых новообразований: например, из неологизма *hommal* создана форма *hommalisto* 'агентура'. Новые слова пополняют тезаурусы школьной лексики (*vanhempisto* 'родительский комитет'), общественно-политической лексики и терминологии (*enimistö* 'преобладание') и т. д.

-I, -IA, I'a:

Эти суффиксы обладают «целым пучком значений» (Бубрих 1937: 31.) В прибалтийско-финских языках слова, образованные при помощи суффиксов *-I, -IA*, имеют обычно семантическое значение места или коллективности: *appela* 'дом тестя' (фин.), *toattol'a* 'дом отца' (кар.), *haigla* 'больница' (эст.). Если касательно апеллятивного словообразования в целом можно говорить о непродуктивности данного суффикса, то, в свою очередь, следует указать на его популярность в карельских топонимах. В топонимах суффикс обладает локативной семантикой – *Reboilu, Jyrgil*. Формант *-I* выступает в ливвиковской ойконимии, являясь продуктивной моделью в восточном Приладожье (Муллерен 2002: 90; Карлова 2004). В финском языке данный суффикс получил широкое распространение в словообразовании также и на апеллятивном уровне: *sairaala* 'больница', *kylpylä* 'аквапарк', *vankila* 'тюрьма'.

Если на первых порах при воссоздании письменного карельского языка формант *-I, -IA, I'a* не был активно задействован в словообразовании, то его продуктивность в настоящее время заметно возросла. Под влиянием финского языка в собственно-карельском наречии появились лексемы *sikala* 'свинарник', *ruokala* 'столовая', *neuvola* 'консультация (учреждение)', *parantola* 'санаторий' (последняя включена в «Русско-карельский разговорник (на собственно-карельском наречии карельского языка)») (VKP 2010). В лексикон ливвиковского наречия вошли слова *syömäl, syömälly* 'столовая'. С формообразующим суффиксом *-I* образовано слово *hommal* 'агентство' < *hommi* 'хлопоты, занятия', которое употребляется также в составе сложных слов, например, *tiedohommal*

’информационное агентство’. В свою очередь, в младописьменном вепсском языке, письменность которого начала развиваться параллельно с карельской, формант является непродуктивным даже при образовании топонимов, при создании же апеллятивной лексики он не использовался никогда. В вепсском языке суффикс встречается в старых названиях мест, в современном словообразовании он практически «угас». В сложных словах, например, в значении локативного форманта активно используется *sija* (*sömsija* ‘столовая’). При этом иногда происходит изменение семантики слов с включением данного форманта: лексема *radsija* имеет в современном вепсском языке значение ‘профессия’ (первоначальное значение ‘рабочее место’).

На базе употребления суффикса -IA, -I’a возник широкоупотребительный суффикс -IAine (-IAine), -IAini, образующий имена со значением «принадлежащий к такому-то коллективу, к такому-то месту», «член такого-то коллектива», «житель такого-то места» (Бубрих 1937: 31). Например, в с.-кар. наречии широкоупотребительны производные слова со значением места жительства: *oulankalaini*, *kiestinkiläini*, *suomelaini* (Зайков 1999: 103). В современном языке при помощи этого суффикса образована лексема *čuassupalkalaine* ‘почасовик’ < *čuassu* ‘час’, *palku* ‘зарплата’. Особенностью употребления дериватов является то, что часть из них может выступать как именами существительными, так и именами прилагательными. Субстантивное и адъективное употребление производных слов, созданных при помощи данного форманта, характерно и для современного языка:

Eräs kyläläinen mies kiändyi elämäh omah kyläh P’al’mah da ottihes sih ruadoh ‘Один деревенский мужчина вернулся жить в родную деревню Пяльму и нашел там работу’ (Oma mua, № 4 2010);

Anukselaine Aleksandr Titov paheksi, ku Anuksen linnas nygöi paikallizil eläjil vaigei da kallis on suaha muapala koin nostamizekse ‘Олончанин Александр Титов огорчен тем, что в городе Олонце в настоящее время местным жителям сложно и дорого приобрести участок земли для строительства дома’ (Oma mua, № 8 2010).

На месте коллективного суффикса -IA употребляется суффикс -listO «...как суффикс названий коллектива» (Бубрих 1937: 31): ливв.: *hierulisto* ‘жители деревни’ < *hieru* ‘деревня’; с.-кар.: *keyhälistö* ‘беднота’ < *keyhä* ‘бедный’, *pappilisto* ‘церковные служи-

тели' < *rappi* 'священник' (Зайков 1999: 102). В ливвиковском наречии этот суффикс весьма продуктивен, по сравнению, например, с суффиксом такого же значения *-oveh* (Virtaranta 1959: 412). В современном языке в значении 'жители города, горожане' употребляется образованная при помощи *-listo* лексема *linnalisto* < *linnu* 'город'. С помощью этого же форманта образовано слово *herralisto* 'номенклатура' < *herra* 'господин'.

-niekku, -niekka:

Данный суффикс как вариант суффикса *-nik* является одним из древнейших и наиболее распространенных суффиксов в прибалтийско-финских языках: *abunik* 'помощник' (вепс.), *sarviniekka* 'рогатый' (фин.), *velguniekku* 'должник' (ливв.), *kirjanik* 'писатель' (эст.). Суффикс был заимствован из русского языка, в котором с его помощью образуются слова со значением лица, производящего действия. В работе «Суффикс *-nik* в прибалтийско-финских языках» П. Пальмеос распределяет производные с *-nik* в карельском языке по следующим семантическим значениям: а) по профессии или роду деятельности; б) по существенному признаку; в) по участию в какой-либо деятельности; г) по месту жительства (Пальмеос 1982: 1–1). Словообразовательный формант наиболее употребителен в олонекких говорах карельского языка.

Суффикс оказался очень продуктивным при создании новых отыменных существительных со значением рода занятий, специальности, профессии, положения: ливв.: *vuoronekku* 'сменщик' < *vuoro* 'смена'; *neronekku* 'практик' < *nero* 'умение'; *virguniekku* 'администратор' < *virgu* 'должность, чин'; *tullivirguniekku* 'таможенник' < *tulli* 'таможня' (финское заимствование), *virgu* 'должность, чин'; *ammattiniekku* 'специалист' < *ammatti* 'профессия'; с.-кар.: *niittyniekka* 'косарь' < *niitty* 'покос'; *soittoniekka* 'музыкант' < *soitto* 'игра'; *harppuniekka* 'гармонист' < *harppu* 'гармонь'. Новообразования могут состоять как из исконных, так и заимствованных элементов: с.-кар. *lentokonehmechanikka* 'бортмеханик', *nimipäiväniekka* 'именинник', *smutel'niekka* 'обманщик', *raskol'nikka* 'раскольник'.

Отглагольные существительные обозначают в карельском языке, как правило, какое-либо действие или его результат, а также деятеля; реже имена существительные, образованные от глаголов, могут обозначать явления или предметы (Маркианова 2002:

62; Рягоев 1977: 181–182; Зайков 1999: 103–104). Наиболее частотными в образовании отглагольных существительных стали следующие суффиксы:

-U:

Формант образует имена от глаголов как в карельском (*itku* 'плач', *maksu* '(о)плата', *käsky* 'приказ'), так и в родственных языках (фин. – *haku* 'поиск', *ajattelu* 'мышление, размышление'). В современном финском языке это один из продуктивнейших суффиксов из примерно пятнадцати морфологических деривационных типов номинации действия и результатов действия (ISK 2010: 239).

Деривационный потенциал форманта в современном карельском языке высок, а новообразования также называют действие или его результат: лувв.: *luvvetelu* 'инвентаризация' < *luvotella* 'считать'; *ajattelu* 'замысел' < *ajatella* 'размышлять'; *ezittely* 'аннотация' < *ezitellä* 'представлять, знакомить'; *nägy* 'зрелище' < *nähtä* 'видеть'; *lajittelu* 'дифференцирование' < *lajitella* 'сортировать'; *koittelu* 'проба' < *koitella* 'пробовать'; *harjoittelu* 'репетиция' < *harjoitella*, *harjautella* 'заниматься'; с.-кар.: *muuttelu* 'вариация' < *muutella* 'менять'; *esittely* 'аннотация' < *esitellä* 'знакомить, представлять'; *erittely* 'анализ' < *eritellä* 'анализировать'; *pitvittely* 'волокита' < *pitvitellä* 'мешкать'; *arvelu* 'гипотеза' < *arvella* 'полагать'; *kysely* 'допрос' < *kysellä* 'спрашивать'; *kiistely* 'дискуссия' < *kiisellä* 'спорить'; *yhistely* 'комбинирование' < *yhissellä* 'соединять'; *kiemurtelu* 'лабиринт' < *kiemurrella* 'лабиринт'. Девербальные существительные могут также обозначать предмет: *näcky* 'жевательная резинка' < *näckiä* 'чавкать'. В данном случае словообразования конечная гласная производящей основы перед суффиксом выпадает: *ezittely* < *ezitellä* (*ezittele-*).

В рамках данной суффиксальной деривации отдельные новообразования можно отнести и к случаям семантического преобразования слов: например, *arvelu* в современном языке имеет более конкретное значение 'гипотеза', в то время как первоначальное значение данного существительного 'обдумывание, раздумывание'.

В новописьменном языке суффикс оказался чрезвычайно продуктивным. Приведенные примеры убедительно подтверждают способность средствами разговорного языка продуцировать слова, отражающие реалии современной жизни (*pitvittely*, *arvelu*). Часть новых отглагольных существительных имеет семантику абстракт-

ности, отвлеченности (например, *kiemurtelu* 'лабиринт'), таким образом, формант -U участвует в вербализации абстрактных понятий, способствуя заполнению лексических лакун.

-ndU, -ntA, -ndA:

Данные отглагольные суффиксы традиционно придают дериватам значение действия или его результата: с.-кар.: *ruanta* 'работа' < *ruatua* 'работать', *ečintä* 'поиск' < *eččie* 'искать', *myöntä* 'продажа' < *myuvvä* 'продавать', *itentä* 'плач' < *itkie* 'плакать', *varajanta* 'боязнь' < *varata* 'бояться', *syötäntä* 'кормление' < *syöttyä* 'кормить', *kuuntelelenta* 'слушание' < *kuunnella* 'слушать' (Зайков 1999: 103). Формант -ndU выступает в диалектах ливвиковского наречия карельского языка: *kehitändy* 'предложение' < *kehittä* 'предлагать'; *kiirehtändy* 'спешка' < *kiirehtiä* 'спешить'; -ndA – в переходных и южнокарельских диалектах: *ammunda* 'стрельба' < *ambuo* 'стрелять'; *valanda* 'литье' < *valua* 'лить'; -ntA – в севернокарельских диалектах собственно-карельского наречия: *kapalointa* 'пеленование' < *kapaloija* 'пеленовать'; *leikintä* 'игра' < *leikkie* 'играть' (Филиппова 2005: 410). О значительном распространении форманта в словообразовании карельского языка говорят многочисленные примеры образцов речи:

Nu brihalla l'ien'i jo *nainda*-aiga. У парня уже пришло время женьбы.

Ennen joven *jiävyt'änd'ia* до замерзания реки (H. ja P. Virtaranta 1990: 28).

Формант широко используется в деривации отглагольных существительных в близкородственных прибалтийско-финских языках: *harkinta* 'обдумывание' (фин.), *tulend* 'приход' (вепс.), *lisand* 'добавка' (эст.). Встречается он и в топонимной лексике, например, вепсское *pugand* 'узкое место с быстрым течением на реке' восстанавливается на основании ряда топонимов с элементом *пуганда/поганда* на рр. Оять, Свирь и Водла, а также русского диалектного (Пудожье) *пуганда* 'место с быстрым течением и камнями на реке; узкое русло с быстрым течением' (Муллерен 1994: 59–61). Термин возводится к вепсскому *pugetada* 'просовывать, протискивать' (там же).

В финском языке дериваты с формантом -ntA, образованные от двусложных глаголов, чаще всего являются обозначениями действия (*onginta* 'ужение', *poiminta* 'сбор, собирание', *tutkinta* 'рассле-

дование'), реже – называют результат действия (*hankinta* 'приобретение, закупка', *tartunta* 'заражение, инфекция') (ISK 2010: 246).

В карельском языке «...суффикс независим от морфологических ограничений, он сочетается с любыми по строению глаголами», в связи с чем отличается высокой продуктивностью, в отличие от финского языка, где «...сочетается с глаголами первого и пятого типов» (Филиппова 2005: 411).

В настоящее время при помощи этого суффикса образуются в основном имена действия: ливв. *vastustandu* 'парирование' < *vastustua* 'сопротивляться'; *uuzi vallicendu* 'переизбрание' < *vallita* 'выбирать'; *kyzelendy* 'опрос' < *kzellä* 'спросить'; *lähevyndy* 'приближение' < *lähetä* 'приблизиться'; *viestitändy* 'сигнализация' < *viestittiä* 'сигнализировать'. Дериваты входят в состав сложных слов: *kevätkučundu* 'весенний призыв' < *kučuo* 'звать'; *käzienpläkytändy* 'аплодисменты' < *pläkyttiä* 'хлопать'. В некоторых случаях обе части сложного слова могут быть образованы от глаголов с участием форманта -ndU: *myöndy/ozuttelu* 'выставка-продажа' < *myvvä* 'продавать', *ozuttua* 'показывать'.

Активное использование суффикса наблюдается при номинации новых понятий в с.-кар. наречии: *hävitäntä* 'ликвидация' < *hävittyä* 'уничтожить'; *luatiuvunta* 'лицемерие' < *luatiutuo* 'притвориться'; *värvyäntä* 'мобилизация' < *värvätä* 'мобилизовать'; *kiven sahuanta* 'камнеобработка' < *sahata* 'пилить'; *keskenäini suvačenta* 'взаимоуважение' < *suvača* 'любить, нравиться'. Многие новые лексемы образованы при помощи данного суффикса от заимствованных через русский язык глаголов: *limitointa* 'лимитирование' < *limitoija* 'лимитировать', *lisensointa* 'лицензирование' < *lisensoija* 'лицензировать', *kodifointa* 'кодификация' < *kodifioija* 'кодифицировать'.

В тверских говорах карельского языка наблюдается продуцирование отглагольных существительных от русских глаголов: *kurinda* 'курение'.

-Us:

Суффикс отличается высокой продуктивностью в прибалтийско-финских языках; образует существительные, обозначающие процесс или результат действия (Наkulinen 1968: 196): *valehuš* 'обман', *ombelus* 'шитье' (кар.); *ägestuz* 'боронование' (вепс.); *vastus* 'ответ', *annetus* 'пожертвование' (эст.); *jaotuz* 'деление',

luppaahuz 'обещание' (иж.). В финском языке, например, формант -Us, присоединяемый к многосложным глаголам с основой на StA-, является исключительно продуктивным при деривации существительных со значением действия: *alitus* 'проход, прохождение', *toteutus* 'осуществление, реализация', *peruutus* 'аннулирование' (ISK 2010: 241).

В лексикон новописьменного карельского языка вошли многочисленные новообразования, созданные с участием данного форманта: ливв.: *harjavutus* 'адаптация' < *harjavuttua* 'свыкаться'; *kahahtus* 'атака' < *kahahtua* 'броситься, ринуться'; *ennustus* 'апокалипсис' < *ennustua* 'предвещать'; *valličius* 'баллотирование' < *vallita* 'выбирать'; с.-кар.: *muissutus* 'выговор' < *muissuttua* 'напомнить'; *selvitys* 'комментарий' < *selvittyä* 'пояснять'; *tarkistus* 'контроль' < *tarkistaa* 'проверять'; *hämmässys* 'конфуз' < *hämmästyö* 'испугаться'; *kohennus* 'корректировка' < *kohentua* 'исправлять'. Конечная гласная производящей основы при такой деривации выпадает: *merkičys* < *merkitä* (*merkiče*-). Отдельные случаи перечисленных новообразований можно отнести к явлениям семантических трансформаций: так, образованное от глагола *ennustua* 'предвещать' имя существительное *ennustus* 'апокалипсис' обладает уже другим оттенком значения, нежели сам исходный глагол. Семантический сдвиг произошел и у лексемы *hämmässys* в значении 'конфуз'; первоначальное значение слова – 'испуг'.

Суффикс употребляется при образовании частей сложных слов: *virallinitijotus* 'коммюнике', *lisäselvitys* 'консультация', а также при образовании существительных от заимствованных глаголов: *klonaus* 'клонирование' < *klonata* 'клонировать', *kooditus* 'кодирование' < *koodittaa* 'кодировать'.

-mine, -mini:

Это так называемый суффикс 4-го инфинитива (Накулинен 1968: 183).

Производные существительные, образованные при помощи суффикса -mine обозначают процесс, результат или следствие действия: *ostamine* 'покупка', *menemine* 'ход' (ливв.), *ostamini* 'покупка' (с.-кар.), *lukeminen* 'чтение' (фин.), *lugemine* 'чтение' (эст., вепс.), *ostmine* 'покупка' (эст.). Суффикс продуктивен во всех говорах карельского языка, он «...независим от морфологических ограничений и образует отглагольные производные почти от всех

типов глаголов» (Филиппова 2005: 410). В диалектах карельского языка суффикс имеет разную фонетическую форму: *läsimin'i* 'болезнь', *tagomin'e* 'ковка', *kalastamine* 'лов рыбы', *kandamiine* 'ношение' (там же: 409).

В современном языке суффикс оказался достаточно продуктивным при назывании процессов и явлений: *с.-кар.*: *täyttämini* 'наполнение' < *täyttyä* 'наполнить'; *työntämini* 'направление' < *työntyä* 'отправлять, направлять'; *ohjuamini* 'направление' < *ohjual'l'a* 'направлять'; *ponnistamini* 'напряжение' < *ponnistua* 'напрячь'; *pakottamini* 'насилие' < *pakottaa* 'заставлять' и т. д. Дериваты пополняют пласты лексики с отвлеченной семантикой, а также специальной лексики, в частности, спортивной: *hölkkimäni* 'бег трусцой' < *hölkkätä* 'бежать трусцой'. В спортивной лексике употребляются лексические синонимы, созданные с использованием данного форманта: 'подтягивание' – *levvanhoštamini* (ср. фин. *leuanveto*), *käsinkohuomini* (ср. фин. *käsinkohonta*).

Особенностью современного словообразования становится также употребление морфологических синонимов, созданных при помощи разных суффиксов: 'голосование' – *iänestämäni*, *iänessäntä*, *iänessys* < *iänestyä* 'голосовать'; 'гонение' – *ahistamäni*, *ahissanta*, *ahissus* < *ahistua* 'давить'. В «Русско-карельский разговорник (на собственно-карельском наречии карельского языка)», например, включены подобные морфологические синонимы: 'стрижка волос' *tukkien leikkuamäni*, *tukkien leikkaus*; 'воспитание' *kašvattamäni*, *kašvatus*.

-in, -n:

Суффикс образует девербальные существительные со значением предмета. Будучи одним из древнейших суффиксов, широко известен в морфологии прибалтийско-финских языков: *avain* 'ключ', *rainin* 'пресс', *istuin* 'сиденье' (фин.), *avadim* 'ключ' (вепс.). В финском языке данный суффикс в последнее время является одним из наиболее продуктивных, причем продуктивность этого суффикса носит экстралингвистический характер и объясняется потребностью в наименовании постоянно развивающихся предметов и приборов техники (Länsimäki 1987: 277).

В современном словообразовании карельского языка суффикс получил распространение при номинации понятий из школьной жизни: *лиув. viivatin* 'линейка' < *viivata* 'подчеркивать'; *kirjutin*

'ручка' < *kirjuttua* 'писать'; *terendin* 'точилка' < *terendiä* 'точить'; *piirdin* 'карандаш' < *piirdiä* 'рисовать'; *mualin* 'кисточка' < *mualata* 'красить'.

С помощью этого суффикса образованы части сложных слов: ливв. *tukkienkuivatin* 'фен' < *kuivata* 'сушить', *sähkösammutin* 'рубильник' < *sammuttaa* 'гасить'.

Перед суффиксом конечная гласная или первый компонент конечного дифтонга основы выпадает: *työnnytin* 'двигатель' < *työnnyttiä* (*työnnytä-*), *miärätin* 'измеритель' < *miärätä* (*miäriä-*) (Маркианова 2003: 69).

-jA, -jU, -i:

Суффикс обладает значением деятеля (Зайков 1999: 104) и является одним из наиболее продуктивных суффиксов с данным значением в карельском языке. В диалектах он имеет разную фонетическую форму: -jA выступает в говорах собственно-карельского наречия, -jU и -i – в ливвиковском наречии, -i – в людиковском наречии (Филиппова 2005: 408).

Продуктивность суффикса прослеживается и в новообразованиях: *uvvistai* 'реформатор'; *ohjailii* 'организатор'; *perustai* 'основатель'; *omistai* 'обладатель'; *luottai* 'доверитель'; *ahtuaju* 'грузчик'; *tallendai* 'вкладчик'; *kuluttai* 'потребитель' (там же).

С помощью суффикса -jA в карельском языке образуются производные почти от всех типов глагольных основ: *с.-кар.*: *ilmihantaja* 'доносчик' < *antua ilmih* 'доносить'; *ilmottaja* 'заявитель' < *ilmottaa* 'заявить'; *pal'l'astaja* 'изобличитель' < *pal'l'astua* 'изобличать'; *mečän kasvattaja* 'лесовод' < *kasvattaa* 'выращивать'.

Одному понятию в некоторых случаях соответствуют лексические синонимы, образованные с помощью данного суффикса: 'грузчик' – *kuormittaja*, *lastuaja*, *ahtuaja*.

Имена прилагательные, как и имена существительные, образуются в карельском языке как от имен, так и от глаголов. Производные прилагательные имеют деминутивное, модеративное, каритивное значение, а также значение качества и большого количества чего-либо (Genetz A. 1880; 1885; Зайков 2002: 96–17). Среди отыменных суффиксов прилагательных можно назвать суффиксы посессивных прилагательных, которые обладают каким-либо свойством; суффиксы, обозначающие большое количество того, что обозначает производящее; суффиксы каритивных прилагательных

со значением отсутствия признака; суффиксы со значением ослабленного качества производящего слова; суффикс со значением наивысшего качества; суффиксы, с помощью которых образуются прилагательные со значением, близким значению производящего слова (Зайков 1999: 106).

Как известно, деривация имен прилагательных не столь активна, как деривация имен существительных, что связано, в первую очередь, с основной функцией имени существительного называть предмет. Ядром любого словаря являются имена существительные, поскольку перед людьми постоянно встает необходимость называть новые предметы и явления окружающей действительности.

Отыменные имена прилагательные, образованные суффиксальным способом, как правило, «наследуют» в карельском языке качественный признак производящего существительного (за исключением слов, образованных при помощи каритивного суффикса -toi, -töi, -toin, -töin).

-kAs:

Суффикс достаточно известен в финно-угорских языках: *varakas* 'состоятельный, обеспеченный', *iäkäs* 'пожилой, старый' (фин.); *vahtokaz* 'пенистый' (вепс.); *eakas* 'пожилой', *viljakas* 'плодородный' (эст.); *savveekaz* 'глиняный', *taokaz* 'червивый' (иж.). В финском языке синонимичным по значению является посессивный суффикс -llinen: *nerollinen* – *nerokas* 'гениальный'.

С помощью данного форманта образовано большое количество имен прилагательных: ливв.: *arvokas* 'престижный' < *arvo* 'ценность'; *sovukas* 'сплоченный' < *sobu* 'согласие'; *varakas* 'состоятельный' < *vara* 'запас'; *elokas* 'состоятельный' < *elo* 'добро'; *mainehikas* 'славный' < *maineh* 'слава'; с.-кар.: *innokas* 'вдохновенный', *mutkikas* 'замысловатый', *arvokas* 'именитый', *rahakas* 'денежный', *horukas* 'торопливый', *kuijukas* 'волоконистый', *juovikas* 'полосатый'.

Образованные от одной основы имена прилагательные в разных наречиях карельского языка могут иметь разные семантические оттенки (ср. *arvokas* 'престижный' в ливв. и 'именитый' в с.-кар.). Прилагательные – дериваты входят также в состав новых сложных слов: *käyttönerokas* 'практичный'.

Среди новообразований можно указать такие лексемы, как *codikas* 'уютный', *vilpikäs* 'фальшивый', *hinnakas* 'ценный', *himokas*

’чувственный’, *tehokas* ’эффективный’, *ilmikäs* ’экспрессивный’, *kyvykäs* ’способный’, *vihakas* ’злостный’, *ijäkäs* ’солидный’ и т. д.

-lline, -llini:

Широко используемый суффикс в словообразовании карельско-го языка (*kezälline* ’летний’: Бубрих 1937: 30; *vallalline* ’господствующий, могущественный’: Рягоев 1977: 185) и близкородственных языков: *onnellinen* ’счастливый’ (фин.), *ehtaline* ’вечерний’ (вепс.), *klassikaline* ’классический’, *armuline* ’милостивый’ (эст.). Прилагательные-дериваты могут иметь значение места, времени, посессивности, абстрактности (Накулинен 1968: 140). Семантику дериватов в финском языке дополняют значения состояния (*erillinen* ’отдельный, обособленный’), способа (*kirjaimellinen* ’буквальный’), определения названий действия или свойства (*näyttämöllinen* ’сценический’), сравнения (*naisellinen* ’женственный’) (Rintala 1980: 225–126). В современном финском языке суффикс весьма продуктивен, причем производящим словом обычно является имя существительное (*rauha* ’мир; покой’ – *rauhallinen* ’спокойный’), но есть примеры отглагольной (*kiittää* ’благодарить’ – *kiitollinen* ’благодарный’) и отадъективной деривации (*pitkä* ’длинный, высокий’ – *pitkällinen* ’длительный, продолжительный’) (там же: 212).

Формант очень продуктивен при образовании новых карельских отыменных прилагательных: ливв.: *suarnalline* ’сказочный’ < *suarnu* ’сказка’; *satiiralline* ’сатирический’ < *satiiru* ’сатира’; *tovelline* ’реальный’ < *toven, tozi* ’правда’; *muvvoline* ’формальный’ < *muodo* ’форма’; *alovehelline* ’региональный’ < *aloveh, ala* ’область’; с.-кар.: *pilkallini* ’кошунственный’ < *pilkka* ’насмешка’; *paikallini* ’местный’ < *paikka* ’место’; *ainehellini* ’материальный’ < *aineh* ’вещество’; *peittollini* ’конспиративный’ < *peitto* ’укрытие’.

Имена прилагательные, образованные с суффиксом -lline, входят в состав сложных слов: ливв.: *tegoainehelline* ’синтетический’ < *aineh* ’вещество’, *monikieline* ’разноязыкий’ < *kieli* ’язык’, *tazaruoline* ’пропорциональный’ < *ruoli* ’сторона’; с.-кар.: *ihmismittauskeinollini* ’антропометрический’ < *keino* ’средство’.

-tOi, -tOini:

Суффикс придает дериватам значение отсутствия какого-либо признака, образуя так называемые абессивные или «лишительные» имена прилагательные (Бубрих 1937: 32). О древнем бытовании

этого суффикса говорит тот факт, что он имеет эквиваленты почти во всех финно-угорских языках, включая хантыйский (Наkulinen 1968: 156). В карельском языке примерами употребления дериватов с данным суффиксом можно, например, назвать *silmätöi* 'безглазый', *jallatoi* 'безногий', *tolkutoin* 'бестолковый', в близкородственных языках – *avuton* 'беспомощный' (фин.), *nenatoi* 'безносый' (вепс.). Каритивные имена прилагательные при помощи данного суффикса легко образовать как от имени существительного, так и от глаголов.

В современном языке суффикс оказался весьма продуктивным в ливв. и в с.-кар. наречиях: ливв.: *tahtotoi* 'апатичный' < *tahto* 'желание'; *huigietoi* 'безнравственный, циничный' < *huigei* 'стыд'; *persounatoi* 'безликий' < *persounu* 'личность, лицо' (производящее слово – заимствование через русский язык; таким же образом образовано имя прилагательное 'безликий' и в с.-кар. наречии – *personatoin*); *ehtotoi* 'безоговорочный' < *ehto* 'условие' (в с.-кар. наречии с тем же значением – *ehotoin*); *perätöi* 'безосновательный' < *perä* 'задняя часть, корма' (в с.-кар. наречии аналогично образовано *perätöin*); *rauhatoi* 'смутный' < *rauhu* 'мир, покой'; с.-кар.: *lajetoin* 'беззаконный' < *laki* 'закон'; *tietöin* 'бездорожный' < *tie* 'дорога'; *vahinkotoin* 'безвредный' < *vahinko* 'ущерб'; *moralitoin* 'безнравственный' < *morali* 'мораль'; *nimetöin* 'безымянный' < *nimi* 'имя'; *huoletoin* 'безалаберный' < *huoli* 'забота'. Некоторые новые слова могут иметь различные оттенки значений: *huigietoi* переводится как 'безнравственный', 'циничный', 'скабрезный'.

Суффикс употребляется также при образовании частей сложного слова: *kunnivohimotoi* 'скромный' < *himo* 'желание, охота'.

Некоторые дериваты, образованные с помощью суффикса *-toin*, употребляются в качестве имен существительных: *uskotoin*, *jumalatoin* – 'безбожник'.

При образовании **имен прилагательных от глаголов** одним из наиболее продуктивных формантов стал **-mAtOi, -mAtOin**:

Суффикс обладает каритивным значением, образован из показателя III инфинитива *-mA + -tOi* (Наkulinen 1968: 183). В карельском языке данный суффикс широко известен, например: *kelpuamatoin* 'непригодный', *näkymätöin* 'невидимый', *ruokkimatoin* 'ненакормленный' (Зайков 1999: 107).

Суффикс активно используется при образовании новых имен прилагательных: *ливв.* : *tundematoi* 'таинственный' < *tundie* 'знать'; *muuttumatoi* 'стабильный' < *muuttuo* 'меняться'; *kuundelematoi* 'распущенный' < *kuunnella* 'слушаться'; *kieldämätöi* 'разрешительный' < *kieldiä* 'запрещать'; *с.-кар.*: *yhtehsopimatoin* 'несовместимый', *luoksehpiästämätöin* 'неприступный'; *peräytymätöin* 'бесповоротный'; *häviemätöin* 'беспроигрышный'; *täyttämätöin* 'неисполнимый'. Семантика каритивности, лишительности во многих русских эквалентах карельских новообразований смещается, что, очевидно, говорит об авторстве неологизмов.

В практике языкового строительства 1930-х годов при унификации лексики карельского языка данный суффикс был использован при образовании новых слов: от глагола *миэдиа* было образовано *миэдамайойн* 'несмышленный', от которого, в свою очередь, появилось абстрактное имя существительное *миэдаматтомус* 'невежество' (Хмяляйнен 1937: 10).

Глагольное словообразование в карельском языке исключительно суффиксальное. Современная глаголообразовательная система карельского языка состоит как из простых суффиксов, так и из сложных, образовавшихся исторически из двух или нескольких суффиксальных элементов (Маркианова 1985: 16; Зайков 1999: 107–110). Составные элементы глаголообразующих суффиксов карельского языка имеют соответствия в родственных языках, что говорит об их общем источнике происхождения.

Подобно суффиксам других прибалтийско-финских языков, карельские глаголообразующие суффиксы обладают собственной семантикой.

Суффиксы, производящие неотглагольные глаголы, по семантике подразделяются на: 1) фактитивные; 2) эссивные; 3) транслативные (Маркианова 1985: 31). Фактитивные глаголы имеют оттенок каузативности, производные обнаруживают проявление какой-то деятельности или активности по отношению к другому предмету. Общее значение эссивных глаголов – быть *тем* или *таким*, транслативных – становиться *тем* или *таким*, что обозначает производящее (там же: 31). Словообразующие суффиксы *отглагольных глаголов* обладают полисемантизмом в меньшей степени, придавая, в свою очередь, производным видовые и залоговые оттенки.

Отыменные глаголы в современном карельском языке образуются при помощи следующих суффиксов:

-A:

С помощью этого суффикса производятся фактитивные глаголы от двухсложных имен существительных и прилагательных с основами на *-a*, *-ä* и реже – на другие гласные (Маркианова 1985: 77; Зайков 1999: 107): *kuivata* 'сушить' < *kuiva* 'сухой', *kesrätä* 'прясть' < *kesrä* 'пряжа', *lisätä* 'добавить' < *lisä* 'добавка'.

Среди неологизмов, образованных при участии данного форманта, следующие: *ливв. varata* 'запасать' < *vara* 'запас'; *ливв. и с.-кар. päivätä* 'датировать' < *päivü* 'день'; *ливв. hommata* 'снабжать' < *hommu* 'хлопоты, занятия'; *ливв. и с.-кар. syvetä* 'сосредоточиться' < *syvä* 'глубокий'; *ливв. kuvata* 'списать' < *kuva* 'рисунок, изображение'; *с.-кар. vallata* 'доминировать' < *valta* 'власть'; *juoruta* 'интриговать' < *juoru* 'сплетня'.

-(i)ttA:

С данным суффиксом образуются глаголы фактитивного значения от двухсложных имен существительных с основой на *-a*, *-ä*, *-e*, *-o* и дву-, трехсложных имен прилагательных на *-a*, *-ä* с гласной первого слога на *o*, *u* (Маркианова 1985: 79; Зайков 1999: 108). Конечная гласная основы *-a*, *-e* перед суффиксом исчезает: *ливв. valloittua* 'покорить' < *valdu* 'власть'; *pezoittua* 'укоренить' < *pezä* 'гнездо'.

В современном словообразовании суффикс используется достаточно активно: *ливв. keskittää* 'централизовать' < *keski* 'середина'; *ihalmoittua* 'чаровать' < *ihalmo* 'радость'; *valgoittua* 'экспонировать' < *valgei* 'белый, светлый'; *с.-кар. pakottaa* 'заставлять' < *pakko* 'принуждение'; *järittyä* 'измельчить' < *järie* 'мелкий'; *kuorittua* 'чистить' < *kuori* 'кора'; *janottaa* 'хочется пить' < *jano* 'жажда'; *rahottaa* 'ассигновать' < *raha* 'деньги'; *kurittaa* 'взыскать' < *kuri* 'дисциплина'; *hinnottaa* 'калькулировать' < *hinta* 'цена'. В процессе создания новых слов семантика некоторых дериватов трансформируется.

-stua, -stiä, -styö, -stA:

Производные имеют значение фактитивных и эссивных глаголов. Глаголы с этими суффиксами образуются от двусложных имен существительных и качественных имен прилагательных: *ливв. äänestiä* 'голосовать' < *iäni* 'голос'; *oksastua* 'черенковать' <

oksu 'ветка, сук'; *hörkistüö* 'насторожиться' < *hörö* 'тревога'; с.-кар.: *savustua* 'коптить' < *savu* 'дым'; *kaunistua* 'украшать' < *kaunis* 'красивый'; *tarkistua* 'апробировать' < *tarkka* 'точный'; *valmistua* 'выпускать' < *valmis* 'готовый'; *tovistua* 'засвидетельствовать' < *tosi* 'правда, истина'.

Данные суффиксы состоят из двух частей, первая из которых -s- восходит к именам, содержащим данный элемент (Nakulinen 1968: 265).

Отглагольные глаголы в современном языке образуются в основном при помощи фреквентативного суффикса -le, каузативного суффикса -ttA и рефлексивного суффикса -vU.

-le:

ливв.: *muutella* 'перефразировать' < *muuttua* 'менять'; *reknaila* 'планировать' < *reknata* 'предполагать'; *ahtistella* 'преследовать' < *ahtištuo* 'загонять'; *verdailla* 'противопоставлять' < *verrata* 'сравнивать'; *kuuloitella* 'разведовать' < *kuuloittua* 'оповещать'; *korjailla* 'редактировать' < *korjata* 'исправлять'; *uskoitella* 'уверять' < *uskuo* 'верить';

с.-кар.: *pakautella* 'интервьюировать' < *pakauttua* 'расспрашивать'; *sovitella* 'комбинировать' < *sovitua* 'подгонять'; *maissella* 'пробовать' < *maistua* 'пробовать'; *kysellä* 'расспрашивать' < *kysyä* 'спросить'. В с.-кар. наречии при помощи фреквентативного суффикса -le образованы также новые *отыменные* глаголы: *luokitella* 'группировать' < *luokka* 'класс, группа'; *lajitella* 'классифицировать' < *laji* 'вид, класс'.

Производящими, как показывают примеры, могут быть как простые глаголы, так и производные. Перед суффиксом конечная гласная основы -a, -ä чередуется с гласной -e: *kiistellä* < *kiistiä* (*kiistä-*) 'дебатировать'. Элемент суффикса -l имеет соответствия во всех финно-угорских языках, возможно, и в самодийских (Nakulinen 1968: 232).

-ttA:

Данная модель является одной из наиболее продуктивных и регулярных моделей в карельской глаголообразовательной системе. В современном языке она также достаточно часто используется, при этом в качестве производящих, как и в предыдущем случае, могут быть как простые, так и производные глаголы: ливв.: *lauhtuttaa* 'разрядить' < *lauhtuo* 'ослабевать'; *uskoittua* 'уверить' <

uskuo 'верить'; *sobevuttua* 'адаптировать' < *sobevuo* 'приходить в согласие'; с.-кар.: *näyttäytyö* 'показаться' < *näyttyä* 'показать'; *toteuttua* 'оправдать' < *toteutuo* 'осуществляться'; *syöttüyä* 'кормить' < *syüvvä* 'есть'.

2.2.2. Наряду с суффиксацией еще одним предпочтительным способом при образовании новых слов в карельском языке стало **словосложение**. Словосложение – обычно достаточно простой морфологический процесс – подходящие по значению слова объединяются без значительных внутренних изменений. В современном финском языке, например, словосложение является наиболее продуктивным способом образования новых лексем. Около 65% слов словаря современного финского языка создано именно данным способом (Häkkinen 1990: 144). Сложные слова есть даже в тех языках, где соединение воедино морфем невозможно (там же: 148). Составные части сложного слова могут представлять собой как непроезводимые слова, так и производные, а также ранее созданные сложные слова и словосочетания. В одном сложном слове могут сочетаться элементы, представляющие разные части речи, например, два имени существительных, имя прилагательное и имя существительное, числительное и имя существительное, наречие и имя существительное и т. д. (там же: 144). Большинство сложных слов состоят из именных частей и относятся к грамматической категории имен. «Важный фактор, создающий предпосылки для образования сложных слов, – это наблюдаемая во всех языках мира тенденция группировать в единое синтаксическое целое те элементы, которые семантически тождественны» (там же: 149). Наиболее значительный семантический признак сложного слова – это то, что оно называет единое понятие.

Составные части сложного слова, как известно, могут находиться между собой в сочинительной и подчинительной связи; в последнем случае первая часть сложного слова является определением конечной части. Сложные слова первого типа являются сочинительными (копулятивными), второго типа – определительными. В сложных словах второго типа конечная часть слова является основной и может предполагать одну или несколько определяемых частей. Определяемые части уточняют или ограничивают значение основной части. Несмотря на то, что большинство сложных слов

состоят из двух частей, в отношении количества составных частей сложного слова нет обязательной верхней границы.

Определяемая часть сложных слов второго типа может иметь функции атрибута, обстоятельства, субъекта или объекта. Исследуя словарь современного финского языка, языковеды отмечают, что в определительных сложных словах начальная часть чаще всего представлена именем существительным и стоит в форме номинатива (Häkkinen 1990: 151). Она может выражать целое (*jalkapohja* 'подошва, ступня'), часть (*luokkayhteiskunta* 'классовое общество'), качество (*susiturkki* 'волчья шуба'), содержимое (*aarrearkku* 'сундук с сокровищами'), место (*vinttikomero* 'кладовка на чердаке'), время (*kevättalvi* 'поздняя зима'), цель (*kuntourheilu* 'оздоровительный спорт'), происхождение (*ydinvoima* 'ядерная энергия'), деятельность (*kävelyretki* 'пешеходная экскурсия'), объект (*hirvijahti* 'охота на лося') (Häkkinen 1990: 152). Для выявления перечисленных функций не существует каких-либо формальных критериев. К функциям определяемой части относят также обозначение результата (*piristysaine* 'допинг') и вспомогательного средства (*korttipeli* 'игра в карты') (Nykysuomen sanavarat 1989: 213).

У определяемой части, выраженной в форме генитива, также существует множество функций: будучи субъективно-притяжательной, она может обозначать расположение, происхождение, причину, следствие, цель, отношения собственности; будучи объективной, определяемая часть обозначает действие, деятеля и т. д. (Nykysuomen sanavarat 1989: 213). В финском литературном языке часть сложных слов, первый компонент которых стоит в форме генитива, образованы путем присоединения генитивного атрибута к главному слову, часть являются переводными кальками, а часть слов созданы по имеющимся образцам. Генитивное начало сложных слов возможно особенно тогда, когда определяемая часть четко выражает отношения владения или собственности или отношения части и целого (*autonrengas* 'шина автомобиля, автопокрышка', *koivunlehti* 'березовый лист, лист березы'), а также деятеля или объекта действия (*kansainvaellus* 'великое переселение народов', *kaupanteko* 'торговля') (Häkkinen 1990: 152).

Определяемая часть сложного слова, как указывалось ранее, помимо имени существительного и прилагательного, может быть выражена другими частями речи. В финском языке, например, начи-

ная с XIX столетия, стали появляться сложные прилагательные с определительной частью, выраженной наречием или наречными формами: *ali-*, *keski-*, *koko-*, *puoli-*, *tasa-*, *yli-* (Häkkinen 1994: 417).

Наряду со сложными словами, относящимися к грамматическому разряду имен (существительных, прилагательных, значительно реже – наречий), языки генерируют также и сложные слова – глаголы. Лексикон финского языка времен Агриколы изобилует сложными глаголами, незначительная часть которых сохранена в современном языке: *matkaansaattaa* 'добиться', *ylenantaa* 'тошнить', *ylenkatsoa* 'презирать' (Häkkinen 1994: 415).

Частями сложных слов могут выступать как исконные, так и заимствованные компоненты, при этом их сочетания могут быть различными. Это в полной мере относится к новым сложным словам карельского языка (Маркианова 2003: 64).

В зависимости от происхождения составных частей сложных слов, вслед за Л. Ф. Маркиановой, сгруппируем новые лексемы карельского языка по четырем типам:

Тип: исконное слово соединяется с исконным словом:

Новые сложные слова относятся по преимуществу к разряду имен существительных. Определительная часть этих лексем может выражаться как именами существительными, так и другими самостоятельными частями речи.

а) Первая часть сложного слова выражена именем существительным в форме именительного падежа:

ливв.: pagin/luadu 'акцент', *loppu/kado* 'апокопа', *ilmu/virdu* 'воздушный поток', *virgu/yldö* 'карьера';

с.-кар.: suoritus/keino 'способ действия', *piha/kieli* 'жаргон', *vuoro/pakina* 'диалог'.

б) Первая часть сложного слова выражена именем существительным в форме генитива:

ливв.: rahvahan/vallittu 'депутат', *varan/menetännyh* 'банкрот', *valdivon/merki* 'герб', *valdivon/abu* 'дотация', *ozan/ladvu* 'блаженство', *eloksen/kirjuttai* 'биограф';

с.-кар.: tiijon/viäristäjä 'дезинформатор', *valtijon/laihina* 'госкредит', *piän/vaiva* 'головоломка', *rahvahan/hävitäntä* 'геноцид', *sanan/suattaja* 'вестник'.

На создание части приведенных сложных слов в большей или меньшей степени повлиял финский язык: в некоторых случаях ис-

пользована модель аналогичных финских лексем (ср. кар. *vuoropakina* и фин. *vuoropuhelu* 'диалог'); в некоторых случаях можно говорить о прямом заимствовании, несмотря на то, что составные части сложного слова в карельском языке являются исконными элементами (ср. кар. *sanansuattaja* и фин. *sanansaattaja* 'вестник').

в) Первая часть сложного слова выражена именем существительным в форме других косвенных падежей:

инессива: лувв. *varas/olii* 'дублер'; с.-кар. *koissa/ruataja* 'надомник';

иллатива: лувв. *eloh/jiämine* 'выживание', *laihinah/andai* 'заимодавец'; с.-кар. *säilöh/pano* 'депонирование', *loppuh/käyttämini* 'выработка';

аллатива: лувв. *välläle/piäständy* 'амнистия', *hyväle/tulemine* 'благодарение';

адессива: лувв. *pinnal/pyzyi* 'дилетант'; с.-кар. *silmällä/pito* 'наблюдение';

транслатива: лувв. *hyövykse/meno* 'действенность'.

г) В качестве первого компонента сложных имен существительных могут выступать другие части речи:

лувв.: *herkäh/uskovus* 'доверчивость', *lyhyt/sanazus* 'лаконизм', *ičen/eččimine* 'рефлексия';

с.-кар.: *yli/mielisyys* 'надменность', *epä/luotettavus* 'неблагонадежность', *eri/mielisyys* 'несогласованность'.

В меньшей степени в новописьменном карельском языке продуцируются сложные слова – имена прилагательные. Аналогично именам существительным, в рамках данного типа словосложения образованы новые слова – имена прилагательные с определительным первым компонентом в падежной форме номинатива, генитива, а также других косвенных падежей. Как показывают примеры, первый компонент слова выражен преимущественно именами существительными и прилагательными, реже – другими частями речи.

а) Первый компонент сложного слова стоит в номинативе:

лувв.: *pagin/kygyine* 'коммуникативный', *täyzi/järgine* 'здорово-мыслящий', *pitky/vihaine* 'злопамятный';

с.-кар.: *pieni/palkkani* 'малооплачиваемый', *keino/tekoni* 'искусственный', *lyhyt/sanani* 'лаконичный'.

Некоторые из приведенных новообразований созданы по финскому образцу (ср. *täysjärkinen*, *pitkävihainen*, *keinotekoinen*).

б) Первый компонент стоит в генитиве:

ливв.: *eloksen/suvaiččii* 'жизнелюбивый', *kunnivon/alaine* 'авторитетный', *rahvahien/keskeine* 'интернациональный';

с.-кар.: *elämän/iloni* 'жизнерадостный', *ajan/kohtani* 'злободневный'.

в) Первый компонент имеет форму других косвенных падежей:

аллатива: *ливв.* *pinnale/nostai* 'изобличительный';

транслатива: *ливв.* *suurekse/menii* 'высокомерный';

инессива: *с.-кар.* *arvossa/olija* 'маститый';

иллатива: *nimi/luvetteloh/kuului* 'номенклатурный' (в данной лексеме две определяемые части, первая из которых стоит в форме номинатива, вторая в форме иллатива).

г) В качестве первого компонента выступают помимо имен существительных и прилагательных другие части речи:

ливв.: *oma/tahtoine* 'добровольный', *äijän/kyzyi* 'взыскательный', *edukädeh/ajattelematoi* 'непреднамеренный';

с.-кар.: *yhteh/sopimatoin* 'малосовместимый'.

В рамках данного типа словосложения созданы также наречные новообразования, например: *vägeh/tulijen* 'агрессивно', *hengen/liikutuksel* 'одухотворенно', *oigies/tiedy* 'несправедливо', *ebä/tazah* 'неравномерно'.

II тип: *исконное слово соединяется с заимствованным словом*;

III тип: *заимствованное слово соединяется с исконным словом*.

Новообразования этих двух типов включают в себя в качестве основной части исконные или заимствованные компоненты и, соответственно, в качестве определяемой части также либо заимствованные, либо исконные компоненты. Большинство лексем составляют такие имена, в которых первый или второй компонент заимствован из русского языка (либо это интернационализм, заимствованный через русский язык). Такое преимущественное «соседство» исконных карельских слов и русских заимствований в словосложении легко объясняется экстралингвистическими факторами – давними языковыми контактами, функциональной мощностью русского языка, преобладающим типом современного двуязычия.

С заимствованными из русского или через русский язык компонентами сложных слов созданы следующие новообразования: *ливв.*:

tytti/*teatru* 'кукольный театр', *jalgu/miäčču* 'футбол', *sportu/houzut* 'спортивные брюки', *imu/bumiagu* 'промокательная бумага'; *c.-kap.*: *peli/stola* 'игровой стол', *arhiiva/tieto* 'археография', *keittäjä/muasteri* 'кулинар', *rahvahan/suutu* 'народный суд'.

Среди новых сложных слов есть и такие, один из компонентов которых заимствован из близкородственного финского языка:

ливв.: *kerdavo/sävel* 'припев', *salbo/merkit* 'скобки', *pagin/elimet* 'органы речи', *pappi/soitin* 'щипковый инструмент'.

IV тип: заимствованное слово соединяется с заимствованным словом:

Среди новообразований этого типа словосложения, как правило, одна часть сложного слова заимствуется из русского языка (или через русский), а вторая часть – из финского языка, или наоборот. Реже обе части сложного слова заимствованы из какого-либо одного языка. Новые слова данного типа представляют собой немногочисленную группу:

ливв.: *zakonoin/luadii* 'законодатель', *kul'tuuru/keskus* 'культурный центр', *arhiivu/tiedo* 'археография', *algu/kluassu/škola* 'начальная школа' (в последнем случае заимствованы из русского языка второй и третий компоненты слова); *c.-kap.* *substantiivi/atribuutti* 'субстантивное определение'.

2.2.3. Помимо морфологического способа получил распространение также **лексико-семантический способ** образования новых слов, который подразумевает изменение семантики слова. Механизм переноса наименований, или семантической деривации, т. е. появление у слов новых значений, может быть описан на основании тех признаков слова, которые делают возможным его применение к новым явлениям и предметам. Так, карельская лексема *virkeh* употребляется в настоящее время в терминологическом значении 'предложение', сохраняя в остальных случаях свою прежнюю семантику 'слова, укор'. Новое значение появилось у слова под влиянием финского языка (ср. фин. *virke* с тем же значением).

Способность лексики к полисемии и деривации, будучи имманентным свойством, реализуется в составе лингвистического контекста (Баскаков 1993: 152). Однако помимо собственно лингвистических факторов, в основе развития лексических значений ле-

жит целый комплекс экстралингвистических факторов. В процессах развития семантики лексики карельского языка роль такого внешнего воздействия сыграло формирование письменности.

Обычно различают три основных вида семантической деривации: метафорические, метонимические и функциональные переносы наименований.

Поскольку мы рассматриваем образование в основном слов-терминов и слов, приближенных по значению к терминологической лексике, а метафоризация представляет собой расширение смыслового объема слова за счет возникновения у него переносных значений, мы не останавливаемся на детальном анализе этого вида лексико-семантического способа словообразования. К основным характеристикам терминов относятся тенденция к моносемичности, стилистическая нейтральность, систематичность и наличие дефиниции. Стоит, тем не менее, подчеркнуть, что карельский язык отличает чрезвычайная образность, богатство фразеологии, поэтому использование метафоры в языке – вообще достаточно типичное явление, например, *kuldaine sygyzy* 'золотая осень', *kuldaine ristikanzu* 'золотой человек'.

Метонимия, в свою очередь, представляет собой троп, когда вместо названия одного предмета дается название другого, находящегося с первым в отношении ассоциации по смежности. В карельском языке метонимические переносы используются, например, при употреблении с предметным значением ряда первоначально отвлеченных существительных: *muanjärityksen vägevys* 'мощность землетрясения' и *motoran vägevys* 'мощность двигателя'. Процесс образования предметных значений связан с общим для многих языков процессом создания терминов для ряда производственных, технических и других понятий. Поэтому во втором случае (*motoran vägevys*) можно говорить о терминологизации основного значения абстрактного слова.

В рамках данного способа словообразования возможны внутренняя дифференциация значения слова, переосмысление значения, расширение или, наоборот, сужение значения. Переосмысление и расширение значения отдельных компонентов происходит в карельском языке в процессе словосложения: например, слово *vehkeh*, имея основное значение 'инструмент', в составе сложного слова *opastanduvehkeh* приобрело значение 'пособие', дав заверше-

ние термину 'учебное пособие'. Образование у слов новых значений рассматриваются как семантические заимствования, так как слова бытовали длительное время до того, как у них появилось новое значение (Hakulinen 1968: 13).

В карельском языке семантическими неологизмами стали имена существительные:

ливв.: *pilku* 'запятая' (первоначальное значение 'пятнышко, зарубка'), *perämies* 'председатель' (старое значение 'рулевой, кормщик'), *vainu* 'инстинкт' (старое значение 'нюх'), *este* 'барьер' (старое значение 'препятствие'), *ymbäristö* 'антураж' (первоначальное значение 'окрестность'), *tuhmus* 'бескультурье' (старое значение 'простота, глупость'), *käskyläine* 'курьер' (старое значение 'прислуга'), *ruuvvystely* 'домогательство' (прежнее значение 'добывание охотой, ловлей');

с.-кар.: *iskuvirkeh* 'лозунг' (первоначальное значение первой части сложного слова *isku* 'удар'), *hämmässys* 'конфуз' (старое значение 'испуг, недоумение'), *sopi* 'консенсус' (первоначальное значение 'мир, лад'), *juoru* 'интрига' (старое значение 'сплетня'), *suoja* 'охранное предприятие' (первоначальное значение 'укрытие'), *selitys* 'версия' (первое значение 'объяснение').

Лексему *iskuvirkeh* 'лозунг' можно рассматривать также как результат калькирования от финского слова *iskulause* с тем же значением. В процессе калькирования в качестве второй части сложного новослова использована старая карельская лексема *virkeh* в новом значении.

Расширение семантики произошло у имен прилагательных:

ливв.: *jurky* 'категоричный' (первое значение 'крутой, решительный'), *ounas* 'изоощренный' (старое значение 'хитрый, ловкий'), *hieno* 'изысканный' (первое значение 'тонкий'), *huigietoi* 'аморальный' (первое значение 'бессовестный');

с.-кар.: *jäykkä* 'малоподвижный' (старое значение 'тугой, негибкий'), *väkövä* 'концентрированный' (старое значение 'сильный, крепкий'), *kipakka* 'импульсивный' (старое значение 'злой, вспыльчивый').

Значения некоторых глаголов также подверглись дифференциации, например:

ливв.: *suiittua* 'аккумулировать' (первое значение 'собирать, копить'), *miärätä* 'квалифицировать' (первое значение 'мерить'),

selittiä 'интерпретировать' (старое значение 'выяснять, разбирать'), *yhdistiä* 'инкорпорировать' (первое значение 'соединять');

с.-кар.: *hävittyä* 'аннулировать' (прежнее значение 'истреблять, уничтожать'), *esitellä* 'аннотировать' (первое значение 'знакомить'), *luatiutuo* 'лицемерить' (первое значение 'притвориться'), *muanittua* 'искушать' (первое значение 'заманивать').

Приведенные примеры подтверждают способность карельской лексики к многозначности. В процессе семантического и деривационного развития старые карельские слова приобретают новые семантические оттенки, а в отдельных случаях – новые значения. В рамках данного способа образования новых слов можно говорить о разнице этимологических и актуальных деривационных значений, когда лексемы приобретают современное звучание. В ряде случаев использование старых карельских слов в новых значениях происходит под влиянием финского языка (напр., *virkeh*, *este* и др.).

2.2.4. Помимо собственных ресурсов карельского языка, при образовании новых слов используются также **займствования**. Экстралингвистическими условиями бытования карельского языка обусловлены основные языки-доноры в процессе заимствования. Ими стали русский язык, как наиболее развитый соседствующий идиом, и финский, как близкородственный литературный язык. Из русских заимствований можно назвать: *с.-кар.:* *viero* 'верование', *bolsevikka* 'большевик', *bojevikka* 'боевик', *rossi* 'брошь'; *ливв.:* *kluassu* 'класс', *ručku* 'ручка', *rajonu* 'район', *zavodu* 'завод'; из финских заимствований в ливв. наречии – *ilmoitus* 'объявление' (фин. *ilmoitus*), *muodo* 'форма' (фин. *muoto*), *luondo* 'природа' (фин. *luonto*), *luonneh* 'характер' (фин. *luonne*); в *с.-кар.* наречии – *takavarikoija* 'конфисковать', *osuuskunta* 'кооператив', *luotto* 'кредит', *avaruus* 'космос' и т. д.

Достаточно частым в современном карельском языке стало употребление интернациональной лексики, заимствованной главным образом через русский язык (в этих случаях русский язык становится языком-медиатором). Так, например, из общего состава общественно-политической лексики на ливвиковском наречии, зафиксированной в бюллетенях Республиканской термино-орфографической комиссии более 40% составляют интернационализмы

(ОПЛ 2003, 2004). Среди слов-интернационализмов – *dokumentu, projektu, aspektu, indeksu, bogietu, biljardu, seminuaru, matriarhattu* и т. д.

Сам по себе процесс заимствования представляет собой перемещение различных языковых элементов, чаще всего лексических, из одного языка в другой. Слово, становясь заимствованием, подвергается в языке-реципиенте фонетическому, грамматическому, семантическому освоению. Не останавливаясь подробно на этих явлениях, отметим, что в карельском языке при заимствовании слов из финского языка происходит озвучивание смычных звуков в ливв. наречии (*sopimus – sobimus*), в с.-кар. наречии *s* переходит в *š* (*sopimus – šopimuš*); слова, оканчивающиеся в финском языке на *-nen*, в карельском языке приобретают окончания *-ne* (ливв.) и *-ni* (с.-кар.); согласный звук *t* трансформируется в *č* (ливв.) или в *tš* (с.-кар.) – *halličus* и *hallitšus* и т. д. При заимствовании интернациональной лексики в наречия карельского языка слова приобретают конечную огласовку, характерную для данного наречия, например: 'интеллект' ливв. *intellektu* и с.-кар. *intellekti*; 'проект' ливв. *projektu* и с.-кар. *projekti*; 'интуиция' ливв. *intujitsii* и с.-кар. *intuitijo*.

В результате заимствования слова могут сохранять первоначальную семантическую структуру, расширить прежнее значение, слова могут заимствоваться в более узком значении и частично или полностью переосмысливаться.

Как особенность употребления в речевой практике заимствования лексикой можно отметить использование дублетов. Дублетную пару могут составлять слово-интернационализм и исконное карельское слово либо калька, созданная по правилам грамматики карельского языка, а также в качестве дублета интернациональных лексем могут выступать заимствования (в основном из финского языка). В качестве примеров использования дублетных пар можно привести следующие:

'интенсивный' ливв. *intensiivine* и *vägevy*; с.-кар. *intensiivini* и *voimakas*;

'интеллект' ливв. *intellektu* и *mieli/tazo*;

'инфляция' ливв. *infl'atsii* и *d'engu/arvon langenemine*;

'интриган' ливв. *šeikkailii* и *intriguanu*;

'конкретизация' с.-кар. *konkretisointi* и *täsmennys*;

'календарь' с.-кар. *kalenteri* и *päivä/kirja*;

'кассир' с.-кар. *kassanhoitaja* и *kassiiri*;
'конверт' с.-кар. *kirjaiskuori* и *kovertti*;
'телеграмма' с.-кар. *šähköviesti* и *telegramma*.

Для одних и тех же лексем в наречиях карельского языка в некоторых случаях находятся различные эквиваленты, например: 'инстинкт' *vainu*, *tundo* (собственная лексема в ливв.) и *instinkti* (интернационализм в с.-кар.); 'интуиция' *syväin/iäni* (собственная единица в ливв.) и *intuitijo* (интернационализм в с.-кар.); 'интенсификация' *intensiivistämine* (интернационализм в ливв.) и *tehostamini* (с.-кар.; ср. фин. *tehostaminen*); 'загс' *zaksu* (заимствование из русского в ливв.) и *rekisteri/toimisto* (с.-кар.; ср. фин. *rekisteritoimisto*); 'законопроект' *zakonan/huave* (первая часть сложного слова – русское заимствование в ливв.) и *laki/ehotus* (с.-кар.; ср. фин. *lakiehdotus*).

Одним из наиболее любопытных явлений в современном словообразовании является создание сленговых образований с использованием собственных морфологических формантов на базе заимствованной основы: 'мобильник' с.-кар. *topikka*; дуплетом данной лексемы является калька, созданная из двух частей – исконной и заимствованной – *matkatelefoli* (образцом явилась финская лексема *matkapuhelin*).

2.2.5. Помимо заимствований, особую группу словообразовательных моделей представляют **кальки** и **полукальки**. Использование калек и полукалек – один из наиболее предпочтительных способов пополнения лексики младо- и новописьменных языков, поскольку они наилучшим образом вписываются в языковую структуру. Сущность калькирования состоит в том, что для выражения понятия, неизвестного в языке, используется иноязычное слово как образец: либо при помощи присущих данному языку средств создается производное слово, повторяющее словообразовательную структуру образца (словообразовательно-семантическая калька), либо уже существующему в языке слову придается новое значение в соответствии с тем, какое значение присуще в другом языке семантически тождественному или близкому по основному значению слову. Так, словообразовательными кальками в карельском языке стали: 'главное слово' *piäsana* (ср. фин. *pääsana*), 'сложное предложение' *yhtysvirkeh* (ср. фин. *yhdyslause*),

’письменный язык, письменность’ *kirjukieli* (ср. фин. *kirjakieli*). Под влиянием финского языка путем аффиксации созданы, например, слова *yksikkö* ’единственное число’ от карельского *yksi* ’один’ (ср. фин. *yksikkö*) и *monikko* ’множественное число’ от карельского *moni* ’много’ (ср. фин. *monikko*).

В некоторых случаях бывает непросто определить словообразовательную модель создания новой лексической единицы. Например, при образовании слова *lugu/miäry* ’численность’ в ливвиковском наречии можно предположить наличие калькирования, так как обе части сложного слова были известны в карельском языке *lugu* ’счёт’ и *miäry* ’мера’, а финская лексема *lukumäärä* с таким же значением могла бы явиться образцом для создания кальки. Однако при более детальном анализе обнаруживается, что в карельском языке существовала собственная аналогичная словообразовательная модель адвербиального значения – *silmy/miäriä* ’приблизительно, на глазок’, которая также могла бы стать образцом для создания нового слова.

Таким образом, представленный лексический материал убедительно доказывает то, что словообразовательные средства карельского языка позволяют продуцировать новые слова практически бесконечно; этому способствует и живая система продуктивных суффиксов, и многообразие моделей семантической неологизации, и весьма широкие возможности заимствований. Для новописьменного языка проблемой становится определение оптимального объема новых слов, который позволит функционировать языку в сферах, в которых ранее он не употреблялся. С точки зрения закрепления новообразований в языке важное значение имеет то обстоятельство, чтобы массив нового лексикона не «поглотил» старый лексический фонд. На страницах печати, в справочниках фиксируются множественные авторские неологизмы, степень «понятности» которых для носителей языка важно исследовать именно на этапе их внедрения в язык.

3. ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ЯВЛЕНИЯ В ГРАММАТИКЕ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

3.1. ПАДЕЖНАЯ СИСТЕМА КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА

В отличие от лексики, которая наиболее подвержена изменениям, грамматика является более устойчивой к инновациям. Это касается и падежной системы. Тем не менее, при нормировании орфографии следует учитывать новообразования в грамматическом строе языка, формирующиеся в период ревитализации карельской письменности. В свою очередь, некоторые грамматические новообразования могут являться спорными с точки зрения их кодификации, поэтому решение проблем унификации таких новообразований становится исключительно важным и актуальным при становлении норм орфографии, написании учебников, грамматик и т. д.

Карельский язык относится к прибалтийско-финской ветви финно-угорской языковой семьи, которой свойственна достаточно развитая падежная система. Так, например, падежная система вепсского языка включает в себя 18 падежей (см. напр. Зайцева 1981: 69–10), венгерского – 22 (см. напр. Майтинская 1955: 143) и т. д. В карельском языке в различных источниках насчитывается до 16 падежей. К ним относятся падежи старого образования (напр., номинатив, генитив, аккузатив) и падежи более позднего образования (местные падежи различного характера). С течением времени, а также под влиянием близкородственных языков (прежде всего, вепсского и финского) в языке стали также формироваться падежи новейшего образования, так называемые «послеложные» падежи, которые возникли в языке путем соединения падежной формы и редуцированного послелога, превратившегося в часть падежного окончания.

В настоящее время в ливвиковском наречии карельского языка автор современной грамматики Л. Ф. Маркианова насчитывает 16 падежей: *номинатив* (ken? mi? ket? mit?), *генитив* (kenen? min?), *аккузатив* (kenen? min? ken? mi? ket?), *эссив* (kenenny? minny?), *партитив* (kedä? midä?), *транслатив* (kenekse? mikse?), *инессив* (kes? mis?), *элатив* (kes? mis? kespäi? mispäi?), *иллатив* (keh? mih?), *адессив* (kel? mi?), *аблатив* (kel? mi? kelpäi? milpäi?), *алла-*

mus (kelle? mille?), *абессив* (kettäh? mittäh?), *комитатив* (kenenke? minke?), *пролатив* (keneči? miči?), *инструктив* (min vergoin? milleh?) (см. Markianova 1993: 19–10). В грамматике П. М. Зайкова, написанной на материале северно-карельских диалектов, насчитывается 14 падежей: *номинатив* (ken? ket? mi? mit?), *генитив* (kenen? min?), *аккузатив* (min? kenet?), *партиитив* (ketä? mitä?), *эссив* (kenenä? minä?), *транслатив* (keneksi? miksi?), *инессив* (kenessä? missä?), *элатив* (kenestä? mistä?), *иллатив* (keneh? mih?), *адессив-аллатив* (kellä? millä?), *аблатив* (keltä? miltä?), *абессив* (ilman ketä? ilman mitä?), *комитатив* (kenen kera? min kera?), *инструктив* (millä tavalla? millä keinoin?). Различие в количестве падежей объясняется тем, что адессив и аллатив в собственно-карельском наречии совпали: адессив взял на себя функцию аллатива, кроме этого П. М. Зайков не выделяет в качестве падежа пролатив (см. напр. Зайков 1999: 36). Падежная система людиковского наречия на данный момент не изучена детально, но по своему составу она близка ливвиковскому, имея те же особенности, связанные с совпадением инессива и элатива, адессива и аблатива, и возникновением новых, так называемых послеложных падежей (см. напр. Зайков 2000: 22–13).

Современная падежная система карельского языка

падеж	ливвиковское наречие	собственно-карельское наречие	людиковское наречие
номинатив	<i>aigu</i> meпбу 'время идет'	<i>päivä</i> noušou 'солнце встает'	talvel <i>müö</i> huuhtoimme randas 'зимой мы полоскали на берегу'
генитив	<i>tuatan</i> kodi seizou järven gannal 'отчий дом стоит на берегу озера'	<i>šiijan</i> mähnä on hyvä 'сиговая икра – хорошая'	tuldih <i>Miitrain</i> päivie adv'uoih 'придут в гости на Дмитриев день'
аккузатив	<i>kävelöy</i> päivän 'ходит день'	<i>kuottelet</i> yöt-päivät 'гадаешь дни-ночи'	<i>käveltäh</i> sutkad 'бродят сутки'
партиитив	<i>sidä</i> päivä müö piemmö 'этот день мы отмечаем'	<i>eletäh</i> monta vuotta 'живут много лет'	<i>emme</i> yöd olnu 'не ночевали там'
эссив	<i>pruazniekkanni</i> 'в праздник'	<i>iel'l'isenä</i> päivänä 'накануне'	<i>ruhäpäivän</i> 'в воскресенье'
транслатив	<i>häi</i> tuli yökse 'он пришел на ночь'	<i>rittäy</i> talveksi 'хватит на зиму'	<i>kahteks</i> nedälikse 'на 2 недели'

инессив	istuu suures čupus 'сидит в красном углу'	elettih kyläššä 'жили в деревне'	paštettih kodis 'дома пекли'
элатив	Norjaspäi tul dih miesty 'из Норвегии мужчины прибыли', mendih ildupäiväs 'пошли с вечера'	ottima avannošta 'брали из проруби', huomenekšešta alkau 'с завтрашнего дня начинается'	ruadospäi tul in 'я с работы пришел, Pokrovaspäi 'с Покрова'
иллатив	tulou randah 'подходит на берег'	panet järveh 'закинешь в озеро'	läksin meččaha 'пошел в лес'
адессив (адессив-аллатив для собственно-карельского наречия)	istummo kivel 'сидим на камне'	järvien rannoilla elettih 'на берегах озер жили'	toizel čural oli 'на другой стороне озера был'
аблатив	Petroskoilpäi tul dih 'из Петрозаводска приехали'	katolta läksi 'с крыши полетел'	tuli niitulpiäi 'пришел с сенокоса'
аллатив	nuotal(e) mene 'на невод иди'		Pokrouvoile kävyttih 'на Покров приходили'
абессив	päivy meni murginattah 'день прошел без обеда'	en voi eliä kylvyttä 'не могу жить без бани'	vedeta 'без воды', mašinata 'без машины'
комитатив	tuatto poijanke lähtietih linnah 'отец с сыном отравились в город'	naini läksi matkah roikineh 'женщина отравилась в путь с сыном'	tuatanke 'с мамой', lämminke 'с теплом'
инструктив	käydih pyhäpäivin 'ходили по воскресеньям'	juoksennellah pal'l'ahin jaloin 'бегают босыми ногами (босиком)'	
пролатив	sillači 'через мост', mäičči 'по горе'		yöči kävyimme 'с ночевкой (ночами) ходили'

Падежная система карельского языка несколько отличается, например, от близкородственного финского, эти различия касаются и вторичных по своему происхождению внутреннеместных и внешнеместных падежей. Так, например, в финском языке употребляется три внутреннеместных падежа, которые возникли еще в волжских и прибалтийско-финских языках (*инессив* с окончанием *-ssa* < **-sna*, *элатив* с окончанием *-sta* и *иллатив* с окончаниями

-*seen* < -*sen*, -*hen* (-*han*, -*hon* и т. д.), -*een* (-*aan*, -*oon* и т. д.) < *-*hen* < *-*zen*) (Бубрих 2005: 188), где древнее *z* перешло в *h* в прибалтийско-финском языке-основе (см. Аристе 1955: 30) и три внешнеместных с общим *l*-овым элементом, восходящим к локативному суффиксу -*lla*, являющиеся падежами более позднего происхождения, возникшими в праприбалтийско-финском языке (*адессив* с окончанием -*lla* < *-*lnA* аблатив с окончанием -*ltA* и аллатив с окончанием -*lle* < *-*len*) (Бубрих 2005: 189). В собственно-карельском наречии все выше перечисленные внутреннеместные падежи имеют место. Что же касается ливвиковского и людиковского наречий, то там произошли в результате исторического развития звуков некоторые изменения: окончание *инессива* (-*s*) совпало с *элативом*, в то время как в собственно-карельском наречии адессив (-*lla*) по форме совпал с аллативом, в ряде говоров ливвиковского наречия адессив (-*l*) совпал с аблативом, а в некоторых говорах и с аллативом (см. напр. Атлас 1997: карта 123).

Эти изменения имеют под собой историческую подоплеку. В своем развитии карельский язык претерпел серьезные изменения, связанные как с собственным историческим развитием, так и с влиянием неродственных и близкородственных языков, особенно вепсского, воздействие которого на становление ливвиковских говоров особенно существенно (см. Бубрих 1947; 1948; Itkonen Т. 1993: 112–143). Результаты исторического развития сказались, прежде всего, в употреблении конечных гласных в абсолютном конце слова (Хямяляйнен 1963: 12). Так, например, в большинстве людиковских говоров первичные конечные гласные, как и в вепсском языке, отпали; в части людиковских говоров конечные *a*, *ä* в определенных случаях переходили в *e* (*akk(e)* 'женщина', *rahk(e)* 'шшишка'). В ливвиковских же говорах гласные *i*, *o*, *ö*, *u*, *y* сохранились, а гласные *a*, *ä* в конечной позиции перешли в *u*, *y* (*akku* 'женщина', *rahku* 'шшишка'). Как свидетельствуют исследования по исторической фонетике прибалтийско-финских языков, названное явление проходило через ряд ступеней, одна из которых могла привести и к отпадению звуков через их редукцию (*mečäs* 'в лесу', ср. фин. *metsässä*; *lat't'iel* 'на полу' ср. фин. *lattialla* и т. д.). В ливвиковском наречии в процессе исторического развития в случае, если предшествующий слог был краткий открытый, то конечные *a*, *ä* сохранились в четносложном (например, двусложном) слове и

исчезли в нечетносложном (напр., трехсложном слове); если же предшествующий слог был долгий или закрытый, то конечные гласные *a*, *ä* перешли в *u*, *y*. Например, в словах *kala* 'рыба', *ižä* 'отец' первичная конечная гласная в двусложных словах с предшествующим кратким открытым слогом сохранились, в примерах другого рода – *huabu* 'осина' (ср. фин. *haapa*), *händy* 'хвост' (ср. фин. *hätä*), *ižändy* 'хозяин' (ср. фин. *isäntä*) – конечные гласные *a*, *ä* перешли в *u*, *y*, как об этом свидетельствовали приведенные примеры (там же: 12–13).

Еще Д. В. Бубрих высказывал свое мнение по поводу того, что конечные гласные *a*, *ä* не перешли непосредственно в *u*, *y* в ливвиковском наречии или в *e* в части людиковских говоров карельского языка и не отпали непосредственно в вепском языке и части людиковских говоров, а в начале редуцировались, и только потом отпали (Бубрих 1947–1: 122). Однако иначе смотрит на развитие конечных гласных *a*, *ä* Х. Оянсуу. Он полагает, что звуковые изменения $a > u$, $ä > y$, произошли через промежуточную ступень $a > o$, $ä > ö$. В одних говорах сохранились *o*, *ö* (ср. в кондушском говоре: *akko*, *nahko*, *ižändö*), в других они развились в *u*, *y* (*akku*, *nahku*, *ižändy*, *ristikanzu*: см. Ojansuu 1918: 131–134, 159–161; Зайков 2000: 21–16).

Переход *a*, *ä* в *u*, *y* в ливвиковском наречии коснулся также отдельных падежных и причастных форм: партитива в словах с согласной основой, например, *huuldu* (ср. фин. *huulta*) 'губы', а также эссива, например *opastajannu* (ср. фин. *opettajana*) 'учителем', *köyhänny* (ср. фин. *köyhänä*) 'бедным'; *juoju* 'пьющий' (ср. фин. *juova*); *kačottavu* 'рассматриваемый' (ср. фин. *katsottava*). Переход *a*, *ä* в *u*, *y* в ливвиковских говорах исследовал финский историк языка Э. А. Тункело. Он обращал внимание на то, что в южнокарельских рунах иногда имели место случаи перехода *a*, *ä* в *u*, *y*, даже в окончаниях инессива и адессива, например *metsässy* 'в лесу', *karzinassu* 'в подполье', *mäelly* 'на горе' (Tunkelo 1946). Однако необходимо отметить, что конечные гласные *a*, *ä* в окончаниях внутреннеместных и внешнеместных падежей (прежде всего, мы имеем в виду формы инессива и элатива, адессива и аблатива), в отличие от партитива и эссива, в ливвиковском наречии (так же, как и в людиковском наречии) в обычной речи отпадают и никогда не переходят в *u*, *y* (Хямяляйнен 1963: 15).

В близкородственном вепском языке исчезновение конечных гласных происходило достаточно последовательно и касалось всех форм, в том числе как форм партитива (*mel't* 'ума') и эссива (*orendaajan* 'учителем'), так и форм местных падежей (*meças* 'в лесу', *perčil* 'на доме' и т. д.). Иными словами, в местных падежах в ливвиковском наречии мог бы произойти переход *-a*, *-ä* в *-u*, *-y*, как это произошло в формах партитива и эссива, и тем самым эти формы могли бы сохраниться. Тем не менее, этого не случилось, и ливвиковское наречие пошло по пути вепского языка, т. е. по пути слияния определенных форм местных падежей в результате отпадения звуков.

Таким образом, произошло слияние некоторых падежных форм, из-за чего изменился падежный состав ливвиковского наречия карельского языка. Утратив конечные гласные *-a*, и *-ä*, а также и один из конечных согласных звуков, названные падежи старого образования совпали в языке по форме: инессив совпал с элативом, а адессив – с аблативом, и даже в некоторых диалектах с аллативом (см. напр. Хайду 1985: 96). Аллатив со значением места, на которое направлено действие, встречается как в ливвиковском, так и людиковском наречиях. В собственно-карельском наречии значение направленности является одним из значений объединенного падежа адессива-аллатива (см. напр. Зайков 1999: 44). Возможно, в данном случае для карельского языка (в отличие, например, от вепского) *семантика падежа* была менее важна, чем *семантика глагола*. Глагол в карельском языке, обладая сильной семантикой, в словосочетании сам определяет как статичность, напр., в с.-кар. *Olla järvellä* 'Быть на озере', так и направленность действия в пространстве, напр. в с.-кар. *Männä järvellä* 'Идти на озеро'. При выражении обстоятельственных отношений выбор падежной формы нередко зависит от лексического значения глагола. Существуют глаголы, которые четко характеризуют направленность действия, целенаправленность подобных глаголов выражается формами зависимых имен и предложно-последложных конструкций. В подобном случае непосредственное управление глаголов *tulla* 'прийти' и *juosta* 'бежать', например, требует конкретных форм с определенными падежными окончаниями от управляемого ими в словосочетаниях имени: *tulla* + *-späi*, *-lpäi*, *juosta* + *-h* (см. напр. Наумова 2006).

3.2. ФОРМИРОВАНИЕ НОВЕЙШИХ ПАДЕЖНЫХ ФОРМАНТОВ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

Послелогои в агглютинативных языках можно считать идеальным строительным материалом для словоизменительных формантов: они являются служебными словами с несколько размытым значением и употребляются постпозиционно. Еще Д. В. Бубрих в свое время, говоря о падежах позднейшего образования в финно-угорских языках, указывал на сращение послелогоа с именем (Бубрих 1948: 69). По его мнению, уже внутреннеместные падежи могли возникнуть из послеложных конструкций (Бубрих 1955: 27). Известный финноугровед Б. А. Серебренников также обращал внимание на поразительную способность агглютинативных языков к образованию новых падежных формантов из послелогов (Серебренников 1964: 10). Л. Хакулинен в исследованиях по финскому языку говорил о закономерности расширения падежных систем финно-угорских языков (Хакулинен 1953: 84). Э. Итконен (Itkonen E. 1966: 290–191) наиболее распространенным путем развития падежных форм считал агглютинацию, когда в часто употребляющейся именной конструкции компонент, находящийся в постпозиции, агглютинировался, входя в состав слова, образуя, пользуясь терминологией Э. Итконена, вначале единые *сложные* слова, а затем уже становясь формой слова.

К послеложным падежам относят падежи позднейшего образования, форманты которых возникли из слияния окончания старой падежной формы (чаще всего формы генитива, партитива, местных падежей) с редуцированным послелогом. На материале ливвиковских и людиковских говоров карельского языка названная проблема пока не имеет конкретного решения.

Л. Ф. Маркианова при подготовке учебников карельского языка ливвиковского наречия уже включила в падежную систему языка три падежа новейшего образования: элатив, аблатив и комитатив (см. напр. Markianova 2002: 50, 53, 56). Но это скорее дань прибалтийско-финской грамматике, нежели решение проблемы – прочие родственные прибалтийско-финские языки обладают названными падежными формами, поэтому на место прежних падежей, совпавших по форме вследствие ряда причин, в карельском языке были поставлены данные падежи. Что же касается теоретической поста-

новки и решения вопроса, то он пока не привлекал достаточного внимания, за исключением, пожалуй, некоторых заметок эстонской исследовательницы Паулы Пальмеос (см. Palmeos 1973: 280–283), рассматривавшей положение вещей в держанском говоре тверского наречия. Кроме того, исследователь людиковского наречия карельского языка А. П. Баранцев в одной из статей предлагал вообще устранить проблему послеложных падежей; редуцированные же послелогов предложил рассматривать в качестве проклитик и не обращать внимания на такие моменты, как утрата паузы, ударения, появления гармонии гласных и т. д., так как, по его мнению, для бесписьменного языка написание не имеет значения (Баранцев 1970: 42).

Проблеме послеложных падежей в прибалтийско-финской науке уделяли пристальное внимание многие исследователи (см. Дубровина 1956, Зайцева 1981, Kettunen 1943: 359–372, Oinas 1961, Tikka 1992, Grünthal 2003, Родионова 2007). О разноречивости подходов к ее решению свидетельствует и тот факт, что новые форманты исследователи в своих трудах называют по-разному: *постпозиционалы* (Tunkelo 1946: 68), *агглютинаты* (Хямяляйнен, 1958, 90–91), *суффицированные послелогов* (см. Tikka 1992), *падежные окончания* (Дубровина 1956: 72; Зайцева 1981: 37–38, Viitso 1968: 119–121) *послеложные падежи* (Родионова 2007).

На основании работ вышеперечисленных авторов выявлены многие критерии, которые свидетельствуют о слиянии послелогов с формой имени и о превращении его в часть падежного форманта. К ним относятся:

1) фонетические: полная утрата ударения (падежные окончания, в отличие от послелогов никакого ударения не имеют); полная утрата паузы (между основой слова и падежным окончанием паузы нет); ассимиляция (конечный гласный главного слова и начальный гласный нового падежного окончания подвергаются ассимиляции); гармония гласных (падежное окончание начинает подчиняться вокализму того слова, к которому оно присоединяется); редукция послелогов (происходит деформация прежнего звукового облика послелогов, он сливается со знаменательным словом и превращается в морфему);

2) морфологические: новые падежные окончания входят в парадигматический ряд каждого слова;

3) синтаксические: в отличие от послелого, невозможно употребление нового форманта в функции наречия; возникает также частичное или полное согласование определения с определяемым словом; постоянное употребление нового форманта у однородных членов предложения и т. д. (см. напр. Зайцева 1981: 38–43).

На основе данных критериев Н. Г. Зайцева, в вепсском языке, например, выделяет 6 послеложных падежей: 1) элатив; 2) аблатив; 3) терминатив; 4) комитатив; 5) пролатив; 6) аппроксиматив I и II (в зависимости от диалекта) (см. Зайцева 1972: 61–63).

На наш взгляд, названные выше критерии применимы и для карельского языка. Если пронаблюдать, каким образом данные критерии преломляются в карельском языке, то можно отметить, что, например, при выделении падежей послеложного образования практически все фонетические критерии действуют и на карельском материале, а именно: происходит полная утрата ударения, полная утрата паузы, ассимиляция, редукция послелого.

Тем не менее, значения новейших падежных форм в карельском языке, если их сравнить со значениями подобных старых падежных форм в других прибалтийско-финских языках (прежде всего, в финском), вполне совпадают: в карельском языке окончания элатива *-späi*, и окончание аблатива *-lpäi* употребляются только в том случае, когда речь идет о явной исходности, т. е. когда видно, что что-то откуда-то приближается, удаляется, достается и т. д.: *ливв.*: *Minä tulin laukaspäi* (Markianova 1993: 28) 'Я пришел *из* магазина'; *Miša tänäpäi tuli hyväs mieles školaspäi* (Voiko 1993: 11) 'Миша сегодня вернулся *из* школы в хорошем настроении'; *A iče ylen hil'l'akazin loittonou kohtaspäi* (Mišina 2003: 16) 'А сам потихонечку отходит все дальше *от* места'; *Anuksespäi Petroskoissah on 158 kilometrii, a Priäžaspäi vai 50 kilometrii* (Markianova 1992: 76) 'От Олонца до Петрозаводска 158 километров, а *от* Пряжи всего 50'; *Lopul keziä lapset tuldih kezäleiri/lpäi da mendih ogrodua kaččomah* (Voiko 1993: 75), 'В конце лета дети вернулись *из* лагеря и отправились посмотреть на огород'; *Huö yhtes lähtietih bazari/lpäi* (Sem'onov 1998: 16) 'Они вместе пошли *с* рынка'.

Послеложные падежи элатив и аблатив свойственны также и людиковскому наречию карельского языка: *люд.*: *Pogostaspiäi zavoditahes* 'С погоста начинались' (ОЛР 1978: 20); *Tule iäre päcilpe* (Tiudia) 'Слезь *с* печи!' (NKK 1994: 364); *Lähtää tančilpäi*

(Tiudia) 'С танцев (из клуба) придут' (NKK 1994: 385); *Ku lähtet rogostalpiäin sid oli Samsuoimmägi* 'Как пойдешь *om* погоста, первой была гора Самсуойнмяги' (ОЛР 1978: 28); *Tuli niitylpiäi huondeksel* 'Пришел утром с сенокоса' (ОЛР 1978: 154).

В том же случае, когда явная исходность отсутствует, новый послеложный падеж не употребляется. В этом случае сохраняется употребление исторической формы элатива, которая совпала с инессивом, и формальных оснований для выделения ее в качестве элативной уже не существует: *ливв.*: *Ongele mendih ildupäiväs* 'На рыбалку пошли *c* вечера'; *Häi on kois jo alguvuvves* 'Он дома *c* начала года'; *Huomenizes päiväs allammo leikavon* 'С завтрашнего дня приступим к рубке леса'; *Ma koviez uuzi kuu matkoau tšizloi myö (Säämäj.)* 'С Маковея новолуние идет по числам' (KKS III: 281). Что касается людиковского наречия карельского языка, то в образцах карельской речи послеложный формант окончания элатива можно встретить и в других значениях, например, временном: *люд.*: *Pokrovaspiäi 'c* Покрова' (ОЛР 1978: 190); *nuorespiäi 'c* молодых лет' (ОЛР 1978: 138).

Как уже было сказано выше в грамматике для школ (ливвиковское наречие) в качестве новых послеложных падежей приводит лишь три формы: элатив, аблатив и комитатив, таким образом, исключив из их числа аппроксиматив и терминатив (Markianova 2002: 289). Думается, что подобное решение вопроса с теоретической точки зрения не совсем оправданно. Перечисленные выше критерии, свидетельствующие о переходе некоторых словосочетаний имен с послелогом в падежные формы, действуют одинаково, на наш взгляд, для пяти послеложных падежей. Более того, относительно терминатива и аппроксиматива они даже более последовательны, поскольку их падежные окончания подвергаются регулярно закону гармонии гласных, не нарушаемому в ливвиковском наречии и служащему по этой причине достаточно надежным критерием выделения единой формы слова: ср. *talolluo* 'к дому' и *meččällyö* 'к лесу'. Послелого же, являясь хоть и служебными, но все-таки отдельно оформленными словами, обладают собственной гармонией гласных, независимой от основного слова (*mečän tagua* 'за лесом', *levon piäl* 'на крыше'). Выделяемые в грамматике послеложные падежи элатив и аблатив противоречат закону гармонии гласных, поскольку их падежные форманты выступают всегда

в одной – переднерядной – огласовке – *-späi* и *-lpäi*: *mečäspäi* ‘из леса’, но *talospäi* ‘из дома’.

Новейшие (послеложные) падежи карельского языка

падеж	ливвиковское наречие	людиковское наречие
элатив	<i>kyläspäi tullah</i> ‘из деревни приехали’	<i>minä guadospäi tulin</i> ‘я с работы пришел’
аблатив	<i>lendi l’evolpäi</i> ‘летел с крыши’	<i>tuli niitylpäi huondeksel</i> ‘пришел утром с сенокоса’
комитатив	<i>ainos sinunke elin</i> ‘с тобой всегда жила’	<i>tuatanke</i> ‘с папой’, <i>tuamanke</i> ‘с мамой’
терминатив	<i>rihassah, mökissäh</i> ‘до двора, до избышки’	<i>Čarniemesuai</i> ‘до Чарнаволока’, <i>Präkkässuai</i> ‘до Пряжки’
аппроксиматив	<i>astuu mučoilluo</i> ‘идет к жене’	<i>štabaluo menen</i> ‘к штабу иду’

3.3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ПОСЛЕЛОЖНЫХ ПАДЕЖЕЙ В КАРЕЛЬСКОМ ЯЗЫКЕ

3.3.1. Элатив

Историки языка полагают, что падежные форманты внутренне-местных падежей сложны по своей структуре. Они включают в себя элемент *-s-*, с которым и связывается идея местонахождения внутри чего-либо, а также второй формант локатива. Причем исследователи считают, что данная идея местонахождения связана с именной основой *sisä-* ‘внутренность’. И, таким образом, окончание элатива *-sta*, *-stä* состоит из общего для всех трех падежей элемента *-s* и древнего аблативного окончания *-ta* (*-tä*): $\langle *s-ta, *s-tä \rangle$. Инессив с окончанием *-ssa*, *-ssä* образован путем слияния элемента *-s* и локативного окончания *-na*: $\langle *s-na, *s-nä \rangle$ (см. напр. Nakulinen 1968: 89). Окончание иллатива состоит также из двух элементов: *-h-n*: $\langle *h-en *s-en \rangle$ (см. напр. Häkkinen 1985: 83).

З. М. Дубровина, исследовавшая способность некоторых прибалтийско-финских языков к образованию падежей из послеложных конструкций, обращала внимание на образование внутренне-местных падежей из послелогов, выступавших в формах трех местных падежей (*sisässä* ‘внутри’, *sisästä* ‘изнутри’, *sisään* ‘внутрь’): см. Дубровина 1956: 71).

В карельском языке (ливвиковское наречие) современное элативное окончание *-späi* образовано путем слияния *-s*-ового внутренне-местного элемента и послелога *päin*: *-späi* < *-s* + *-päi* < *-s* + *päin*. Причем, отметим, что большая часть критериев выделения нового падежа действует. Однако такой важный и надежный критерий как *гармония гласных* в старых падежах (напр. *vahnantu* 'старым', *köyhänny* 'бедным') в отношении окончаний элатива (и аблатива) не работает: в них новое падежное окончание сохраняет постоянную переднерядную огласовку (*taloispäi* 'из дома', *levolpäi* 'с крыши'). Но, тем не менее, именно элатив признается всеми исследователями. В принципе, это справедливо, так как данный падеж является очень важным для грамматики карельского языка:

ливв.: *Sit Norjaspäi tuldih kaksi nuordu miesty* 'Потом из Норвегии прибыли двое молодых мужчин' (*Essoilan kylä*) (№ 704); *Oldih Priäžäspäi, Pyhäjärvespäi, Anuksespäi, Vieljärvespäi* 'Были из Пряжи, Святозера, Олонца, Ведлозера' (*Korzan kylä*) (№ 697); *Kyläspäi tullah* 'Из деревни приедут' (*Korzan kylä*) (№ 698).

Кроме ливвиковского наречия, элатив как падеж послеложного образования активно употребляется и в людиковском наречии:

люд.: *Kived otetaa päcis pie* (*Tiudia*) 'Камни достают из печи' (NKK 1994: 351); *Tuoda zavodas päi* (*Kuujärvi*) 'Принести с завода' (NKK 1994: 396); *Silloi minä ruadospäi tulin* (*Tiudia*) 'Тогда я с работы пришел' (NKK 1994: 354); *Pogostaspiäi zavoditahes* 'С погоста начинались' (ОЛР 1978: 20).

3.3.2. Аблатив

Аналогично внутренне-местным падежам – инессиву, элативу, иллативу – в финском языке строятся внешне-местные падежи: адессив, аблатив и аллатив, их окончания складываются из общего элемента *-l* и окончаний первичных падежей.

Окончание аблатива *-lta*, *-ltä* состоит из < **-l -ta*, **-l -tä*; окончание адессива *-lla*, *-llä* состоит из < **-l -na*, **-l -nä*; окончание аллатива *-lle* состоит из < **-l -en* (см. напр. Хакулинен 1953: 89–90, Näkkinen 1985: 86). Причем исследователи полагают, что данные падежи образованы скорее не из послелогов, как это имело место во внутренне-местных падежах, а их образование принято связывать со словообразовательным суффиксом *-la*, имеющим значение

места (см. Хакулинен 1953: 89). В современном ливвиковском наречии карельского языка окончание аблатива, аналогично элативу, образовано путем слияния *l*-ового элемента и послелого *päin*: *-lpäi* < *l*+ *-päi* < *l*+ *-päin*. Отметим, что и формы аблатива, аналогично элативу, являются исключением из правила гармонии гласных, однако его существование также признается большинством исследователей карельского языка:

ливв.: Petroskoilpäi tuldih (Korzan kylä) (№ 697) 'Из Петрозаводска приехали'; D'ärvelpäi tulou (Essoilan kylä) (№ 701) 'С озера придет'; Lendi l'evolpäi 'Летел с крыши' (СКЯ 1990: 182);

люд.: Tule iäre päcilpe (Tiudia) 'Слезь с печи!' (NKK 1994: 364); Lähtää tancilpiä (Tiudia) 'Уходят с танцев' (NKK 1994: 385); Ku lähtet pogostalpiäin sid oli Samsuoimmägi 'Как пойдешь от погоста, первой была гора Самсуойнмяги' (ОЛР 1978: 28), Tuli niitylpiäi huondeksel 'Пришел утром с сенокоса' (ОЛР 1978: 154).

3.3.3. Комитатив

Комитатив как послеложный падеж в наречиях карельского языка сформировался путем синтеза: генитивное окончание *-n* + послелог *kerä* (*-nke* < *-n* + *kerä*; **kerda* > *kerd* > *ked* > *ke* (Tikka 1992: 58), подвергшийся значительной редукции, напр.:

ливв.: Minunke livvikse paista vanhembat maltetah vai (Brendojev 1999: 16) 'Со мной поговорить по-ливвиковски могут лишь старики'; Sil, gu ainos sinunke elin (Dubinina 2003: 32) 'Тем, что с тобой всегда жила'.

люд.: tuatanke 'с папой', tuamanke 'с мамой'.

Комитативное окончание *-nke* встречается также и в некоторых говорах собственно-карельского наречия:

с.-кар.: Läks'im'ä kod'ih täm'änk'e akank'e (Валдай) 'Пошли домой с этой женщиной' (KVM: 85); Mie rubien pagizemah rapinke (Тихвин) 'Я буду говорить с попом' (IKMN: 58).

В «Лингвистическом атласе прибалтийско-финских языков» (ALFE, 1 2004: 439–443) эстонский языковед Т.-Р. Вийтсо на лингвистических картах иллюстрирует картину развития послелогов *kanssa* и *kerä*, которое привело к тому, что послелог в современных прибалтийско-финских языках представлен и как послелог, и как клитик, и как послеложное окончание. По мнению Вийтсо, падеж-

ное окончание комитатива, строительным материалом для которого послужил послелог *kanssa*, возникло в эстонском, водском, ижорском, в диалектах финского языка, а в ливском языке появился падеж *инструменталис*. В свою очередь, послелог *kerä* стал частью падежного окончания комитатива в карельском и вепском языках. Одна из карт атласа и представляет результат данного развития.

В грамматиках карельского языка ливвиковского и собственно-карельского наречий отчасти употребительна и форма старого комитатива на *-(n)neh*: напр., ливв. *Puuloi viettih oksinneh* 'Деревья возили вместе с ветками' (Markianova 2002: 56); *с.-кар.* *Naini läksi matkah roikineh* 'Женщина отравилась в путь с сыном' (Zaïkov 2002: 67). Новая форма комитатива постепенно вытесняет старую, которая носителями языка начинает восприниматься, как архаизм, однако в пособиях для студентов и в грамматиках карельского языка и старая комитативная форма выделяется как параллельная (см. напр. Markianova 1993; 2002).

3.3.4. Терминатив

В финском литературном языке имеется послелог *saakka* 'до', который в сочетании с иллативной формой имени существительного (местоимения) служит для обозначения конечного предела действия в пространстве или во времени. Финляндская исследовательница Пиия Пяйвио посвятила целую монографию употреблению в финском языке послелогов *asti* и *saakka*, в которой рассмотрены не только значения и употребление данных послеложных форм, но и их грамматикализация (см. Pääviö 2007). Любопытно отметить, что в финском языке в 1600- и 1700-х годах данные морфемы, согласно латинской терминологии, считались послелогоми, однако к 1900 годам, их значение более субъективизировалось, и *asti* и *saakka* стали называть *усилительными частицами местных надежей* (там же: 236).

В финно-угорских языках обозначение предела в пространстве и времени также стало передаваться возникшими новыми падежными формами: напр., в эстонском языке появился терминатив на *-ni* (Каск 1966: 44); в венгерском языке функционирует терминатив на *-ig, -eg*; в пермских также наличествует терминатив на *-ög* (коми), *-озь* (удмуртский) (Mägiste 1959: 114–134). Все это свидетель-

ствуется о тенденции к образованию фиксированной грамматической формы для данного значения. В «Лингвистическом Атласе прибалтийско-финских языков» (ALFE, 1 2004: 324–327) известный исследователь финно-угровед С. Сухонен в комментарии к лингвистической карте, посвященной послелогам *asti* и *saakka*, утверждает, что последний (*saakka*) обязан своим происхождением глагольной основе *saa-*, из которой возникло в ряде языков, в том числе, и падежное окончание терминатива.

В ливвиковском наречии карельского языка данное значение может передаваться также новой формой падежа терминатива, возникшего из слияния редуцированного послелoga и формы иллатива на *-h*: при этом иллативное окончание *-h* ассимилировалось с начальным *-s* послелoga (см. Дубровина 1956: 74). Новый падежный формант *ssAh* ведет себя по образцу старых падежных окончаний, полностью подчиняясь даже закону гармонии гласных: *meččässäh* 'до леса', *taloissah* 'до дома', в людиковском наречии окончание терминатива *-ssuai*:

ливв.: *pihassah*, *mökissäh* (Essoilan kylä) (№ 704) 'до двора, до избышки'; *Kondii se ajoi jäl'l'es händü pellon perillessäh* 'Медведь преследовал его до конца поля' (ОКР 1969: 142).

люд.: ...*Miikkulassuai* ...*Golospäi L'evoskassuai*... 'до дома Миккула, от Голован до Левоски' (ОЛР 1978: 20), *Čarniemessuai* 'до Чарнаволока', *Präkkässuai* 'до Пряжки' (ОЛР 1978: 28).

3.3.5. Аппроксиматив

В ливвиковском наречии карельского языка путем слияния послелoga *luo* с генитивной формой имени существительного на *-n*, образовалась новая падежная форма – форма аппроксиматива: *-n* + *-luo* (*-lyö*) = *-lluo* (*-llyö*), напр.: *koin* + *luo* > *koilluo* 'к дому', *mečän* + *luo* > *mečälllyö* 'к лесу'. При этом, как видно из примеров, окончание генитива *-n* в новом форманте ассимилировалось с начальным *-l* послелoga. Следует также отметить, что в ливвиковском наречии карельского языка послелог, превращаясь в падежное окончание, «подчиняет свой вокализм вокализму того слова, к которому он примыкает» (Дубровина 1956: 75). И, таким образом, подчиняясь гармонии гласных, послелог перестает быть послелогом, поскольку для ливвиковского наречия характерна самостоятельная гармо-

ния гласных для послелогов, которые, хотя и являются служебными словами, сохраняют в этом отношении самостоятельность, напр., *mečän tagua* 'за лесом'. Авторы «Лингвистического Атласа прибалтийско-финских языков» (ALFE, 1 2004: 338) также склонны признавать наличие нового послеложного падежа, составной частью которого стал послелог **lõna*. Автор данной лингвистической карты Т. Туоми делает заключение о том, что в «ряде ливвиковских и людиковских говоров, а также в вепсском языке из послелога развилось падежное окончание» (там же):

ливв.: *Tulin minä hänellyö* 'Пришел я к нему'; *astuw mučoilluo* 'Идет к жене' (ОКР 1969: 50);

люд.: *ištu roigalloh* 'сиди у сына' (ОЛР 1978: 9), *štaballico menen* 'к штабу иду' (там же: 265).

Аппроксиматив и терминатив свойственны исключительно ливвиковскому и людиковскому наречиям карельского языка. Тем не менее, в некоторых южных говорах собственно-карельского наречия так же можно встретить примеры с употреблением вышеназванных падежей: *Mänöy roigillua* (Реболы) 'Идет к сыновьям' (ИКМН: 29); *Mänöy akalluo* (Юшкозеро) 'Идет к старухе' (там же: 34); *Muoamo kodisseh viijäh* (Реболы) 'Маму до дома отнесут' (там же: 29), на которые, в свою очередь, могло повлиять людиковское наречие.

Таким образом, связанные с процессами стандартизации и унификации новописьменного карельского языка изменения в его внутренней структуре отражают современное языковое состояние и развитие. При этом, как видим, востребованные современностью новации гармонируют с богатыми языковыми традициями. В становлении письменных традиций и орфографии карельского новописьменного языка, как и иных такого рода языков, существуют большие сложности. И одной из проблем грамматики является решение проблемы «послеложных падежей». Конечно, как и все новое, послеложные падежи пока не выглядят до конца сформировавшимися. При употреблении их в адъективно-атрибутивных конструкциях, в которых в прибалтийско-финских языках существует, за некоторыми исключениями, полное согласование, наблюдается нарушение традиции: прилагательное чаще всего сохраняет историческую форму элатива или аблатива, совпавшую с инессивом и элативом, напр. *suures mečäspäi* 'из большого леса', *suurel järvelpäi* 'с

большого озера'; такая же картина характерна и для комитатива: *kahten sorgmenke* 'с двумя пальцами'. Тем не менее, данные падежи выделяются в грамматике ливвиковского наречия, а не объединяются в падеж инессив-элатив, адессив-аблатив, как в собственно-карельском наречии значение направленности является одним из значений объединенного падежа адессива-аллатива. Более того, выделяемые в грамматике послеложные падежи элатив и аблатив противоречат закону гармонии гласных, поскольку их падежные форманты выступают всегда в одной – переднерядной – огласовке: *-späi* и *-lpäi*: *mečäspäi* 'из леса', но *talospäi* 'из дома', в то время как падежные окончания терминатива и аппроксиматива подчиняются твердо действующему закону гармонии гласных, служащему в карельском языке надежным критерием выделения единой формы слова: *taloilluo* 'к дому' и *mečällyö* 'к лесу'. Послелогои же, являясь хоть и служебными, но все же отдельно оформленными словами, обладают в языке собственной гармонией гласных, независимой от основного слова (*mečän tagua* 'за лесом', *levon piäl* 'на крыше'). Что же касается новописьменного карельского языка (ливвиковское наречие), то, несмотря на уже высказанные теоретические позиции в области сложения послеложных падежей, в письменных текстах на ливвиковском наречии нет единообразия. Так, в переводах евангелий (от Марка, от Луки, от Матфея), изданных в 1993 и 1997 годах, можно наблюдать слитное написание редуцированных послелогов с именем, свидетельствующее о том, что группа переводчиков склонна к признанию их падежными формами, например:

аппроксиматив с окончанием *-lluo, -llyö*:

Hyö mendih hänellyö 'Они пришли к нему' (Evangeliu Markan mugah 1993: 32); Sit Sattan jätti Iisusan, i hänellyö tul dih anhelit da pietti hänes huolen 'После Сатана оставил Иисуса, и к нему подошли ангелы и заботились о нем' (Evangeliu Matfein mugah 1997: 7); Ku rahvastu joukoittain tuli Iivanalluo valatettavakse, häi sanoi heile... 'Когда люди группами подходили на обливание к Иоанну, он сказал им...' (Evangeliu Lukan mugah 1997: 12);

терминатив с окончанием *-ssah, -ssäh*:

Kaikin ruvetah vihuamah teidü minun nimen täh, no ken kestäy agjassah, se piäzöy 'Все начнут ненавидеть меня, но кто выдержит до конца, тот освободится' (Evangeliu Matfein mugah 1997: 4); Usko minuu: siepäi sinä et piäze, kuni et maksane kaikkie velgua jälgimäzeh

d'engazessah 'Поверь мне, ты не выберешься оттуда, пока не выплатишь свои долги *do* последнего' (Evangelii Lukan mugah 1997: 56).

Однако в опубликованном в 2003 г. Новом Завете (Uuzi Sana: 2003) ситуация изменилась. Вместо окончания терминатива *-ssah*, *-ssäh* и аппроксиматива *-lluo*, *-llyö* употреблены обновленные послелого (*luo*, *suate*) с именем в генитиве:

Konzu Josif duumaičči sidä, yöl unis tuli hänen *luo* Taivahallizen Ižändän anheli da sanoï... 'Когда Иосиф подумал об этом, ночью ему во сне явился ангел Господень и сказал' (Uuzi Sana 2003: 1); Unis Jumal kielti heidy menemäs uvvessah Irodan *luo*, i hyö mendih tostu dorogua myöte järilleh omah muah 'Во сне Господь запретил снова приходить к Ироду, и он отправились по другой дороге назад к себе' (Uuzi Sana 2003: 2);

Toven sanon sinule: siepäi et piäze, kuni et maksane kaikkii velgoi jälgimäzeh d'engazeh *suate* 'Истину говорю тебе: не выберешься оттуда, пока не заплатишь все *do* конца' (Uuzi Sana 2003: 6); Häi työndäy omii anheliloï, i hyö kerätäh Hänen vallittuloï kaikkis muailman n'elläs puolespäi, taivahan agjas da agjah *suate* 'Он пошлет своих ангелов, и они соберут Его избранных со всех четырех сторон света, от конца и края неба' (Uuzi Sana 2003: 40).

Тем не менее, на страницах «Oma mua» терминатив и аппроксиматив, как послеложный падеж, активно употребляется в настоящее время: Tämä perindö säilyy täh päivässäh 'Эта традиция сохраняется и *no* сей день'; ... *gandassah* venehel metrii 800 'До берега на лодке метров 800'; *Tuldahes käymäh minulluo* 'Пусть приходят ко мне' (Oma mua, № 5 2010).

Думается, что признание в качестве падежей только элатива, аблатива и комитатива – это дань экстралингвистическим факторам: названные падежные формы, хоть и с иными по происхождению окончаниями, существуют в большинстве прибалтийско-финских языков и, прежде всего, в финском, влияние которого, как близкородственного, на становление письменных традиций новописьменных ливвиковского карельского и вепсского языков несомненно. На наш взгляд, было бы более правомерно выделить все пять послеложных падежей, обладающих четко очерченным кругом значений и несложных в употреблении, нежели возрождать уже исчезнувшие из многих говоров послелого и вводить в фонетику серьезные исключения.

4. УРОВЕНЬ ПОНИМАНИЯ НОВЕЙШЕЙ ЛЕКСИКИ И ИСПОЛЬЗОВАНИЕ НОВЕЙШИХ ПАДЕЖНЫХ ФОРМАНТОВ НОСИТЕЛЯМИ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА (по данным социалингвистического исследования)

4.1. ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ

Карельский язык длительное время функционировал в основном в устной диалектной форме, поэтому одной из главнейших проблем является анализ того, каким образом диалекты вливаются в литературный язык, каково соотношение диалектов и говоров внутри одной активно развиваемой литературной нормы, насколько люди воспринимают и понимают письменную форму языка, долгое время ее не имевшего. В решении таких актуальных на сегодняшний день задач помогают методы полевой лингвистики (см. напр. Ковалева, Родионова 2009).

При изучении современного состояния карельского языка сбору языковедческого материала (каковым являются записи образцов живой речи, анализ письменных текстов и т. д.) сопутствует социалингвистический метод. Социалингвистические методы можно разделить на методы сбора, обработки и оценки достоверности полученных данных и их содержательной интерпретации. При сборе информации используются наблюдения и разного рода опросы, а также общенаучный метод анализа письменных источников. Широко применяются также письменное анкетирование, устные интервью, тесты и некоторые другие методические приемы сбора данных, направленные на то, чтобы выявлять определенные закономерности во владении языком и в использовании его говорящими в тех или иных коммуникативных условиях.

В ходе исследования мы старались придерживаться таких требований как массовость и репрезентативность, т. е. исследование разных социальных и возрастных групп. Что касается возрастных характеристик информантов, то возрастная шкала участников обследования колебалась от 20 до 80 лет. С некоторым сожалением стоит отметить, что в подобных обследованиях обычно наблюдается половая диспропорция между информантами, поскольку большинство опрошиваемых – женщины. В связи с этим, хотелось бы подчеркнуть, что в последние годы получает развитие так на-

зывается гендерная лингвистика, изучающая явления вариативности в языковой системе на разных уровнях в гендерном аспекте. Одной из проблем исследования становится выбор языка общения мужчинами и женщинами в ситуациях многоязычия. Основанием для развития этого научного направления служит признание того факта, что в каждой культуре существует гендерная картина мира. Некоторые лингвисты считают, например, что речь женщин более консервативна и лучше сохраняет региональные черты.

Во время экспедиций в Пряжинский, Кондопожский и Лоухский районы Республики Карелия было опрошено около 100 информантов, носителей всех трех наречий карельского языка: ливвиков, людиков и носителей собственно-карельского наречия.

Для проведения исследования нами были составлены социолингвистические анкеты, включающие социологическую и лингвистическую части (см. Приложение № 2). Анкеты с такой структурой могут иметь цель установить реальный уровень языковых навыков, исследовать явления языковой компетенции и билингвизма, степень аккультурации языкового коллектива, степень функционального развития языка, характер языковой ситуации в регионе и пр.

Анкеты предназначались для проведения так называемого «точечного» обследования, которое дает информацию о состоянии исследуемого объекта в момент его изучения. Социологическая часть анкет включала так называемый «паспортный блок»: демографические вопросы; вопросы о языковой биографии; вопросы о настоящей языковой деятельности; вопросы о языковом окружении; вопросы, касающиеся языковых умений и навыков на основе самооценки. На некоторые вопросы были предложены варианты ответов (в частности, вопрос о степени владения карельским языком на основе самооценки).

Основной же частью анкет явилась лингвистическая, анализ которой позволяет проследить тенденции развития внутренней структуры карельского языка в современных условиях. Лингвистическая часть анкет предварялась вопросами, предназначенными для выяснения ситуации с использованием информантами письменной формы карельского языка: 11. Читаете ли вы литературу и газеты на карельском языке; 12. Если да, то оцените, пожалуйста, степень понимания газетных текстов. На основе анализа ответов участников анкетирования были сделаны следующие выводы: при-

мерно 39% информантов сообщили, что в той или иной степени они читают или, по крайней мере, пытаются читать в основном газеты на карельском языке. При этом некоторые указали, что в большей степени они смотрят карелоязычные телевизионные передачи и слушают карельский язык по радио. 61% информантов сообщили, что газеты и литературу на карельском языке они не читают. В свою очередь, среди читающих карелоязычные письменные тексты степень понимания газетных текстов была оценена следующим образом: 44% ответили, что в целом их понимают, но среди ответов нередко встречались такие эпитеты, как «плохо, слабо, медленно, немного»; 56% информантов сообщили, что понимание газетных статей им практически недоступно.

4.2. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ЛЕКСИКИ

Лингвистическая часть анкет по лексическому блоку несколько отличалась для разных групп карелов. В анкетах для обследования карельского населения людиковско-ливвиковского ареалов (Пряжа, Пряжинский район, Кондопожский район) информантам были предложены для перевода с карельского языка на русский предложения из газетных статей, содержащие бытовую, общественно-политическую, абстрактную, а также выражающую современные реалии лексику. Если информантам было сложно перевести полностью предложения или понять их общий смысл, мы просили подчеркнуть те слова или формы, смысл которых был понятен. Кроме того, предлагалось перевести слова, относящиеся к общественно-политической лексике и терминологии, с карельского языка на русский (7 лексем) и наоборот, назвать по-карельски некоторые понятия из общественной жизни (6 лексем). В анкетах для информантов, носителей собственно-карельского наречия, мы ограничились переводом с русского языка на карельский язык шести лексем.

Одно из предложенных для перевода предложений содержало в основном лексику бытового характера и содержало 23 лексемы (включая частицы): *A poikiin dorogas lykätud batug. Kodihessa om ve edahaks, mänoba, pagistaze. Paginan ke Dänyu ei ni zametinu, tykestyi, vähäd ei langenu (Lüüdilaine 2008)* 'Посреди дороги лежала палка. До дома еще было далеко, шел, разговаривал. С разговорами и не заметил ее, споткнулся и чуть не упал'.

Результаты понимания предложения были следующими: полностью содержание поняли 18% информантов, менее половины слов были понятны 75% информантов, более половины слов (но не все) были понятны 13% информантов. Среди наиболее знакомых слов чаще всего называли: *dorogas* 'дороги', *batug* 'палка', *kodihessa* 'дома', *paginan* '(с) разговором', *ei langenu* 'не упал'.

Второе предложение содержало лексику, в основном относящуюся к общественной жизни, и содержало 17 слов и словоформ: *Rahvas oldihe ihmes, sto meiden kiel' om moizes pahas tilas, da vähä ken nygu voi abutada elovutada sidä* (Lüüdilaine 2008) 'Народ считает, что наш язык в таком плохом состоянии, что мало кто теперь может помочь возродить его'.

Результаты понимания предложения стали следующими: полностью содержание поняли 20% информантов (или указали, что все слова им знакомы), менее половины слов были понятны 50% отвечавших, более половины слов (но не все) были понятны 30% информантов. Среди наиболее знакомых слов чаще всего называли: *rahvas* 'народ', *pahas* 'в плохом', *vähä ken* 'мало кто', *nygu* 'теперь', *abutada* 'помочь'.

Лексемы, которые было предложено перевести на русский язык с карельского, относились к общественно-политической лексике и терминологии: *leht*, *mainita*, *siebr*, *d'ärjestö*, *lidn*, *pagind'ohtaj*, *tiedo*. Лексемы были выбраны из газетных текстов на людиковском наречии. В текстах они соответственно употреблялись в следующих значениях: 'газета', 'упоминать', 'общество (организация)', 'организация', 'город', 'председатель', 'знание'. Информантами были предложены следующие переводы лексем:

leht: большинство из ответивших назвали 'лист', только в одном ответе был перевод 'газета'; небольшая часть указала, что смысл лексемы ясен;

mainita: большинство ответов пришлось на перевод 'вспоминать', два информанта предложили форму 'упоминать', многие не поняли смысла глагола;

siebr и *d'ärjestö*: явились менее всего понятными лексемами, перевод слова *d'ärjestö* в значении 'организация' был указан только в одном ответе, в то время как слово *siebr* практически было не знакомо для информантов;

pagind'ohtaj: большинство информантов поняли лексему в том значении, в котором она была предложена в газетном тексте – 'председатель'; таким образом, слово вошло в языковую практику и не вызвало затруднений при переводе;

tiedo: переводилось в основном как 'знание', но в качестве вариантов предлагались также 'знаток' и 'учебник'.

Следующее задание включало перевод слов с русского языка на карельский, причем лексика вновь относилась к сфере общественной жизни: *столица, директор школы, мэр, юрист, повар, учебник*. С одной стороны, нам важно было выяснить, каким образом информанты именуют на своем языке эти слова и именуют ли вообще, с другой стороны, мы старались не усложнять задание и предложили для перевода достаточно распространенные лексемы, потенциальное употребление которых в разговорной речи, на наш взгляд, не вызвало бы особых затруднений. Однако, как показал анализ полученного материала, картина с предложенными информантами вариантами ответов получилась весьма пестрой, слова предлагались оформленными в латинской и кириллической графике, порой в графическом оформлении слова наблюдался некий симбиоз обеих график. Приведем данные, полученные среди карелов, проживающих на территории ливвико-людиковского ареала (Пряжа и Пряжинский район, Кондопожский район; орфография сохранена):

ЛЕКСЕМА	ВАРИАНТЫ ПИСЬМЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ
столица	linna, linnu, suri linna, piälinnu, линна, столица
директор школы	direktor školas, školan direktor, školanjohtai, opettaj, direktor, херра, коулуехтая, директор
повар	keittäi, keittäi, povari, ken keittäädä, кейтай
учебник	kniigu, oppikniigu, книгу
мэр	johtai, predsedatel, пяликко
юрист	juristu

Наибольшие затруднения при переводе вызвали слова *мэр, юрист, повар*, поскольку именно на эти лексемы пришлось меньшее количество предложенных переводов. Как видно из таблицы, для перевода лексемы *юрист* был предложен всего лишь единственный вариант, сочетающий русские и латинские буквы. Варианты переводов лексем *столица, директор школы,*

учебник чередовались в разных написаниях, но были предложены большинством отвечавших. Если для перевода слова *столица* большую часть вариантов ответов составляли исконные лексемы, то *директора школы* чаще переводили русским заимствованием.

Варианты переводов этих же лексем, полученные на территории проживания северных карелов, можно сгруппировать в таблицу:

ЛЕКСЕМА	ВАРИАНТЫ ПИСЬМЕННЫХ ПЕРЕВОДОВ
столица	rääkaupunki, kaupunki, piäkaupunki, пяхаупунки, каупунки
директор школы	koulunjohtaja, direhtori, direhtora, johtaja, johtai, herrat, kouluntähti, коулунехтаја
повар	keittäjä, kokki, keittäi, ruokantyttö, кейтая, кокки
учебник	oppikirja, kirja, opistokirja, lukukirja, луку кирья, лукукирја, кирья
мэр	piälikkö, piättäi, kylän johtaja, rukovoditel, činovnikka
юрист	juristi, jurista, sudja

Менее всего вариантов переводов было предложено для лексем *мэр*, *юрист*. Люди откровенно затруднялись перевести, «вспомнить слово», чаще всего пропускали перевод данных слов. В отличие от переводов карелов-ливвиков и карелов-людиков, в вариантах ответов собственно-карелов лексемы *столица* не встретилось русских заимствований, меньше их было и при переводе словосочетания *директор школы*.

Хотелось бы остановиться на анализе материалов, полученных в семье карелов, носителей собственно-карельского наречия. Характеризуя «социолингвистический» портрет информантов, следует отметить, что в анкетировании приняли участие представители двух поколений, мать и дочь, обе хорошо владеющие карельским языком, активно говорящие на языке в семье. Разница заключается в том, что мать овладела языком в детстве, в условиях семьи, а дочь изучала карельский язык в вузе (собственно-карельское наречие). До изучения языка в вузе владение карельским языком у дочери можно охарактеризовать как пассивное, поскольку оно ограничивалось пониманием, но не говорением. Результаты анализа полученных материалов представим в таблицах 1, 2, 3.

1. Одинаково произносимые слова:

ЛЕКСЕМА	МАТЬ	ДОЧЬ
1. рукоделие	käsityö	käsityö
2. чистить зубы	puhdistua hampaista	puhdistua hampahat
3. кресло	nojatuoli (указала, что это финское заимствование)	nojatuoli
4. диван	sohva (указала, что это финское заимствование)	sohva
5. расческа	šuka	šuka, kampa
6. телевизионная программа	TV-ohjelma	TV-ohjelma
7. занавески	verhot	verhot
8. завтрак	murkina	murkina
9. собрание	kokous (указала, что это финское заимствование)	kokous
10. зубная щетка	hammasharja	harja
11. общество, союз	šeuра (указала, что это финское заимствование)	šeuра
12. огород	piha	piha
13. мыло	muila	muila

2. Слова, произносимые с небольшими различиями:

ЛЕКСЕМА	МАТЬ	ДОЧЬ
1. постельное белье	makuuvuatteet	sänkyvuattiet
2. холодильник	jääkaappi	jiäškuappi
3. обед	päiväruoka	päivällini
4. покрывало	sijanpeitto	peite
5. стиральный порошок	pešuvehkeh	pešuinneh
6. чайник	čuajupannu	pannu
7. ужин	iltaini	illallini

3. Слова, произносимые неодинаково:

ЛЕКСЕМА	МАТЬ	ДОЧЬ
1. огород	potakkamua	–
2. грядка	vako	penker
3. таз	–	šaikka, vati
4. мочалка	hieroa selkyä	pešušieni
5. тапочки	tossut	tapkat, jalačit

Таким образом, из 25 лексем, предложенных к переводу и отражающих в основном бытовые понятия, 13 лексем употребляются идентично, в употреблении 7 наблюдаются небольшие фонетиче-

ские и морфологические различия, а 5 лексем употребляются совершенно по-разному. Надо сказать, даже небольшие на первый взгляд различия в языке (ср. *jääkaappi* и *jiäškuappi*) могут говорить о совершенно разных источниках используемой лексики: *jääkaappi* представляется прямым заимствованием из финского языка, лексема же *jiäškuappi*, созданная по финскому образцу, содержит один собственный элемент, второй – адаптированное в карельский язык русское заимствование.

В устной беседе выяснилось, что различия в языке двух женщин присутствуют не только на лексическом, но и на фонетическом уровне. Так, при произношении звука *ä* дочерью мать улавливает влияние русского *я*, так же, как и при произношении звука *e*, который не должен абсолютно соответствовать русскому *э*. Что касается словарного запаса, то в речи дочери мать не понимает слова, пришедшие из других наречий карельского языка, например, в собственно-карельском наречии в значении *далеко* употребляется лексема *etähänä*, в то время как дочь употребляет общее для карельской традиции *loittona*. Таким образом, происходит взаимодействие двух традиций – старой и новой, связанной с овладением уже в какой-то степени нормированным языком. Изучение идиолектов в подобных ситуациях довольно активного владения и использования языка, но на фоне различия в способах и условиях овладения им, представляется весьма интересным аспектом исследования семейного вербального поведения в условиях формирования новописьменного карельского языка.

4.3. СОЦИОЛИНГВИСТИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ПАДЕЖНЫХ ФОРМ

Для сбора грамматического материала мы просили информантов перевести на карельский язык конструкции, выражающие пространство и время. Данный лингвистический материал может быть учтен и использован, во-первых, в процессе создания новейшей лексики, во-вторых, при составлении грамматик и учебных пособий для школ и вузов.

Мы пытались путем устного опроса у информантов выяснить идею слияния падежей. Отметим, что некоторые информанты за-

труднялись с ответами: их владение языком для точного грамматического опроса было недостаточным. Выяснилось, что в нынешней разговорной речи карелов-ливвиков окончание адессива совпадает не только с аблативным, но и с аллативным окончаниями, последнее, тем не менее, в младописьменном карельском языке было восстановлено. Информантам было предложено перевести с русского языка на карельский, с использованием внешнеместных и внутренне местных падежей, следующие словосочетания:

1) лежит <i>в столе</i> (предполагалось, что информант использует инессивное окончание)	4) положи <i>на стол</i> (предполагалось, что информант использует аллативное окончание)
2) достань <i>из стола</i> (предполагалось, что информант использует элативное окончание)	5) возьми <i>со стола</i> (предполагалось, что информант использует аблативное окончание)
3) положи <i>в стол</i> (предполагалось, что информант использует иллативное окончание)	6) лежит <i>на столе</i> (предполагалось, что информант использует адессивное окончание)

На основе проведенного опроса был выявлен факт, что у носителей *ливвиковского* наречия чаще всего окончания всех внешнеместных падежей совпадают, в большинстве примеров носители языка использовали окончание *-l* (*viruu stolal*, *ota stolal*, *pane stolal*). Хотя, следует отметить, что некоторые информанты-носители ливвиковского наречия в качестве аблативного окончания (а речь шла о явной исходности) употребили и форму – *stolalpäi*.

Носители *людиковского* наречия в *устной речи* используют в качестве аллативного окончание *-le*, в качестве аблативного – *-l*, а аблативного – новое окончание послеложного происхождения *-lpiä* (*viruu stolal*, *ota stolalpiä*, *pane stolale*). И таким образом, только в людиковском наречии в настоящее время, как и в вепском языке, имеют место все три падежные формы, в отличие от собственно-карельского и ливвиковского наречий карельского языка.

У информантов собственно-карелов окончание адессива слилось с аллативом и отступлений от этой закономерности не наблюдалось (напр., *venuu röyvällä* 'лежит на столе', *pane röyvällä* 'положи на стол'):

наречие карельского языка	лежит на столе	положи на стол	возьми со стола	лежит в столе	положи в стол	возьми из стола
собственно-карельское наречие	venyy röyvällä	pane röyvällä	ota röyvältä	venyy röyvässä (pöyvän seämässä)	pane röydäh	ota röyvästä
ливвиковское наречие	viruu stolal	pane stolal	ota stolal(päi)	viruu stolas	pane stolah	ota stolas(päi)
людиковское наречие	viruu stolal	pane stolale	ota stolalpäi (stolaspäi)	viruu stolas	pane stolah	ota stolaspäi

На предложенные вопросы анкеты мы также предлагали информантам, владеющим карельским языком в той или иной степени, перевести на карельский язык словосочетания, в которых использовался бы аппроксиматив. Информантам было предложено перевести на карельский язык словосочетание «поехать к бабушке». Носители карельского языка отвечали самостоятельно, на основе написанных ответов, представляем вашему вниманию картину употребления одного из послеложных падежей – аппроксиматива в речи. В данной таблице указаны ответы носителей всех трех наречий карельского языка данного словосочетания (сохранен стиль написания информантов, некоторые из них не владеют латинской графикой). Следует также отметить, что при написании отдельных словосочетаний чувствовалось интуитивное чутье информантов, где употребить падежное окончание, где – послеложную конструкцию:

№ информанта	Перевод на карельский «поехать к бабушке»	Населенный пункт
1	ляхтий äмеллюй	п. Пяозерский
2	aјаата муммулюо	п. Пяозерский
3	аямма муммулуа	п. Пяозерский
4	käyvvä mummolle	п. Пяозерский
5	ajau baballuo	п. Матросы
6	аялле бабойле	п. Пряжа
7	lähteä buobolloh	п. Святозеро
8	lähteä buabale	п. Святозеро
9	mennä buaboin luo	п. Пряжа – ливв.
10	mennä buobon luo	п. Пряжа – ливв.

№ информ-мента	Перевод на карельский «поехать к бабушке»	Населенный пункт
11	меннӓ буабулло (буабуллэ)	п. Пряжа
12	ая бабойлу	п. Пряжа
13	läkkä buaballuo	п. Спасская Губа
14	ajammo buaballuo	п. Кончезеро
15	läkkä babuškan luo	п. Святозеро
16	ajua buaballua	п. Пряжа
17	lähemmö ämmän luo(kse)	п. Пяозерский
18	ajua mummolla	с. Кестеньга
19	ämmä luo	п. Пяозерский
20	ajaa mummon luo	п. Пяозерский
21	lähtie ämmön luo	п. Пяозерский

Ответы информантов позволяют сделать следующие выводы. Информанты, владеющие литературным карельским языком (9, 10) – выпускники факультета Прибалтийско-финской филологии и культуры, использовали послеложную конструкцию вместо аппроксиматива. Это объясняется, прежде всего, тем, что в грамматиках карельского языка, в качестве падежа аппроксиматив не выделяется. Вместо аппроксиматива послеложную конструкцию с послелогом *luo(kse)* употребляли, как правило, носители собственно-карельского наречия (17, 19, 20, 21) и крайне редко носители людиковского наречия. Тем не менее, информанты собственно-карельского наречия активно используют в речи вместо послеложной конструкции и аппроксиматив (1, 2, 3).

Во время опроса информантов было так же интересно выяснить, как информанты употребляют аппроксиматив в адъективно-атрибутивных конструкциях:

№ информ-мента	перевод на карельский «поехать к старой бабушке»:	населенный пункт
1	ajau vahnan baballuo	п. Матросы
2	lähtie vahnalloh buobolloh	п. Святозеро
3	vahnan buaboin luo	п. Пряжа – ливв.
4	ae vahnan бабалов	п. Пряжа, ур. Кинелахта
5	ая вахнан бабойлу	п. Пряжа
6	läkkä vahnan buaballuo	п. Спасская Губа
7	ajua vahnan buabolluo	п. Спасская Губа
8	ajada vahnal buaballuo	п. Спасская Губа
9	ajade vahnalluo buaballuo	п. Кончезеро
10	ajammo vahnal buaballuo	п. Кончезеро

№ информ-мента	перевод на карельский «поехать к старой бабушке»:	населенный пункт
11	<i>ajua vahnan/luu buaballua</i>	п. Пряжа
12	<i>lähemmö vanhan ämmän luo(kse)</i>	п. Пяозерский
13	<i>lähemmö vahnan ämmän luona</i>	п. Пяозерский
14	<i>lähemmä vanhan ämmä luo</i>	п. Пяозерский
15	<i>lähemmö vahnan ämmän luokse</i>	п. Пяозерский
16	ae вахнан бабан луокси	п. Пяозерский

В словосочетании «поехать к старой бабушке» далеко не все информанты в адъективно-атрибутивных конструкциях использовали полное согласование. Полное согласование в данной конструкции свойственно лишь примерам из людиковского наречия (2, 9, 11). В большинстве случаев носители ливвиковского и людиковского наречий используют неполное согласование, а именно, атрибут употребляется в генитиве (1, 3–7), или в аллативе (8, 10), а определяемое слово выступает в аппроксимативе. Носителям собственно-карельского наречия свойственно использовать при данном переводе послеложную конструкции с использованием послелога *luo(kse)*, *luona*, *луокси* (12–16).

Информантам всех наречий карельского языка было предложено перевести на карельский язык также словосочетание «около дома, у дома». Предполагалось, что носители карельского языка будут использовать окончание аппроксиматива, так как данный падеж выражает направленность без достижения внутренних или внешних пределов предмета, служащего при этом только неким ориентиром, обозначат нахождение вблизи, около чего-либо. Следует отметить, что в данном случае носители собственно-карельского наречия использовали не аппроксиматив, а послеложную конструкцию с послелогами *luo(kse)*, *luona*: *talon luona* (п. Пяозерский), *koin luona* (п. Пяозерский), *kodin luona* (п. Пяозерский).

Ответы информантов-ливвиков и информантов-людиков представлены в таблице:

№ информ-мента	перевод на карельский «около дома, у дома»,	населенный пункт
1	<i>кодилов</i>	(п. Пряжа, ур. Кинелахта)
2	<i>kodi/luo</i>	(п. Спасская Губа)
3	<i>кодиллуо</i>	(п. Пряжа)
4	<i>koin luo</i>	(п. Спасская Губа)

Носители ливвиковского и людиковского наречий в речи охотней используют аппроксиматив (1–3), чем послеложную конструкцию, что доказывает идею о том, что послеложные падежи развились больше в этих наречиях, чем в собственно-карельском, развитие послеложных падежей указывает, прежде всего, на влияние близкородственного вепсского языка.

Таким образом, представленный грамматический материал наглядно доказывает, что падежи новейшего образования активно используются информантами-карелами. Безусловно, как все новое, данные падежи выглядят не до конца сформировавшимися. Это доказывается и тем, что в адъективно-атрибутивных конструкциях, для данных падежных конструкций чаще используется неполное согласование. Тем не менее, они используются и признаются носителями языка в качестве падежей, поэтому их исключение из грамматики карельского языка не является в достаточной мере обоснованным.

п. Пряжа. Информант за работой

Беседа с информантами, п. Спасская Губа

п. Пряжа

Беседа с информантами, п. Спасская Губа

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в монографии проанализированы некоторые инновационные лексические и грамматические явления в новописьменном карельском языке. На основании данного анализа можно сделать определенные выводы.

I. *Особенности современного словообразования* характеризует следующее:

1) Проанализированный лексический материал показал, что при номинации нового понятия в новописьменном карельском языке предпочтение отдается *морфологическому* способу словообразования. В современном словообразовании при создании терминов и слов, близких по значению к терминологической лексике, одним из наиболее предпочтительных стал суффиксальный способ. Система карельских суффиксов чрезвычайно богата и сохранилась до наших дней в активном и живом состоянии. Новые слова, созданные при помощи традиционных суффиксов, воспринимаются носителями языка в основном как знакомые и достаточно понятные. При этом в сферу наибольшей продуктивности попали суффиксы, образующие слова абстрактного и обобщенного значения, т. е., ту лексику, в которой язык остро нуждался в связи с расширением его функционального пространства. Этим объясняется, в частности, высокий деривационный статус таких суффиксов, как -Us, -hUs, -vUs: -(i)stO и др. В новообразованиях, созданных, например, при помощи суффикса -kkO можно говорить о процессе активизации традиционной суффиксальной модели для создания слов обобщенного значения. В свою очередь, исключительно живым в современном языке оказался один из древнейших и наиболее распространенных суффиксов -niekku, который является практически единственным заимствованным суффиксом в карельском языке, поскольку языковая словообразовательная система в целом достаточно закрытая для иноязычных влияний. Суффикс продуктивно используется в моделях создания дериватов со значением какого-либо рода деятельности: *vuoroniekku* 'сменщик', *virguniekku* 'слушащий'.

2) Распространенным способом образования новых лексем стало *словосложение*. При словосложении части слов могут включать элементы как исконного, так и заимствованного проис-

хождения: *tyttiteatru* 'кукольный театр', *školanprogramma* 'школьная программа'.

3) В процессах словообразования используются *заимствования* из русского языка, как наиболее развитого соседствующего идиома, и финского языка, как близкородственного. Особенностью употребления заимствований становится тот факт, что вновь созданные слова терминологического значения из собственных элементов карельского языка зачастую имеют дублетный вариант, обычно – интернационализм, заимствованный через русский язык, например, 'саммит' – *ylinkerähmö* и *sammittu*; 'траулер' – *merinuotanvedäi* и *trauleri*.

4) Помимо заимствований, особую группу словообразовательных моделей представляют *кальки* и *полукальки*. Использование полукалек и калек – один из наиболее предпочтительных способов пополнения лексики младо- и новописьменных языков, поскольку они наилучшим образом вписываются в языковую систему. В карельском языке множество новых слов образовано по правилам карельской грамматики под влиянием финского и других близкородственных языков: 'численность' – *lugumiäry*, 'численность населения' – *rahvahanlugu*.

5) Таким образом, наряду со средствами карельского языка при развитии лексической системы используются и возможности других языков, причем эти две тенденции, на наш взгляд, должны уравновешивать друг друга, поскольку и излишний пуризм (особенно в области создания терминологических систем), и чрезмерное увлечение заимствованиями не могут по отдельности обеспечить полноценное развитие словарного состава языка.

6) При возрождении и развитии языка наряду с суффиксацией и словосложением наблюдается также довольно активный *процесс перехода забытых или полузабытых слов в разряд активной лексики*: *aineh* 'вещество', *ehto* 'условие', *indo* 'вдохновение' и т. д. В процессе создания новых терминов одним из способов наряду с морфологическим способом и заимствованиями является также терминологизация, т. е., перевод общеупотребительного слова в термин, например, 'терроризм' – *piinavo*, 'реализм' – *tozi*. Лексема *virkeh* употребляется сейчас в терминологическом значении 'предложение', сохраняя в остальных случаях свою прежнюю семантику 'слова, укор'.

7) Что касается морфолого-синтаксического способа словообразования, то, можно отметить, что он не стал широкоупотребительным в новописьменном языке. В новообразованиях выявляются два основных направления: 1) причастия употребляются в качестве имен существительных и прилагательных (Зайков 1999: 113): *kirjuttai* 'автор', *puolistai* 'адвокат'; 2) инфинитивы употребляются в качестве имен существительных: *mugavumine* 'ассимиляция', *tartumu* 'зараза' (Маркианова 2003: 72).

8) Новообразования в ливвиковском и собственно-карельском наречиях создаются по известным для этих наречий моделям, зачастую на базе однокорневых морфем, например, 'запрос' – *tijjustelu* (с.-кар.) и *tijjon eččimine* (ливв.), 'заседание' – *issunto* (с.-кар.) и *istundo* (ливв.), 'застой' – *lama-aika* (с.-кар.) и *lamevus* (ливв.), 'звукозапись' – *iänissys* (с.-кар.) и *iänenkirjutus* (ливв.). Это создает предпосылки для возможного унифицирования карельского языка.

II. *Грамматика*, в отличие от лексики, менее подвержена изменениям. Это касается и падежной системы, являющейся более устойчивой к инновациям, хотя с течением времени и в ней произошли свои изменения: под влиянием близкородственных языков в падежной системе стали формироваться падежи новейшего образования, так называемые «послеложные падежи». Данная инновация свойственна, прежде всего, ливвиковскому и людиковскому наречиям, где тенденция развития от аналитической конструкции к единой форме слова наблюдается на примере возникновения в языке данных падежей. На формирование послеложных падежей, безусловно, повлиял вепский язык, в котором наблюдается аналогичность процессов.

Научные работы финно-угроведов последнего периода явление превращения отдельных послелогов в часть падежного форманта представляют как свершившийся факт, характерный не только для ливвиковского и людиковского наречий карельского языка и вепского языка, а также и для ряда иных прибалтийско-финских языков (см. напр. ALFE 1, 2004). Решение проблемы послеложных падежей, и, прежде всего, выделения в грамматике ливвиковского наречия терминатива и аппроксиматива очень важно, поскольку в настоящее время развивается новописьменный язык, для которого проблема границ слова имеет существенное значение, отражаясь при разработке правил орфографии.

III. Что касается практической части исследования, то *социолингвистический анализ* использования лексики в газетных текстах показал, что полное понимание содержания газетного текста наблюдается не более, чем у 20% респондентов. Таким образом, письменный язык понятен достаточно небольшой части информантов. Это подтверждает также анализ предложенных информантами-карелами вариантов переводов лексем, отражающих понятия общественно-политической сферы. «Графическая» неоднородность при написании переводов в некоторых случаях может казаться «отголоском» письменной традиции 1930-х гг. С другой стороны, очевидно, что информанты, владеющие финским языком, легче воспринимают современную письменность.

Исключительно интересными и заслуживающими специального изучения представляются коммуникативные ситуации, обусловленные современными языковыми условиями. Например, язык участников коммуникации, представляющих разные поколения в одной семье и овладевших языком в разных условиях, может представлять собой некие «диглосные» варианты, индивидуальные идиолекты внутри семьи. Разница в используемой представителями разных поколений лексике в проанализированном случае составила одну пятую часть от предложенных к переводу слов.

ОБРАЗЦЫ КАРЕЛЬСКОЙ РЕЧИ

(записано в с. Святозеро от информанта 1930 г. р., ур. д. Вашаково)

– Sano, kusbo sinä elit, omas elaijas, kuspäi olet roinnuhes?

– Elin minä Vašakas, pienenny neičykänny sigä suadih, sigägi elin, tuatto minul oli, muamo, deduška oli. Nu vot f sorokovom, tritsat' dev'atom godu tuatto minun otettih armejah, okopoil' i enämbi ei tulnud kodih. Edele rodih otečestvennoi voinu tänne. Sinnegi häi i kuoli, minä d'äin maman ker. Deduška evakuatsijah en tiije, deduška d'äi täh, kyläh sie meile, Vašakkah. Me maman ker Petrovskoil työttih baržal, i baržal olimme kaks ned'älid, kačajimmos, bombittih nemcat. Sit tulimmo... i minä en tiijänyh ni yhty sanua, en voi ven'akse..

– Karjalakse pagizit?

– Da, en tiijännyh nimidä, daže en voinnuh pakita ičele ni vetty juoda ni leibyä palaste, ni luzikkaa kähiz ottaa. No sid tytöin ker puuttuimme kvartirah, tytär oli russkoi neičykkäine, rovestnicat minul ei oli, postarše, häi ozuttau i sanou ven'akse, i minä vähäžel opastuin. Sid työttih meid edele, sid kaiken talven ajoimme mašinal i do Jaroslavlepäi työttih, sinne, sid Jaroslavlepäi kyläh, sinne, sovhozoih. Sid siegi maman ker elimme. Häi kävyi pakiččemah, štob elädä, a minä en voinuh, parembi nälgäh kuolen, no en lähte. Minä hoz'aikan ker elin, hoz'aika minut školah gotovii, i sigä uvvessah, minä četüre klassa lopin i sid udessah lopin, kolmandeh kluasassah učiimmos. Voinu lopei, kačo, i myö tulimme Belomorskah, a Belomorskas, zeml'ankois elin. A voi sid zeml'ankoispiäi, vot kui osvobodittih Petrozavodsk, tulimme kodih järilleh maman ker. I vot zavodimme ruata, Vašakas. Kai voimmo, muadu labd'uol, štobi obrabotat' muad, heboloil, astuvoičin... piilimme mečät, a kevädel – splaval, splavl'aičimme... A sit f p'atides'atom godu menin miehel. Järilleh lähtin kyläspiäi Petrovskoile. Olin n'an'kannu, vuoden, sid n'an'kannu olin vuoden... sid poznakomin yhtes sijahizes, häi ruadoi voinus, gospital'is, a sid minuu gospitalih perevedii. Olin oficantkannu. Mužikke minut, kui sanotah.. kaks ned'alii elimme, da sid i järilleh lähti i sid minä elin vdovuškannu lidnas. Gospitalis ruadoin, sid po komsomolskim put'ovkam työttih mied' ruadoh op'at'. Sid minä v sovhoze Zaitseva sigägi ruadoin. Sid löydin toižen saldatan op'at'... kolhozas jo nadoeiči ved'– a ved' silloi minul oli vaigu vosemnadcat' let, konzu miehele menin enzi kerran,

dumaijin, hospodi, op'at' kolhozas, op'at' ruata pidäy. No sid häi minuu vjürüiči, direktoru, konešno, ei pie sanoa, a zamestitel'u direktora sanou, konečno, vjürüičin neičykkäny... a soldattu Mokovah ajoi ...a minä sid gospitalis ruadoin da miehele udessah menin. A sid Br'anskah menin, Br'anskas elin, derevn'a Savic. A sigä rodih pogaine, Br'anskas. Hätken.. Kuus kuudu kačoin dai kuoli...Ajoin op'at' kodih järilleh, Vašakkah, op'at' sovhozah. A sid sie suain viiž lastu, tyttären ezmäi suain, sid poigan, sid tytär, sid poige, sid tytär, nu vobšem – viiž, kaks poigad da kolme tytärd.

– Sit suuri pereh sinul oli...

– Mužikke oli invalid... invalid Sovetskoï armii oli, sid kuoli... A sid elin yksinäh lapsidenke. Seičas elän keskinäižen tyttärenke, Gal'an ker, a nuorin, samoi nuori tytär on Minskas miehel, poige on ženatoi Petrovskoïl, a vahnin kaikil vot täs eläy, Sv'atozeraz. Vot minun i elaike.

– Äijygo bunukkua sinul on?

– Vot a seičas vahnimmal poigal on kaks poigad, kaks bunukad, side tyttärel on yks, tyttärel on tože yks, vot i poige, no brihačud on kolme bunukad i kaksi neičykäd, vot minul yhtes viiž polučaetsa vot.. libo viiž libo nel'1'. Segavuin, hambahii ei ole, pagizen pahoin da i pam'ati ei ole, davlenje on suuri, boleičen puaksuh... Pihal lähten da i unohtan kai, a elaike minun – celjg istorii, kui minä elin prosto koroten'ko sanoin.

– A kerro, ongo sinul dovariššoi tiäl?

– Oli minul podrugoi, olid i družja, ga nygöi podrugoi ei ole, kudamad minul oldih podrugad v minun vozraste jo muas... Vot.. A družjad... Mužikoidenke ja ne družu...

– A kerro meile omas kyläs...

– A sigä dačnikat eletäh, oli meil kodi... A kus minun mama Br'anskas eli da i minun otti sinne, pienenny lapsennu... a d'at'ka sil aigai myi meiden kodin... kodi seižou da vierahat eletän, ei ole minul daču. A kylä himoittav ainos. Himoittav minuu kylä... vot dumaijen en voi ajelta, vot tytär tulemmos Murmankaspiäi, oi, Minskaspiäi, sit mašinal... a peškom vägie minul ei ole...yheksä kilometrii sigäči, a sigäči seičcie...

– A kerro täs kyläs, kus ken eli?

– Meil oli suuri kylä, Vašakan, kolmekymmend kodid oli. Do voini ol, a sid vo vremja voini poltettih... a sid olnu Važinskoï pristan'n'u, a

sie tože por'adošno... i Signiemi vie kolmaš kylä, Signiemi... a sit kai razvaliitihes, ei ole kodii.

– A oligo sie järvie?

– Ymbäri järvi oli suuri.. Sv'atozerskoje ozero i ymbäri sid, kačo, Sidniemi, Važinskoj pristan'n'u Vašakke... Da i Sv'atozeran zadevaiči se järvi.

– A kus ruavoitto täs kyläs?

– Nygöi midä täs libo enne?

– Ennevahnas

– Enne sigä kolhozois.

– A peldoruavot?

– Oldih, i pelлот meil oli, i lambas, i lehmät i heinät niitettih.

– A konzu heinät niitettih?

– A heinät... heinä on interesno, konzu nečidä... a urožai kerätäh avgustal, leibät avgustal... a täs ei ole nimidä. Täs minä ruadoin zverofermas, kai ni ei ole ni zverid, ni skotnoi, kai razvalilos'. Eigo skotnoi, eigo konnoi, ei nimidä ole...razavlilos'. Eigo ni ole ruadod rahvahan. Ajeltah Petrovskoile, Priäžäh da ken kunned'. Ylen on trudniji elaiže rahvahale, trudnoi. Nuorižole ruadod ei ole nikus sit täs. Nimidä. A ende zveroferma oli, polevodstvas ruattih, skotnoi dvora oli, dojarkoinnu oldih, školad oldih, no škola nygöi on, no mladšie klassi... sadik on vie malen'koi lapsile...

– A kezäl kävittö meččäh?

– Ende kävyin, a nygöi en kävy... Ende kävyin muard'ah, kävyin gribah, a nygöi uže vs'o.

– A kalah?

– Ongittamah ne l'ubl'u! Mužikad ongitetah. Ahvenistu suadah, riäpöid', verkot lasketah, on i lahnad, sčukad lovitah, nalimat, kai kalat oldah. Järves oldah kai kalad... Täs zaveditah rjba... oi, mibo se ruskei kala, mibo.. losos', naverno, losos'. Zavoditah täs, kus minä elin, sigä azutettih zagraždennii i kazvatetah. I Peldožas kazvatetah tože, kaks brigadad, kahtes sijas... A minä ne l'uubie kalua!

– Kuvotgo kangastu?

– Kangahad kuvotah, no minä en malta. Muamo, konešno kudoi kangas, poloviekkoi kudotti, a ende i štanit, kudottin suknat, šerst'anoi, villaižed... kangas otbelivali lumel, kui snežok. A nygöi ei kudota nimidä, vaigu poloviekkoi kudotah i vs'o. A kr'učkoiil kudio minä maltoin, višivoittua tože maltoin, nygöi en näge putilleh nimidä...

– A piiruat pastat?
– Piirad en...harvažeh pastoin da ne l'ubitel'nica ja! Aigad ei oln. Muamo paštoi kaikkenjytyd piirad, kaikkenjytyd, mama paštoi. Pächči meil oli ruskoi, a täs nygöi duhovkois.

– A kerro midäbö päčis pastoit?

– Ka päčis kaiked piirad, kaiked piirad... Keitinpiirad skovorodal azuttih, sulčinad. Hoikkažed koured, i heidy skovorodkal pašsetah, i koaššan ker zagibaittah. Čupukkad. Magei on... A čupukkad smetanad painettih. Kalitkat paštettih. A nygöi kalitkat tuodah lidnaspiäi, laukaspiäi kentahto ostetah.

– A iče maltat?

– Maltan-maltan... ga lučše ostan laukas.

– Kerro, kuuletgo sinä nygöi karjalan kielder omas kyläs? Ken maltau karjalakse paista?

– Nu, vähä ken pagizou.

– A sinä iče kenenke pagizet?

– Da ken vastah tulou, ga pagizen. No podruška minul oli hyvä on, hänenke yhtes ruadoin, da on boleiččou... Hän hyvin po-karel'ski pagizou da vie tiedäy da rasskaži no händy ei ole... no enimmyölleh kaiken ven'akse (paištah), nuorižot niken ei tahdod (karjalakse), da i täs meil oldah to tatarat, to belorusat, to ukraincat, mestnoi rahavastu vähäl... vähä kedä on... On istinno ruskoid rahvahad, smešanno i täs meil. Ende pagišti ainos lyydikse, ei niken sano ven'an sanaa nimidä ... Meidy učittih tože po-karel'ski školas, a sit konz tulimme evakuatsijas, sit po-finski, a sit po-ruski, en tijjänyh ni yhty sanaa, ni yhty, edinoi, nimidä! Ruadoh lähtin mamanke, sit kuundelen, midä pagišttaa, a sit kodih tuleme, minä sanon: Mama, perevedi ven'akš, ven'an kielel karjalakše, häi perevodi, a nygöi pagizen, kui pidäy. Po-karel'ski. A nygöi vähä ken pagizou. Pagištah, no vähän pagizou. Täs rahvas: sanoihän ruskoit, belorusat, tatarat i kai net. Tatarat pereveditah omah kileleh i pagištah, a ruskoit po-ruski, belorusat tože takže. Bili ukraincat, net minä hyvin tiezin.. net meiden kyläh nuoret mužikat tuodih heidy silloi do voini heidy, odin ylen hyvin po-karel'ski, a toine ei toine vai sit-täs...

– Расскажи, где ты жила, о своей жизни, где родилась?

– Жила я в Вашаково, маленькой девочкой, там родилась, там жила, папа у меня был, мама, дедушка. Ну, вот, в сороковом, три-

дцать девятом году папу забрали в армию, в окопы, и он домой не вернулся. А потом здесь была Отечественная война. На ней он и погиб, я осталась с мамой. Дедушка в эвакуацию (попал) – не знаю, дедушка здесь остался, у нас в деревне, в Вашаково. Нас с мамой в Петрозаводск отправили на барже, две недели на барже были, смотрим – немцы бомбят. Потом вернулись. Я ни слова по-русски не знала.

– По-карельски говорила?

– Да, ничего не знала, даже не могла для себя ни воды попросить, ни кусочка хлеба, ни ложку в руку взять. Но, потом мы с девочкой попали в квартиру (жить), девочка эта была русской, ровестниц у меня не было, (все) постарше. Она показывает и говорит по-русски, и я потихоньку научилась. Потом нас дальше отправили, потом всю зиму на машине ехали, до Ярославля привезли, туда до Ярославля, в деревню, в совхозы. Там мы с мамой и жили. Она ходила просить милостыню, чтобы выжить, а я не могла, лучше я от голода умру, но не пойду (просить милостыню). Я с хозяйкой жила, хозяйка меня к школе готовила, и там снова, я четыре класса закончила, и потом снова закончила, до третьего класса училась. Война закончилась и мы приехали в Беломорск, а в Беломорске в землянках жила. А потом из землянок, когда Петрозаводск освободили, вернулись назад домой с мамой. И начали работать, в Вашаково. Как могли, лопатой землю (копали), чтобы обработать землю, лошадьми, боронили... лес пилили, а весной – на сплаве, сплавливали... А потом в пятидесятом году я вышла замуж. Назад из деревни в Петрозаводск вернулась. Год нянькой была, потом нянькой год была...потом познакомилась с одним заместителем, он на войне в госпитале работал, и меня в госпиталь перевели (работать). Была официанткой. Муж меня, как говорится, две недели жили, а потом обратно уехал, и потом я «вдовушкой» жила в городе. В госпитале работала, потом по комсомольским путевкам опять отправили нас на работу, опять. Потом я в совхозе им. Зайцева работала. Затем другого солдата нашла... В колхозе уже надоело ведь – мне ведь тогда было всего восемнадцать лет, когда я в первый раз вышла замуж, думаю, господи, опять в колхозе, опять работать надо. Но потом он меня выручил, директор, конечно, нельзя говорить, а заместитель директора говорит, конечно, выручу девушку... солдат в Москву уехал... а я потом в госпитале ра-

ботала и замуж снова вышла. А потом в Брянск уехала, в Брянске жила, деревня Савиц. В Брянске сын родился. Недолго. Шесть месяцев, смотрю, и умер. Я снова домой вернулась, в Вашаково, в совхоз. А потом там пятерых детей родила, вначале дочь родила, потом сына, потом дочь, потом сына, потом дочь, ну, в общем, пятерых, два сына и три дочери.

– Большая семья у тебя была.

– Муж инвалид был... инвалид Советской армии, потом умер... А я потом одна с детьми жила. Сейчас живу со средней дочерью, с Галей, а самая младшая, самая младшая дочка замуж в Минске вышла, сын женат, в Петрозаводске (живет). А самый старший здесь живет, в Святозере. Вот и моя жизнь.

– А внуков сколько у тебя?

– Вот, а сейчас у старшего сына два сына, два внука, затем у дочери один, у дочери (другой) тоже один, вот и сын, мальчиков – три внука и две внучки, вот у меня всего пять внуков получается, вот. Или пять, или четыре. Запуталась, зубов нет, говорю плохо, да и памяти нет, давление высокое, болею часто. На улицу выйду и забываю все, а жизнь моя – целая история, как я жила я просто кратко рассказала.

– Расскажи, друзья у тебя здесь есть?

– Были у меня подруги и друзья, но сейчас подруг нет, которые моего возраста были, уже умерли... вот... А друзья.. С мужчинами я не дружу.

– А расскажи мне о своей родной деревне.

– А там дачники живут. Был у нас дом... Когда моя мама в Брянске жила и меня туда взяла, маленьким ребенком... Дядька в то время продал наш дом. Дом есть, но там чужие люди живут, нет у меня дачи. А деревню люблю. Люблю деревню ... Вот, думаю, не могу поехать, вот дочь приедет из Мурманска, ой, из Минска, тогда на машине... а пешком у меня сил нет, девять километров туда, или семь...

– Расскажи об этой деревне, где кто жил?

– У нас была большая деревня, Вашаково, тридцать домов было. До войны было, потом во время войны сожгли... а потом (была) Важинская пристань, а там тоже порядочно (домов). И Сигнаволок еще третья деревня, Сигнаволок. А потом все развалилось, нет домов.

- А озеро там было?
- Вокруг было большое озеро. Святозерское озеро и вокруг потом, смотри, Сигнаволок, Важинская пристань, Вашаково... Да и Святозеро задевало это озеро.
- А где в деревне работали?
- Сейчас что здесь есть или раньше что было?
- Раньше.
- Раньше в колхозе работала.
- А полевые работы?
- Были, и поля были у нас, и овца, и коровы и траву косили.
- А когда траву косили?
- Траву... Трава интересно, когда траву надо... А урожаем собирали в августе, хлеба в августе... а сейчас здесь ничего нет. Здесь я работала на звероферме, так нет ни зверей, ни скотного двора, все развалилось. Нет ни скотного двора, ни конного, нет ничего, развалилось. Нет работы людям. Ездят в Петрозаводск, в Пряжу, да кто куда. Очень трудная жизнь у людей, трудная. Для молодежи работы здесь нигде нет. Ничего. А раньше звероферма была, в полеводстве работали, скотный двор был, доярками были, школы были, но школа и сейчас есть, но младшие классы. Садик еще для маленьких детей. Скучная жизнь...
- А летом ходили в лес?
- Раньше ходила, а сейчас не хожу... Раньше ходила за ягодами, за грибами, а сейчас уже всё.
- А на рабалку?
- Рыбачить не люблю! Мужики рыбачат. Окуня ловят, ряпушку, сети опускают, есть и лещ, щук ловят, налимов, вся рыба есть. В озере вся рыба есть. Здесь разводят рыбу, ой, как это: красная рыба... как.. лосось, наверное, лосось. Здесь, где я родилась, установили заграждение и разводят. И в Пелдожах разводят тоже, две бригады, в двух местах... я рыбу не люблю.
- А ты ткешь?
- Ткут, но я не умею. Мама, конечно, ткала, половики ткала, а раньше и брюки, ткали, сукно, шерстяные. Ткань отбеливали снегом, как снежок. А сейчас ничего не ткут, только половики. Я умела крючком вязать, вышивать тоже умела, а сейчас и не вижу толком ничего.
- А пироги печешь?

– Пирог нет... Редко пекла да не любительница я! Времени не было. Мама пекла всякие пироги, всякие пироги мама пекла. Печка у нас была русская, а сейчас в духовках (пекут)...

– Расскажи, что в печи пекли.

– В печи всякие пироги, всякие пироги. «Пироги для зятя» на сковородке жарили, сульчины. Тоненькие корочки и их на сковородке выпекают и с кашей заворачивают. Блины. Вкусные. А блины в сметану макали. Калитки пекли. А сейчас калитки из города привозят, и в магазине кто угодно покупают.

– А сама умеешь?

– Умею-умею, но лучше в магазине куплю.

– Расскажи, ты слышишь карельскую речь сейчас в своей деревне? Кто умеет по-карельски говорить?

– Ну, мало кто умеет.

– А сама с кем разговариваешь?

– Да кто навстречу идет, с тем и разговариваю. Но подруга у меня была хорошая, с ней вместе работала, да она болеет... Она очень хорошо говорит по-карельски, да еще знает да рассказывает. Но ее нет. Но больше всего все по-русски говорят, молодежь никто не хочет (по-карельски говорить), да и у нас здесь то татары, то белорусы, то украинцы, местного населения мало, мало кто.. (Здесь) истинно русский народ, смешанный у нас. Раньше говорил по-людовиковски, никто по-русски ни слова (не говорил). Нас учили тоже по-карельски в школе, а когда вернулись из эвакуации, тогда по-фински, а потом по-русски, не знала ни одного слова, ни одного, ни единого, ничего! На работу ходила с мамой, потом слушала, что говорят, а когда домой придем, я говорю: Мама, переведи на русский. С русского на карельский, она переводила, а сейчас говорят, как следует. По-карельски. А сейчас мало кто говорит. Говорят, но мало говорят. Здесь население, говорила ведь: русские, белорусы, татары... Татары переводят на свой язык и говорят, а русские по-русски, белорусы тоже так же. Были украинки, я их хорошо знала. Их в нашу деревню молодые парни привезли, тогда, еще до войны, одна очень хорошо по-карельски говорила, вторая нет.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ:

Азбука для кореллов, живущих в Кемском уезде Архангельской губернии. Архангельск, 1894. 29 с.

Алпатов В.М. 150 языков и политика, 1917–2000: социолингвистические проблемы СССР и постсоветского пространства. М., 2000. 223 с.

Анисимов Н.А. Буквари. Петрозаводска, 1938. 108 с.

Анттикоски Э. Стратегии карельского языкового планирования в 1920-е и 1930-е годы. // В семье единой. Петрозаводск, 1998. С. 207–222.

Аристе П. S-овый иллатив в прибалтийско-финских языках // Институт языкознания: доклады и сообщения, VII. М.: Изд-во АН СССР, 1955. С. 22–31.

Афанасьева А.И. Культурные преобразования в Советской Карелии 1928–1940. Петрозаводск, 1989. 280 с.

Баранцев А.П. Карельская письменность // Прибалтийско-финское языкознание: Вопросы фонетики, грамматики и лексикологии. Ленинград, 1967/ С. 84–104.

Баранцев А.П. О людиковском языковом памятнике начала XVII века // СФУ. Таллин, 1984, № 4. С. 298–303.

Баранцев А.П. Образцы людиковской речи. Петрозаводск, 1978. 287 с.

Баскаков А.Н. Социолингвистическая обусловленность развития семантики турецкой лексики // Диахроническая социолингвистика. М., 1993. С. 152–162.

Богданова Е.В. Сборник упражнений по карельскому языку (ливвиковское наречие): 3–4 класс. Е.В. Богданова, Т.В. Щербакова. Петрозаводск, 2004.

Бубрих Д.В. Грамматика карельского языка (фонетика и морфология). Петрозаводск, 1937. 78 с.

Бубрих Д.В. Диалектологический атлас карельского языка = Karjalap kielten muige-kartasto / Д. В. Бубрих, А. А. Беляков, А. В. Пунжина; Ин-т яз., лит. и истории Карел. науч. центра РАН, Науч.-исслед. центр яз. Финляндии. Helsinki, 1997. 209 с.

Бубрих Д.В. Историческая морфология финского языка. М.-Л., 1955. 187 с.

Бубрих Д.В. Историческое прошлое карельского народа в свете лингвистических данных // Известия Карело-Финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР. № 3, 1948. С. 42–50.

Бубрих Д.В. Карелы и карельский язык. Петрозаводск, 1932. 39 с.

Бубрих Д.В. К вопросу об исторической последовательности фонетических сдвигов в ливвиковском наречии карельского языка // Известия карело-финской научно-исследовательской базы Академии наук СССР. Петрозаводск, 1947. С. 118–123.

Бубрих Д.В. Прибалтийско-финское языкознание. Избранные труды. Санкт-Петербург, 2005. 381 с.

Бубрих Д. В. Программа по собиранию материала для диалектологического атласа карельского языка. Петрозаводск, 1946. 174 с.

Бубрих Д.В. Происхождение карельского народа. Петрозаводск: Карело-финский государственный университет, 1947. 51 с.

Бубрих Д.В. Происхождение с-овых внутренне-местных падежей в западных группировках финноугорских языков // Ученые записки Карело-финского государственного университета. Петрозаводск, 1947. С. 27–46.

Бубрих Д.В. Языковая проблема у карел // Революция и письменность. 1932. Вып. 1/2. С. 38–50.

Быкова Г.В. Знаковые и лексические лакуны в концептосфере амурских эвенков // Лакуны в языке и речи. Благовещенск, 2003. С. 11–19.

Вопросы экономического, социального и культурного развития (1920–1940) Карелии. Петрозаводск, 1976. 211 с.

В семье единой. Петрозаводск, 1998. 290 с.

Гилюева Н.М., Рудакова С.В. Вводный курс карельского языка (ливвиковское наречие): Учебное пособие. Петрозаводск, 2009.

Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Матфея на карельском языке = Господань минь Иисусань Христань пюгä Евангели Матфейста карьялань киелелля. Архангельск, 1895. 90 с.

Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Марка на карельском языке = Господань минь Иисусань Христань пюгä Евангели Маркешта карьялань киелелля. Архангельск, 1896. 55 с.

Господа нашего Иисуса Христа Святое Евангелие от Иоанна на карельском языке = Господань минь Иисусань Христань пюгä Евангели Иванашта карьялань киелелля. Архангельск, 1900. 72 с.

Громова Л.Г. Влияние православия на историю и культуру тверских карел // Православная педагогика и православная культура: история, традиции и современность. II вып. Тверь, 2009. С. 149–156.

Громова Л.Г. Тверские памятники карельской письменности 19 столетия. Folia Uralica. Debreceniensia. Debrecen, 2006. С. 29–39.

Грязнова В.М. Континуум «транспозиция – мутация» в словообразовании // Вестник Ставропольского государственного университета, № 66, 2010. С. 172–177.

Диалектологический атлас карельского языка /под ред. Бубриха, Белякова А.А., Пунжиной А.В. Хельсинки, 1997.

Дубровина З.М. Об образовании вторичных падежей из послеложных конструкций в прибалтийско-финских языках // Вестник ЛГУ, 1956. № 14. С. 69–86.

Елисеев Ю.С. Древнейший письменный памятник одного из прибалтийско-финских языков // Известия Академии наук ОЛЯ. 1959. Т. 18, вып. 1. С. 65–72.

Жаринова О.М. Зоонимическая лексика карельского языка. Автореферат дисс. на соиск. уч. ст. канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006. 24 с.

Зайков П.М. Глагол в карельском языке. Петрозаводск, 2000. 293 с.

Зайков П.М. Грамматика карельского языка: Фонетика и морфология. Петрозаводск, 1999. 120 с.

Зайков П.М. О преподавании карельского языка в Петрозаводском государственном университете // Бубриховские чтения: Проблемы прибалтийско-финской филологии и культуры. Сб. науч. ст. Петрозаводск, 2002. С. 12–25.

Зайцева Н.Г. Именное словоизменение в вепском языке. Петрозаводск, 1981. 182 с.

Зайцева Н.Г. Младописьменный язык вепсов: периоды и перспективы развития // Современная наука о вепсах: достижения и перспективы (памяти Н.И. Богданова). Петрозаводск, 2006. С. 119–135.

Зайцева Н.Г. Послеложные падежи в вепском языке // Вопросы советского финно-угроведения. Саранск, 1972. С. 61–63.

Из отчёта отдела социального воспитания Наркомпросу КАССР за 1924/1925 уч. год о направлении, итогах и планах проведения карелизации в школах республики // Карелия в период восстановления народного хозяйства, 1921–1925. Петрозаводск, 1979. С. 256–257.

Илюха О.П. Школа и детство в карельской деревне в конце XIX – начале XX в. СПб, 2007. 304 с.

Историческая грамматика эрзянского языка (под ред. Коляденкова и Н.Ф. Цыганова). Саранск, 1953. 272 с.

Карелы: этнос, язык, культура, экономика. Проблемы и пути развития в условиях совершенствования межнациональных отношений в СССР. Тезисы докладов. Петрозаводск, 1989. 68 с.

Карелы: модели языковой мобилизации. Сборник материалов и документов. Сост. Бирин В.Н., Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Петрозаводск, 2005. 281 с.

Карельское национальное движение. Часть 1. От съезда к съезду. Сборник материалов и документов. Сост. Клементьев Е.И., Кожанов А.А. Петрозаводск, 2009. 248 с.

Карлова О.Л. -L-овая модель в топонимии Карелии: автореферат диссертации канд. филол. наук. Петрозаводск, 2004. 22 с.

Каск А.Х. Эстонский язык. // Языки народов СССР, Т. 3, М., 1966. С. 35–61.

Керт Г.М. Величие и трагедия таланта: (к 100-летию со дня рождения чл.-кор. АН СССР Д. В. Бубриха) // Север. 1990. № 7. С. 143–153.

Керт Г.М. Д.В. Бубрих как исследователь карельского языка // Вопросы финно-угорской филологии. Л., 1977. Вып. 3. С. 93–99.

Керт Г.М. Дмитрий Владимирович Бубрих, 1890–1949: очерк о жизни и деятельности. Л., 1975. 104 с.

Керт Г.М. Очерки по карельскому языку. Петрозаводск, 2000. 109 с.

Клементьев Е.И. Идеология и практика языковой политики в Карелии в 1920–1930-е годы // Финский фактор в истории и культуре Карелии XX века. Гуманитарные исследования. Вып.3. Петрозаводск: КарНЦ РАН, 2009. С. 149–163.

Клементьев Е.И. Карелы. Историко-этнографический очерк. Петрозаводск, 2008. 239 с.

Клементьев Е. Некоторые черты языковой ситуации в Карелии: тенденции развития, современное состояние (на примере карел, вепсов, финнов) // Финно-угроведение. № 1. Йошкар-Ола, 1994. С. 41–60.

Килин Ю. Карелия в политике Советского государства. 1920–1941. Петрозаводск, 1999. 275 с.

Ковалева С.В., Родионова А.П. Методы полевой лингвистики для сбора лексического и грамматического языкового материала // Методика полевых работ и архивное хранение фольклорных, этнографических и лингвистических материалов». Петрозаводск, 2009. С.104–108.

Краткий фразеологический словарь карельского языка: (собственно-карельское и ливвиковское наречия. Сост. В.П. Федотова. Петрозаводск, 2001. 240 с.

Крючкова Т.Б. Языковая ситуация в Республике Карелия: история развития и современное состояние // Языки Российской Федерации и нового зарубежья: статус и функции. М., 2000. С. 168–197.

Культурное строительство в Советской Карелии 1926–1941: Народное образование и просвещение: документы и материалы. Петрозаводск, 1986. 176 с.

Левкоев А.А. Д.В. Бубрих и полемика вокруг создания карельской письменности на рубеже 1920–1930-х гг. // Политическая история и историография: от античности до современности: сб. науч. ст. Петрозаводск, 1996. Вып. 2. С. 181–186.

Лексика по фауне и флоре: (ливвиковское наречие карельского языка). Республ. термино-орфогр. комисс., бюл. № 10. Петрозаводск, 2005. 63 с.

Лексика по фауне и флоре: (собственно-карельское наречие). Республ. термино-орфогр. комисс., бюл. № 11. Петрозаводск, 2005. 61 с.

Лингвистическая терминология. Респ. термино-орфогр. комис. бюл. № 1 = Lingvistiekkuterminät : bülleteni № 1. Петрозаводск, 2000. 31 с.

Люгоккяйни Священной исторія = Краткая Священная история Ветхого и Нового Завета: На рус. яз., с переводом на карел. яз. Архангельск, 1895. 57 с.

Майтинская К.Е. К вопросу о категории падежей // Вопросы грамматического строя. М., 1955. С. 226–249.

Макаров Г.Н. Карельская рукопись полувековой давности // Вопросы финно-угорского языкознания. Грамматика и лексикология. М., Л., 1964. С. 176–185.

Макаров Г.Н. Карельский язык // Языки народов СССР. М., 1966. Т.3. С. 61–80.

Макаров Г.Н., Рягов В.Д. Образцы карельской речи (говоры ливвиковского диалекта карельского языка). Л., 1969. 283 с.

Маркианова Л.Ф. Глагольное словообразование в карельском языке. Петрозаводск, 1985. 193 с.

Муллонен И.И. Топонимия Присвирья: Проблемы этноязыкового контактирования. Петрозаводск, 2002. 353 с.

Муллонен И.И. Очерки вепской топонимии. СПб, 1994. 156 с.

Мызников С.А. О некоторых особенностях вепско-людиковских заговоров олонецкого сборника // Материалы XXXVIII международной филологической конференции. Уралистика. СПб, 2009. С. 98–103.

Наумова М.В. Глагольное управление в ливвиковском наречии карельского языка // Автореферат диссертации на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006. 22 с.

Наумова М.В. Глагольное управление в ливвиковском наречии карельского языка // Диссертация на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006. 208 с.

Общественно-политическая лексика: А-О (ливвиковское наречие карельского языка) = Ühteiskunnallis-poliitiekalline sanasto: А-О: (livvin murdeh). Респ. термино-орфогр. комис. Петрозаводск, 2003. 132 с.

Общественно-политическая лексика: А-О (собственно-карельское наречие) = Yhteiskunnallis-poliitini sanasto: А-О: (varsinais-karjalan murdeh). Респ. термино-орфогр. комис., бюл. № 7. Петрозаводск, 2003. 112 с.

Общественно-политическая лексика: П-Я (ливвиковское наречие карельского языка) = Ühteiskunnallis-poliitiekalline sanasto: П-Я (livvin murdeh). Республ. термино-орфогр. комис., бюл. № 8. Петрозаводск, 2004. 256 с.

Общественно-политическая лексика: П-Я (собственно-карельское наречие) = Yhteiskunnallis-poliitini sanasto: П-Я (varsinais-karjalan murdeh). Республ. термино-орфогр. комиссия, бюл. № 12. Петрозаводск, 2005. 176 с.

Пальмеос П. Суффикс –nik в прибалтийско-финских языках // Советское финно-угроведение. 1982. № 1. С. 1–7.

Пашкова Т.В. Народные названия болезней в карельском языке: автореферат дис. на соиск.уч. ст. канд.филол.наук. Петрозаводск, 2008, 18 с.

Письменные языки мира. Языки Российской Федерации. Социолингвистическая энциклопедия. Книга 1. М., 2000. 594 с.

Прибалтийско-финские народы России. Москва, 2003. 671 с.

Пулькин М.В. Переводы Евангелия на карельский язык в XIX – начале XX в. // Вестник ПСТГУ. Филология. 2010. Вып. 4 (22). С. 123–131.

Пунжина А.В. Проблемы развития терминологии карельского языка // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 1991. С. 69–76.

Расшифровки магнитофонных записей из личного архива канд. филол. наук Рягова В.Д. (Фонограммархив Института языка, литературы и истории КарНЦ РАН)-

Рягов А.Е. Карельской киэлен грамматика: неполной средней и средней школан учебника. Ч. 2: Синтаксис. Петрозаводск, 1939. 152 с.

Родионова А.П. Новописьменный карельский язык: проблемы становления орфографии // Вестник Поморского университета, № 5, 2007. С. 137–140.

Русско-карельский разговорник. Сост. Е Филиппова. Петрозаводск, 2009. 96 с.

Русско-карельский словарь. СПб, 1908. 53 с.

Русско-карельский словарь. Выборг, 1913. 74 с.

Русско-карельский словарь. Сост. Т.П. Бойко, Л.Ф. Маркианова. Петрозаводск, 2010. 505 с.

Рягов В.Д. Тихвинский говор карельского языка. Л., 1977. 287 с.

Рягов В.Д. Начин перевода Евангелия от Матфея на «олонецкое наречие» карельского языка // Прибалтийско-финское языкознание. Петрозаводск, 2003. С.24–27.

Серебренников Б.А. Историческая морфология пермских языков. М., 1963. 392 с.

Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г.Н. Макаров. Петрозаводск, 1990. 495 с.

Словарь карельского языка: [тверские говоры]. Сост. А. В. Пунжина.– Петрозаводск, 1994. 396 с.

Словарь собственно-карельских говоров Карелии. Сост. В. П. Федотова, Т.П. Бойко. Петрозаводск, 2009. 349 с.

Советы Карелии. Документы и материалы. Петрозаводск, 1993. 549 с.

Сопоставительно-ономасиологический словарь диалектов карельского, вепсского, саамского языков. Петрозаводск, 2007. 346 с.

Строгальщикова З.И. Вопросы языковой политики в конституциях Республики Карелия // Республика Карелия: 80 лет в составе Российской Федерации (становление и развитие государственности). Петрозаводск, 2000. С. 162–168.

Строгальщикова З.И. Формирование правовой базы по преподаванию прибалтийско-финских языков в Республике Карелия // Бубриховские

чтения. Проблемы исследования и преподавания прибалтийско-финской филологии. Петрозаводск, 2005. С. 270–288.

Филиппова Е.В. Отглагольные суффиксы имен существительных в диалектах карельского языка // Межкультурные взаимодействия в полиэтническом пространстве пограничного региона. Петрозаводск, 2005. С. 407–412.

Фразеологический словарь карельского языка. Сост. В.П. Федотова. Петрозаводск, 2000. 260 с.

Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985. 432 с.

Хакулинен Л. Развитие и структура финского языка. Издательство иностранной литературы. М., 1953. 312 с.

Хелимский Е.А. О прибалтийско-финском языковом материале в новгородских берестяных грамотах // В. Л. Янин, А. А. Зализняк. Новгородские грамоты на бересте (из раскопок 1977–1983 гг.). Комментарии и словоуказатель к берестяным грамотам (из раскопок 1951–1983 гг.). М., 1986. С. 252–254.

Хмяляйнен М.М. Об агглютинатах в вепском языке и в южнокарельский говорах карельского языка. – ТКФ, 1958. Вып.12. С. 83–94.

Хмяляйнен М. О принципах терминологического строительства и унификации лексической части в карельском языке: тезисы доклада (рукопись). Петрозаводск, 1937.

Хмяляйнен М.М. О развитии гласных в конце слова в карельском и вепском языках // Прибалтийско-финское языкознание. М.-Л., 1963. С. 12–22.

Школьная лексика. Респ. термино-орфогр. комис., бюл. № 2: (ливвиковское наречие карельского языка) = Školasanasto: bülleteni № 2: (livvin murdeh). Петрозаводск, 2000. 53 с.

Школьная лексика. Респ. термино-орфогр. комис. Koulusanasto: (varsinais-karjalan murdeh). Петрозаводск, 2001. 56 с.

Ahtia E.V. Karjalan kielioppi: Äänne- ja sanaoppi. Suojarvi, 1936. 144 s.

Atlas Linguarum Fennicarum I. Helsinki, 2004. 464 s.

Atlas Linguarum Fennicarum. Лингвистический атлас прибалтийско-финских языков. III. Helsinki, 2010. 486 s.

Beljakov A. Karielan kielen učebnikka : alguškolalla varoin : 3-s i 4-s opassundavuvvet. Toine čuasti: Gramatikka i oigie kirjutanda. Moskva, 1934. 71 s.

Boiko T. Oma sana. Petroskoi, 1993. 110 s.

Brendojev V. Jättie hüvä jälgi muale. Petroskoi, 1999. 86 s.

Brendojev V. Külmil. Petroskoi, 1990. 48 s.

Carelia № № 5, 6, 2010.

Dubinina Z. Valgei koivikko. Petroskoi, 2003. 75 s.

Jevangeliu Lukan mugah [Евангелие от Луки на карельском (ливвиковском) языке]. Stokgol'm-Helsinki: Biblien kiändüinstituuttu, 1997. 112 с.

Jevangelii Markan mugah [Евангелие от Марка на карельском (ливвиковском) языке]. Stokgol'm-Helsinki: Biblien kiändüinstituuttu, 1993. 88 s.

Jevangelii Matfein mugah [Евангелие от Матфея на карельском (ливвиковском) языке]. Stokgol'm-Helsinki: Biblien kiändüinstituuttu, 1997. 106 s.

Genetz A. Tutkimus Venäjän Karjalan kielestä. Kielennäytteitä, sanakirja ja kielioppi. Helsinki, 1880. 254 s.

Genetz A. Tutkimus Aunuksen kielestä. Kielennäytteitä, sanakirja ja kielioppi. Suomi II: 17. Helsinki: SKS. 1885. 236 s.

Genetz A. Wepsän pohjoiset etujoukot // Kioletär I:4. Helsinki, 1872. C. 3–32.

Grünthal R. Finnic adpositions and cases in change. Helsinki: SUS 244, 2003. 235 s.

Hakulinen L. Suomen kielen rakenne ja kehitys. Helsinki, 1968. 430 s.

Häkkinen K. Agricolasta nykykieleen. Helsinki, 1994. 588 s.

Häkkinen K. Mistä sanat tulevat. Helsinki, 1990. 326 s.

Häkkinen K. Suomalaisten esihistoria kielitieteen valossa. Helsinki, 1996. 234 s.

Iso suomen kielioppi. SKS, 2010. 1698 s.

Itkonen E. Kieli ja sen tutkimus. Helsinki, 1966. 427 s.

Itkonen T. Aunuksen äänneopin erikoispiirteet ja aunukselaismurteiden synty // Virittäjä 75, 1971. S. 153–185.

Itkonen T. Aloja ja aiheita. Helsinki: SUS 216, 1993. 387 s.

Itäkarjalaismurteiden näytteitä. Helsinki: SKS, 1956. 64 s.

Karjalan kielen sanakirja. Helsinki: Lexica Societatis Fenno-Ugricae XVI, I – 1968. 576 s.; II – 1974. 591 s.; III – 1983. 584 s.; IV – 1993. 610 s.; V – 1997. 634 s.; VI – 2005. 782 s.

Laakso J. Vielä kerran itämerensuomen vanhimmista muistomerkeistä // Virittäjä 4, 1999. S. 531–555.

Lüüdilaine № 2, 2008.

Länsimäki M. Suomen verbikantaiset in:ime – johdokset. Helsinki, 1987. 355 s.

Kalima J. Slaavilaisperäinen sanastomme. Tutkimus itämerensuomalaisten kielten slaavilaisperäisistä lainasanoista. Helsinki, 1952. 234 s.

Karlova O. Opaštukka vienankarjalakš. Petroskoi, 2008.

Kettunen L. Vepsän murteiden lauseopillinen tutkimus. Helsinki: Suomalais-ugrilaisen seuran toimituksia, 86. 1943. 576 s.

Kukojeva N.A. Vepsän kel' 2. klass. N.A Kukojeva, M.B. Giniatullina. Petroskoi, 2009.

Kujola J. Lyydiläismurteiden sanakirja. Helsinki: SUS, 1944. 543 s.

Markianova L., Dubrovina Z. Aberi. Petroskoi, 1990. 95 s.

- Markianova L.* Karjalan kielioppi 5–9. Petroskoi: Periodika, 2002. 292 s.
- Markianova L., Boiko T.* Karjal-ven’alaine sanakniigu. Petroskoi, 1996. 222 s.
- Markianova L.* Kirjuniekkku. Petroskoi, 1992. 111 s.
- Markianova L.* Livvin murdehen morfolougii (nominat da abusanat). Petroskoi, 1993. 94 s.
- Markianova L., Mensonen A.* Opastummo karjalakse. Petroskoi, 2006. 227 s.
- Mägiste J.* Terminatiivipäätteiden ja – rakenteiden alalta. Helsinki: SKST 263, 1959. 67 s.
- Näytteitä karjalan kielestä I (Образцы карельской речи). Joensuu-Петрозаводск, 1994. 455 s.
- Nuutinen O.* Järvi – balttilainen laina // *Virittäjä*, 1989. № 4. S. 497–501.
- Nyky-suomen sanavarat. Porvoo, Helsinki, 1989. 504 s.
- Oinas F.* The Development of some postpositional cases in Balto-Finnic languages. SUST, 1961. 162 s.
- Ojansuu H.* Karjala-aunuksen äännehistoria. Helsinki: SKS, 1918. 182 s.
- Oma Mua № 4 2010.
- Oma Mua № 5 2010.
- Oma Mua № 8 2010.
- Palmeos P.* Hilistekkinud käänded karjalan Djoržan murrakus. – SUSA 72, 1973. 135 s.
- Palmeos P.* Karjala valdai murrak. Tallinn, 1962. 226 s.
- Penttilä A.* Suomen kielioppi. Porvoo, 1957. 692 s.
- Pia Päiviö.* Suomen kielen *asti* ja *saakka*. Terminatiivisten partikkelien synonymia, merkitys, käyttö ja kehitys sekä asema kieliopissa. Turku, 2007. 268 s.
- Pahomov M., Potašova L.* ABC-kird’. Helsinki, Lyydiläinen seura ry, 2003.
- Pankrarjeva J.V.* Karjalan kieli: 2. luokka. Petroskoi, 2008. 59 s.
- Remšujeva R.* Ihmehhete. Petroskoi, 1999. 96 s.
- Rintala Päivi.* Adjektiivisten llinen-johdosten semantiikkaa ja syntaksia // *Virittäjä*, 1980, 3. vihko. S. 212–227.
- Sem’onov P.* Ruadajat. Petroskoi, 1998. 82 s.
- Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS, I – 1992. 486 s.; II – 1995. 470 s.; III – 2000. 503 s.
- Tikka T.* Vepsän suffiksoituneet postpositiot // *Studia Uralica Upsaliensia* 22. Uppsala, 1992. 208 s.
- Tunkelo E.A.* Vepsän kielen äännehistoria // SKST, 1946. Osa 228. 44 s.
- Uusi Šana. Piiplijankiännöšinstituutti, 2011. 638 s.
- Uuzi Sana. Stokgol’ m-Helsinki: Biblien kiändüinstituuttu, 2003. 416 s.
- Venäläis-karjalaini pakinašanakirja (vienankarjalksi). Русско-карельский разговорник (на собственно-карельском наречии карельского языка). Сост. Леттиева Г.Е. Петрозаводск, 2010. 128 с.

Viitso T.-R. Äänisvepsä murde väljendustasandi kirjeldus // Ученые записки Тартуского государственного университета. № 218. Тарту, 1968. 382 s.

Virtaranta P. Eräästä karjalais-vepsäläisestä kollektiivijohtimesta // Verba Docent. Helsinki, 1959. S. 403–422.

Virtaranta H. u P. Karjalan kieltä ja kansankulttuuria =Карельский язык и народная культура. Helsinki, 1990. 446 s.

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, I. Helsinki: SUS 129, 1963. 453 s.

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, II. Helsinki: SUS 130, 1963. 419 s.

Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, III. Helsinki: SUS 131, 1964. 402 s.

Zaikov P. Vienan aapini. Petroskoi, 1992. 208 s.

Zaikov P. Kaunista Karjalua, Petroskoi, 1993. 117 s.

Zaikov P. Luvemma vienankarjalaksi, Petroskoi, 1994. 151 s.

Zaikov P. Karjalan kielioppi 5–9. Petroskoi, 2002. 207 s.

http://www.pravoteka.ru/docs/respublika_kareliya/15685.html

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ ИСПОЛЬЗУЕМЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ:

- Атлас 1997 = Диалектологический атлас карельского языка /под ред. Бубриха, Белякова А.А., Пунжиной А.В. Хельсинки, 1997.
- ИГЭЯ = Историческая грамматика эрзянского языка.
- Карелы (1989) = Карелы: этнос, язык, культура, экономика.
- ОКР 1969 = Макаров Г.Н., Рягоев В.Д. Образцы карельской речи (говоры ливвиковского диалекта карельского языка).
- ОЛР 1978 = Баранцев А.П. Образцы людиковской речи. Петрозаводск, 1978. 287 с.
- ОПЛ = Общественно-политическая лексика.
- ПФНР 2003 = Прибалтийско-финские народы России.
- РКС = Русско-карельский словарь. Сост. Т.П. Бойко, Л.Ф. Маркианова.
- СКЯ = Словарь карельского языка (ливвиковский диалект). Сост. Г.Н. Макаров.
- ФСКЯ = Фразеологический словарь карельского языка. Сост. В.П. Федотова.
- ABC-kird' = Pahomov M., Potašova L. ABC-kird'.
- ALFE 1 = Atlas Linguarum Fennicarum 1.
- ALFE 3 = Atlas Linguarum Fennicarum 3.
- IKMN = Itäkarjalaismurteiden näytteitä.
- ISK = Iso suomen kielioppi.
- KKS = Karjalan kielen sanakirja.
- KVM = Karjala valdai murrak.
- LT I = Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, I.
- LT II = Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, II.
- LT III = Virtaranta P. Lyydiläisiä tekstejä, III.
- NKK 1994 = Näytteitä karjalan kielestä I (Образцы карельской речи).
- SSA = Suomen sanojen alkuperä.
- VKP = Venäläis-karjalaini pakinašanakirja.

СПИСОК ИНФОРМАНТОВ:

1. Акимова Елена Николаевна, г.р. 1982, г. Кондопога.
2. Амосова Лидия Дмитриевна, г.р. 1935, г. Петрозаводск, ур. д. Сигнаволок (Signiemi).
3. Андреев Николай Андреевич, г.р. 1948, г. Петрозаводск, ур. д. Кара (Kara).
4. Антипов Михаил Васильевич, г.р. 1927, д. Сигнаволок (Signiemi).
5. Анчукова Татьяна Адамовна, г.р. 1952, с. Святозеро (Puhäjärvi).
6. Белов Михаил Иванович, г.р. 1959, п. Пряжа (Priäžä).
7. Бояринова (р. Тараканова) Анна Васильевна, г.р. 1929, с. Крошнозеро (Nuožarvi), ур. д. Котчура (Kožuri).
8. Бужина Татьяна Григорьевна, г.р. 1933, Ершनावолок (Kiiškoinniemi), ур. Савиново (Heččul).
9. Буйжина Анастасия Васильевна, г.р. 1928, с. Ершनावолок (Kiiškoinniemi), ур. д. Афанасьва сельга (Ahpoinselgü).
10. Букина Валентина Николаевна, г.р. 1963, с. Коткозеро (Kotkatjärvi).
11. Букреева (р. Авдеева) Анастасия Андреевна, г.р. 1931, д. Сигнаволок (Signiemi).
12. Васильева Светлана Федоровна, г.р. 1964, с. Коткозеро (Kotkatjärvi), ур. д. Хараккукюля.
13. Гаврилов Владимир Петрович, г.р. 1952, д. Вохтозеро (Vuohitärvi).
14. Гречнев Анатолий Михайлович, г.р. 1953, п. Пряжа (Priäžä).
15. Григорьева Анастасия Павловна, г.р. 1930, с. Святозеро (Puhäjärvi).
16. Гришина (р. Устинова) Мария Ивановна, г.р. 1930, п. Пряжа (Priäžä).
17. Евсеев Иван Иванович, с. Крошнозеро (Nuožarvi), ур. д. Куккозеро (Kukkarvi).
18. Евсеева Лидия Ивановна, с. Крошнозеро (Nuožarvi), ур. д. Кукойнваара (Kukoinvaara).
19. Елисеева Клавдия Петровна, г.р. 1928, д. Ершनावолок (Kiiškoinniemi).
20. Еремова Зинаида, г.р. 1941, с. Ведлозеро (Vieljärvi), ур. д. Юргилица (Jyrgil).
21. Ефимова Лидия Антоновна, г.р. 1927, Ведлозеро (Vieljärvi).
22. Ефимова Татьяна Афанасьевна, г.р. 1929, п. Пряжа (Priäžä).
23. Жук (р. Ретукова) Прасковья Ивановна, г.р. 1916, Крошнозеро (Nuožarvi), ур. д. Ершनावолок (Kiiškoinniemi).
24. Зайцева Клавдия Степановна, г.р. 1922, с. Коткозеро (Kotkatjärvi).
25. Зайцева Надежда Станиславовна, г.р. 1964, с. Коткозеро (Kotkatjärvi).
26. Иванов Валерий Николаевич, г.р. 1959, п. Пряжа (Priäžä).
27. Иванов Николай Максимович, г.р. 1950, п. Пряжа (Priäžä), ур. с. Ведлозеро (Vieljärvi).

28. Иванова Раиса Кирилловна, г.р. 1949, п. Пряжа (Priäžä), ур. д. Юргилица (Jurgil).
29. Иванова (р. Ермолаева) Татьяна Васильевна, г.р. 1925, с. Крошнозеро (Nuožarvi), ур. д. Миккелица (Mikkil).
30. Иммонен Людмила Ивановна, г.р. 1949, п. Пряжа (Priäžä).
31. Капитонова Анастасия Яковлевна, г.р. 1931, с. Святозеро (Pyhäjärvi).
32. Капшина Пелагея Ивановна, г.р. 1926, с. Святозеро (Pyhäjärvi).
33. Капшина Роза Григорьевна, г.р. 1938, п. Пряжа (Priäžä).
34. Калинина Вера Васильевна, г.р. 1932, с. Крошнозеро (Nuožarvi), ур. д. Миккелица (Mikkil).
35. Королева Анна Семеновна, г.р. 1929, д. Холма (Holmu).
36. Корнилова (Вялиева) Надежда Сергеевна, г.р. 1951, с. Кончезеро (Kendärvi).
37. Кулакова Лидия Федоровна, г.р. 1959, п. Пряжа (Priäžä).
38. Кюлиева Александра Федоровна, г.р. 1928, д. Сигнаволок (Signiemi).
39. Левкина Алефтина Гигоевна, г.р. 1957, с. Спасская губа (Mundärvenlahti).
40. Лежнев Николай Тойвович, г.р. 1950, г. Петрозаводск, ур. д. Кара (Kara).
41. Леонтьева Любовь Петровна, г.р. 1958, с. Кончезеро (Kendärvi).
42. Макарова Анастасия Егоровна, г.р. 1941, п. Пряжа (Priäžä).
43. Максимова Евдокия Ивановна, г.р. 1917, с. Крошнозеро (Nuožarvi), ур. д. Кукойнваара (Kukoinvuara).
44. Малахова Татьяна Григорьевна, г.р. 1950, с. Святозеро (Pyhäjärvi).
45. Мамонтова Нина Николаевна, г.р. 1941, г. Петрозаводск, ур. д. Виданы (Viidanan kylä).
46. Марковская Людмила Ивановна, г.р. 1957, с. Спасская Губа (Mundärvenlahti).
47. Матфеева Ольга Петровна, г.р. 1928, с. Крошнозеро (Nuožarvi), р. Сиимонова сельга (Siimoi).
48. Мошникова Ольга Петровна, г.р. 1960, с. Коткозеро (Kotkatjärvi), р. Утозеро (Ujärvi).
49. Насибулина Нина Владимировна, г.р. 1970, с. Коткозеро (Kotkatjärvi).
50. Неволайнен Нина Федоровна, г.р. 1955, п. Пряжа (Priäžä), р. Щеккила.
51. Нестеров Михаил Михайлович, г.р. 1941, г. Петрозаводск, ур. д. Вашаково (Vašakka).
52. Павлова (р. Законова) Феодосия Николаевна, г.р. 1926, Спиридоноволок (Pirdoiniemi).
53. Павшукова Лариса Владимировна, г.р. 1967, с. Кончезеро (Kendärvi).
54. Пахомов Юрий Владимирович, 1961 г.р., с. Михайловское (Kuujärvi).
55. Пахомова Вероника Юрьевна, 1987 г.р., с. Михайловское (Kuujärvi).

56. Первушкина (р. Кутелева) Мария Николаевна, г.р. 1938, д. Гонганалица (Honganual), ур. д. Савойнаволоок (Plekku).
57. Петропавловская Валентина Васильевна (р. Тихомирова), г.р. 1933, с. Коткозеро (Kotkatjärvi).
58. Плешкова Мария Петровна, г.р. 1928, г. Петрозаводск, ур. д. Большие Горы (Suuri Mägi).
59. Подволакин Леонид Леонидович, г.р. 1959, с. Крошнозеро (Nuožarvi).
60. Подушкина Надежда Николаевна, г.р. 1955, д. Сигнаволоок (Signiemi).
61. Потапова Нина Антоновна, г.р. 1951, с. Кончезеро (Kendärvi).
62. Прядихина Людмила Ивановна, г.р. 1948 Святозеро (Puhäjärvi).
63. Родионова Александра Власовна, г.р. 1933, с. Коткозеро (Kotkatjärvi).
64. Рослова Ольга Егоровна, г.р. 1931, д. Лижма (Lidžmi).
65. Рухтоев Иван Петрович, г.р. 1939, д. Гонганалица (Honganual).
66. Рягоев Владимир Дмитриевич, г.р. 1935, г. Петрозаводск, ур. д. Тулмозеро (Tulmojärvi).
67. Савельева Валентина Ивановна, г.р. 1935, с. Святозеро (Puhäjärvi).
68. Савин Михаил Иванович, г.р. 1924, д. Гонганалица (Honganual), ур. д. Гарбаловосельга (Kalajuoko).
69. Сазонов Иван Петрович, г.р. 1951, п. Пряжа (Priäžä).
70. Сергеев Алексей Викторович, г.р. 1962, п. Пряжа (Priäžä).
71. Сергеева Т.В., г.р. 1961, п. Пряжа (Priäžä).
72. Силин Борис Иванович, г.р. 1941, с. Святозеро (Puhäjärvi).
73. Силина Валентина Ивановна, г.р. 1934, с. Святозеро (Puhäjärvi).
74. Силкина Виэно Андреевна, г.р. 1937, п. Пряжа (Priäžä).
75. Сошина Галина Николаевна, г.р. 1929, с. Спасская Губа (Mundärvenlahti).
76. Стукова Елизавета Андреевна, г.р. 1938, г. Петрозаводск, ур. д. Лижма (Lidžmi).
77. Табунов Владимир Георгиевич, с. Михайловское (Kuujärvi).
78. Табунова Валентина Владимировна, г.р. 1987, с. Михайловское (Kuujärvi).
79. Таможникова Зоя Алексеевна, г.р. 1949, п. Пряжа (Priäžä), ур. д. Маньга (Man'gankylä).
80. Тимошкина Надежда Васильевна, г.р. 1962, п. Пряжа (Priäžä).
81. Трофимова Анна Ивановна, г.р. 1928, с. Святозеро (Puhäjärvi).
82. Хаймоева Евгения Владимировна, г.р. 1959, с. Коткозеро (Kotkatjärvi).
83. Федоров Висилий Иванович, г.р. 1928, с. Святозеро (Puhäjärvi).
84. Федоскова Клавдия Ивановна, г.р. 1935, г. Петрозаводск, ур. д. Вашакково (Vašakka).
85. Федулина Зоя Александровна, г.р. 1933, с. Спасская Губа (Mundärvenlahti).

86. Филькина Пелагея Николаевна, г. Кондопога, ур. с. Святозеро (Puhäjärvi).
87. Фомина Валентина Васильевна, г.р. 1939, с. Святозеро (Puhäjärvi).
88. Чеснокова Наталья Владимировна, г.р. 1961, с. Кончезеро (Kendärvi).
89. Шалгунова Евдокия Федоровна, г.р. 1927, д. Ершнаволоок (Kiiškoiniemi), ур. д. Савиново (Heččul).
90. Ярцева Галина Дмитриевна, г.р. 1950, п. Пряжа (Priäžä).
91. Яковлева Татьяна Александровна, г.р. 1966, п. Марциальные Воды (Dvogčča).

СПИСОК ПРИНЯТЫХ СОКРАЩЕНИЙ:

- вепс. – вепсский язык
- досл. – дословно
- др. – другие
- иж. – ижорский язык
- кар. – карельский язык
- латв. – латвийский язык
- ливв. – ливвиковское наречие
- лит. – литовский язык
- люд. – людиковское наречие
- мн. – многие
- напр. – например
- с.- кар. – собственно-карельское наречие
- см. – смотри
- ср. – сравни
- фин. – финский язык
- эст. – эстонский язык

Таблица развития алфавита карельского языка

Год утверждения алфавита	Автор, кем утвержден	Кол-во букв	Буквы алфавита
1931	Московский институт этнической культуры народов Востока	31	<i>a, ä, b, c, ç, d, e, f, g, h, i, j, k, l, m, n, o, ö, p, r, s, ş, t, u, v, y, z, ž, з, в, j</i>
1937	Д.В. Бубрих	36 (фонетическая система единого кар. языка)	<i>a, ä, б, в, з, д, е, е, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, ö, п, р, с, т, у, ү, ф, х, ц, ч, ш, щ, э, ю, я, ъ, ы, ь</i>
1937	Наркомпрос РСФСР	36 (окончательный вариант алфавита единого кар. литературного языка)	<i>a, ä, б, в, з, д, е, е, ж, з, и, й, к, л, м, н, о, ö, п, р, с, т, у, ү, ф, х, ц, ч, ш, щ, э, ю, я, ъ, ы, ь</i>
1989	Совет министров Карельской АССР	27	<i>a, b, č, d, e, f, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, š, z, ž, t, u, v, y, ä, ö</i>
1992	Букварь (Л.Ф. Маркианова)	28 (ливв. наречие)	<i>a, b, č, d, ž, e, f, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, š, z, ž, t, u, v, ü, ä, ö</i>
1992	Букварь (П.М. Зайков)	31 (с.-кар. наречие)	<i>a, b, č, d, e, f, g, h, i, j, k, l, l', m, n, n', o, p, r, s, s', š, z, ž, t, t', u, v, y, ä, ö</i>
2006	Республиканская термино-орфографическая комиссия	27 Единый алфавит карельского языка	<i>a, b, č, d, e, f, g, h, i, j, k, l, m, n, o, p, r, s, š, z, ž, t, u, v, y, ä, ö, ' </i>

АНКЕТА

1. **Фамилия, Имя, Отчество** _____

2. **Ваш возраст** _____

3. **Ваш пол** _____

4. **Ваша национальность** _____

5. **Родной язык** _____

Если Ваш родной язык карельский, то укажите, пожалуйста, наречие.

Если родными для Вас являются несколько языков, то укажите все.

6. **Место жительства** _____

7. **Родной язык Вашей матери** _____

8. **Родной язык Вашего отца** _____

9. **Оцените, пожалуйста, степень владения Вами карельским языком:**

– говорю свободно, понимаю

– понимаю, не говорю

– пишу

– читаю

– не владею

10. **С кем Вы общаетесь на карельском языке:**

с родственниками

с соседями

с друзьями, знакомыми

с коллегами

11. Как часто Вы пользуетесь карельским языком?

12. Владеют ли Ваши дети карельским языком?

13. Слушаете ли Вы радиопередачи на карельском языке?

14. Смотрите ли Вы телевизионные передачи на карельском языке?

15. Читаете ли Вы литературу и газеты на карельском языке?

16. Всё ли Вам понятно при чтении газетных текстов?

Я всё понимаю

В целом понимаю смысл

Понимаю отдельные предложения

Понимаю отдельные слова

Почти не понимаю

Не понимаю ничего

17. Переведите, пожалуйста, предложения:

1) A poikiin dorogas lykätud batug. Kodihessa om ve edahaks, mänoba, pagistaze. Paginan ke Dänny ei ni zamentinu, tykestyi, vähäd ei langenu.

2) Rahvas oldihe ihmes, sto meiden kiel' om moizes pahas tilas, da vähä ken nygu voi abutada elovutada sidä.

18. Как бы Вы сказали по-карельски?

столица _____

директор (школы) _____

мэр _____

юрист _____

повар _____

учебник _____

19. Переведите, пожалуйста, на карельский язык:

а) положи на стол

возьми со стола

лежит на столе

лежит в столе

положи в стол

достань из стола

б) около дома

около пяти вечера

рядом с домом

у дома

поехать к бабушке (к старой бабушке)

***Спасибо!
Passibo!***

Ковалева Светлана Викторовна
Родионова Александра Павловна

ТРАДИЦИОННОЕ И НОВОЕ В ЛЕКСИКЕ
И ГРАММАТИКЕ КАРЕЛЬСКОГО ЯЗЫКА
(по данным социолингвистического исследования)

*Монография подготовлена при поддержке РГНФ, проект 10-04-00538a
(«Традиционное и новое в лексике и грамматике карельского языка
(по данным социолингвистического исследования)»)*

Подписано в печать 26.12.2011 г. Формат 90×60¹/₁₆. Гарнитура Times.
Печать офсетная. Уч.-изд. л. 6,8. Усл. печ. л. 8,0.
Тираж 300 экз. Изд. № 258. Заказ № 13

Карельский научный центр РАН
Редакционно-издательский отдел
185003, г. Петрозаводск, пр. А. Невского, 50